

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА

по вовлечению трудящихся масс
в вооруженную борьбу
с интервентами и белогвардейцами
(1918—1919)

М

ПО

Урл

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР

УРАЛЬСКИЙ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. М. ГОРЬКОГО

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА
ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС
В ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ
С ИНТЕРВЕНТАМИ
И БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ
(1918—1919)

Сборник научных трудов

УрГУ

СВЕРДЛОВСК • 1990

Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами (1918—1919): Сб. науч. трудов. Свердловск: Изд. УрГУ, 1990. 152 с.

Межвузовский сборник посвящен исследованию проблем истории и историографии деятельности партийных организаций Урала в период гражданской войны. Рассматриваются формы и методы действий партийных организаций по вовлечению в вооруженную борьбу различных категорий трудящихся: рабочих, крестьян, представителей национальных меньшинств, женщин, комсомольцев и молодежи.

Сборник рассчитан на научных сотрудников, преподавателей истории, аспирантов, краеведов, пропагандистов и студентов.

Редакционная коллегия: проф. И. Ф. Плотников (ИПК при Уральском университете) — отв. редактор; проф. В. В. Фельдман (ИПК при Уральском университете); канд. ист. наук Ю. В. Величко (Свердловский юридический институт); доц. М. И. Кондрашова (Свердловский юридический институт)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС В ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ С ИНТЕРВЕНТАМИ И БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ (1918—1919)

Редактор **В. И. Попова**
Технический редактор **Э. А. Максимова**
Корректор **В. В. Шапина**

Темплан 1990, поз. 16

Сдано в набор 30.01.90. Подписано в печать 04.09.90. Формат 60x84 1/16.
Бумага для множительных аппаратов. Печать высокая. Уч.-изд. л. 10.
Усл. печ. л. 9. Заказ 1160. Тираж 800 экз. Цена 1 р. 50 к.
Уральский ордена Трудового Красного Знамени государственный университет
им. А. М. Горького. Свердловск, пр. Ленина, 51.

Верхнепышминская типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли. 624080, г. В. Пышма Свердловской области, ул. Кривоусова, 11.

ОТ РЕДАКТОРА

Предлагаемый читателю сборник посвящен коренной проблеме истории гражданской войны на Урале — вовлечению партийными, советскими и другими организациями трудящихся масс в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами.

В 1918—1919 гг. на Урале полыхала гражданская война, 70-летие победы в которой в 1990 г. отмечается в стране. Восточный фронт, протянувшийся с Северного Урала до Южного Предуралья, многие месяцы и в 1918 г., и в 1919 г. являлся в Республике главным. Здесь в это время решалась ее судьба. В принципе, начало гражданской войне положено Октябрьской революцией, победа в которой была достигнута сравнительно легко и быстро. Это прежде всего объяснялось тем, что борьбу партии большевиков во главе с В. И. Лениным поддержали широчайшие слои населения: и те, кто был готов к переустройству общества на социалистических началах, и те, кто не удовлетворился половинчатостью исхода Февральской революции, надеялся на интенсивное проведение буржуазно-демократических преобразований.

Значительная часть средних слоев населения города и деревни, интеллигенции, даже немало рабочих весной — летом 1918 г. стали выражать недовольство политикой РКП(б), Советской власти. Особенно это проявлялось в деревне, куда в это время из города «пошла социалистическая революция», началось проведение в жизнь мероприятий социалистического характера. Широкие массы крестьянства страны, в том числе Уральского края, оказались неготовыми к их принятию. Наиболее острое недовольство вызывало введение монополии на торговлю хлебом, последовавшее затем изъятие его излишков и у кулачества, и у середняка. Жесткие политические и экономические меры, названные затем политикой «военного коммунизма», наступление на капитал «кавалерийской атакой», как потом выяснилось, были ошибкой. Но в создавшихся тяжелых условиях весны — лета 1918 г. они казались неизбежными и необходимыми.

Возникшие трудности Советской власти, недовольство ее политикой со стороны широких масс населения были использованы внутренней и внешней контрреволюцией. Если с антисоветскими мятежами зажиточных казаков в Оренбуржье, крестьян в Бирском, Златоустовском, Красноуфимском и других уездах Уральской области удавалось справляться в основном силами красновардейских отрядов, то с выступлением в конце мая 1918 г. частей чехословацкого корпуса положение радикально изменилось.

Против регулярных частей этого корпуса, сформированного из военнопленных мировой войны Временным правительством и являвшегося внутренней интервенционистской силой, орудием международного империализма, успешно бороться можно было лишь при наличии регулярной армии. Формирование частей Красной Армии затянулось. Это наблюдалось и на Урале. К моменту востания чехословацкого корпуса общая численность частей, отдельных подразделений и отрядов на Урале превышала 20 тыс. бойцов и командиров. Казалось бы, превосходство над противником (челябинская группа чехословацкого корпуса имела менее 9 тыс.) было неоспоримым. Но дело заключалось в том, что советские части в основном все еще находились в стадии формирования, были слабо организованы, недостаточно вооружены и обучены. Не была в войсках изжита партизанщина. Собственно, по-настоящему сформированным, отобризованным, проверенным в боевой обстановке оказался один 1-й Уральский полк РККА, причем небольшой по составу. Отрицательно сказывалось на всей обстановке то, что и центральные, и уральские государственные и военные органы на первых порах не учли всей масштабности чехословацкого и других антисоветских мятежей. Летом — осенью 1918 г. белочехи и белогвардейцы почти полностью захватили Урал. Части и отряды на Урале и в Поволжье, сведенные в пять армий и объединенные в Восточный фронт, упорно дрались с противником.

В захваченных врагом районах ликвидировались советские органы власти, завоевания Октябрьской революции. Установился режим белогвардейской буржуазной диктатуры. С середины ноября 1918 г., когда к власти пришел адмирал А. В. Колчак, белогвардейская диктатура приобрела военно-монархический характер. Борьба сил революции и контрреволюции шла не только на фронте, но и в тылу. Наибольшего размаха она достигла в тылу интервентов и белогвардейцев. На собственном опыте и под воздействием большевистской агитации многие колебавшиеся или даже поддерживавшие чехословаков, белогвардейцев, белоказаков слои населения, в том числе наиболее крупная группа — середняк, стали переходить на сторону Советской власти, участвовать в повстанческо-партизанском движении. Охотнее добровольно и по мобилизациям вступают в Красную Армию трудящиеся по советскую сторону фронта.

Успех достижения полной победы над контрреволюцией зависел от многих факторов, но главным образом от людских резервов, непрерывного пополнения частей Красной Армии, партизанских отрядов представителями трудящихся, распропагандированными солдатами противника. В ходе затянувшейся, изнурительной и кровавой гражданской войны все меньше становилась поддержка

белогвардейских режимов и армий, все больше — Красной Армии и Советской власти. Сила сломала силу.

В статьях сборника речь и идет о путях достижения этого результата и победы, освобождения Уральского края, восстановления в нем Советской власти. Проблематика широкая. Это и мобилизационно-политическая деятельность уральских партийных, советских организаций, включая такие специфические, как ревкомы, ЧК военных органов, комсомола. Это и работа коммунистов, советских, военных активистов среди самых различных категорий трудящихся: рабочих, крестьян, городских средних слоев населения, женщин, молодежи, национальных меньшинств, верующих. Уделено внимание деятельности коммунистического подполья по разработке революционной тактики и вовлечению в партизанские отряды, в готовившиеся вооруженные восстания в ближайшем тылу противника трудящихся города и деревни и солдат армии Колчака.

Не остались без внимания вопросы историографии проблемы, в том числе публикации советологов крупнейших буржуазных стран. Авторы определенно следуют требованию времени, стремятся на широкой источниковой основе, объективно решить поставленные вопросы.

Выдвинутая для рассмотрения и разносторонне раскрываемая тема явится определенным вкладом в историографию гражданской войны на Урале и привлечет внимание специалистов и широкого круга читателей.

**Заслуженный деятель науки РСФСР,
профессор И. Ф. Плотников**

РЕВКОМЫ — ОРГАНЫ МОБИЛИЗАЦИИ МАСС НА ЗАЩИТУ УРАЛА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

После победы Великой Октябрьской социалистической революции перед Коммунистической партией встала неотложная задача упрочения Советской власти. К ее решению приступили и уральские большевики. Важнейшим условием упрочения диктатуры пролетариата явилось создание местного государственного аппарата. Всего к началу гражданской войны на Урале было создано свыше 3 тыс. Советов¹. Но широкий организационный план советского строительства в крае не был до конца осуществлен из-за начавшейся военной интервенции.

Вероломное антисоветское вооруженное выступление чехословацкого корпуса, поддержанное внутренней контрреволюцией, обусловило выдвижение перед партией в качестве первоочередной задачи скорейшей и повсеместной мобилизации сил на отпор врагу, чтобы отразить его первый натиск. В. И. Ленин указывал, что от быстрой победы над чехословаками зависит судьба революции².

С первых дней мятежа чехословацкого корпуса деятельность партии по мобилизации революционных пролетарских масс осуществлялась непосредственно через органы Советского государства: Советы и военные органы. Однако в условиях гражданской войны произошла перестройка органов государственного управления — революционные комитеты (ревкомы), которые действовали наряду с Советами или вместо них.

Ревкомы были малочисленными по составу и обычно назначались вышестоящими органами власти. Для их деятельности наряду с демократическими были характерны принудительные методы: система приказов, наделение ответственных работников чрезвычайными полномочиями. Приказы и распоряжения ревкомов не подлежали обсуждению и объявлялись для всеобщего сведения и претворения в жизнь. Создание этих гибких, оперативных, строго централизованных органов власти обуславливалось чрезвычайной обстановкой военного времени.

Интерес историков к деятельности ревкомов Урала в начальный период гражданской войны вызван в первую очередь тем, что

Урал был одним из первых регионов страны, где стали действовать эти чрезвычайные органы власти. Анализ литературы по данной проблеме содержится в статье А. Т. Тертышного³. Подводя некоторые итоги изучения вопроса о революционных комитетах Урала второй половины 1918 — начала 1919 г., автор справедливо указывает на слабое освещение деятельности ревкомов по решению оборонных задач. Следует также отметить, что в литературе не решен вопрос о численности ревкомов, действовавших на Урале в начальный период гражданской войны. В данной статье ставится задача восполнить эти пробелы, чтобы иметь более полное представление о мобилизации партийными организациями Урала всех его ресурсов на разгром врага.

Начало организации ревкомов на Урале, как и в целом по стране, связано с выступлением белочехов в конце мая 1918 г. Летом этого года на незанятой территории Урала функционировало 47 ревкомов⁴. Более половины их действовало в городах. Создание большинства ревкомов в это время было вызвано близостью фронта. Так, в Пермской губернии действовали ревкомы прифронтовой полосы. Но были и ревкомы тыла (например, в Вятской губернии), их образование диктовалось необходимостью устранения опасности контрреволюционных восстаний. Почти все созданные летом 1918 г. ревкомы были упразднены: одни — в связи с улучшением военно-политической обстановки, другие — так как территорию их действия занял противник.

С сентября 1918 г. по февраль 1919 г. на освобожденной советскими войсками территории Урала происходило восстановление органов Советской власти в форме Советов и ревкомов. По неполным данным, в освобожденных районах Урала было образовано 26 ревкомов⁵. Одновременно наступление колчаковских войск в Пермской губернии вызвало образование там ревкомов прифронтовой полосы. За короткое время, по нашим подсчетам, было организовано не менее 47 ревкомов⁶. Все они, за исключением Вятского губревкома, действовали на территории Пермского округа и после ее захвата врагом были упразднены.

Весной 1919 г. в результате наступления армии Колчака в прифронтовой полосе было образовано 43 ревкома⁷.

Строительство ревкомов на Урале проходило в чрезвычайно трудных условиях. В это время еще не имелось специальных инструкций и положений о революционных комитетах, поэтому иногда партийные и советские органы на местах не имели ясного представления о их сущности и функциях, отношениях с другими органами. Так, Оханский уездный Совет, рассмотрев в сентябре 1918 г. вопрос об образовании военно-революционного комитета в Вере-щаино, признал «крайне важным выяснить сущность этого коми-

тета» и его отношение к уездному Совету, для чего он командировал своих представителей в губернский центр⁸.

Отдельные советские работники не сразу поняли преимущества ревкомов перед Советами в условиях прифронтовой обстановки и выступили против их создания. К примеру, Кунгурский исполком 20 ноября 1918 г. обсудил приказ военного совета 30-й стрелковой дивизии о создании военно-революционного комитета ввиду необходимости «объединить действия разных органов» в уезде. Однако он не принял решения об организации ревкома, ссылаясь на то, что создание последнего означало бы роспуск исполкома, ибо «две власти существовать в одном и том же месте не могут». Решили отправить своих представителей в штаб дивизии «для точного выяснения задач... организуемого комитета». После долгих прений был создан орган с совещательными функциями, который должен был обсуждать вопросы, «близко касающиеся фронта», обеспечивая контакт между исполкомом и штабом дивизии⁹. Совершенно очевидно, что такой совещательный орган был не в состоянии обеспечить действенный контроль за работой исполкома и штаба. Обстановка военного времени все же заставила Кунгурский исполком в декабре 1918 г. пойти на создание ревкома, обладающего всей полнотой власти в уезде¹⁰.

Партийные и советские организации края при помощи армейских коммунистов и партийно-политических работников Красной Армии в основном справились с задачей создания революционных комитетов. В рассматриваемый период ревкомы действовали во всех губернских центрах, большинстве уездных городов, многих заводских районах, некоторых волостях Урала. Причем в ряде мест (Пермь, Вятка, Котельнич и др.) на протяжении лета 1918 — весны 1919 г. они возникали неоднократно. Всего на Урале в разное время с конца мая 1918 г. по май 1919 г. действовало 162 ревкома.

В обстановке военного времени работа всех советских учреждений была подчинена задаче организации обороны, поэтому вся остальная деятельность сокращалась. Количество отделов в революционных комитетах было небольшим — самые необходимые. Так, в Кунгурском военревкоме имелось 4 отдела: военный, гражданский, продовольственный и эвакуационный¹¹. Деятельность ревкомов, как и других советских организаций, в этот период была подчинена прежде всего военным целям.

Под руководством губкомов, уездных, городских и заводских комитетов РКП(б) ревкомы формировали новые воинские части и подразделения для пополнения Красной Армии. Так, летом 1918 г. усилиями Вятского губернского военно-революционного штаба был сформирован и отправлен на фронт Вятский революционный батальон. Результатом агитационной работы Екатеринбургского

уездного ревкома явилось создание двух батальонов из 500 и 350 человек¹². Активно занимались вопросами мобилизации в ряды Красной Армии в это время Уфимский и Пермский губревкомы¹³.

Большую работу по формированию вооруженных отрядов, мобилизации трудящихся в армию проделали зимой 1918/19 г. под руководством коммунистов ревкомы Пермской губернии. Так, Оханский и Кудымкарский военревкомы создали боевые отряды из коммунистов, а волревкомы Усольского уезда по распоряжению уездревкома активно проводили работу по мобилизации крестьян в армию¹⁴.

Весной 1919 г. мобилизация энергично проводилась ревкоматами Вятской, Оренбургской и Уфимской губерний¹⁵.

Помимо мобилизации людских ресурсов революционные комитеты обеспечивали армию продовольствием, обувью, одеждой и т. п. Так, Вережанинский районный военно-революционный комитет 12 ноября 1918 г. постановил немедленно отправить на фронт имеющийся запас теплых вещей: 300 башлыков и 100 пар сапог из шинельного сукна¹⁶. 400 пар валенок, 500 пар рукавиц, много теплых вещей собрал для красноармейцев 5-й Уральской дивизии Осинский ревком. Кроме того, он быстро и оперативно обеспечивал дивизию подводами. Большие запасы хлеба (6 тыс. пудов) и обуви (9 тыс. пар) были переданы 30-й стрелковой дивизии Кунгурским военревкомом¹⁷.

Но не всегда ревкоматам удавалось четко и оперативно выполнять задачи по обеспечению советских войск всем необходимым. Работе их мешала нехватка работников, гужевого транспорта и другие трудности¹⁸, в частности, неоднократная эвакуация из одних населенных пунктов в другие вследствие передвижения фронта. Так, Среднекамский ревком только в январе — марте 1919 г. трижды менял местонахождение. Четыре эвакуации пережили с лета 1918 г. по лето 1919 г. советские организации Осинского уезда¹⁹.

Революционным комитетам приходилось иногда принимать непосредственное участие в организации обороны тех населенных пунктов, где они располагались. Так, Екатеринбургский уездный ревком в июле 1918 г. организовал защиту Горно-Заводской железной дороги между станциями Таватуй и Невьянск²⁰. Летом 1918 г., стремясь задержать наступление белочехов, Уфимский губком партии и губревком направили в Чишмы несколько наскаро сформированных боевых отрядов²¹.

В декабре 1918 г. Кизеловским ревкомом из нескольких отрядов и пополнения был спешно сформирован Кизеловский горный полк, который сумел выбить белых из Губахи, задержать их, что дало возможность закончить в основном эвакуацию Кизела²². В

это же время Добрянскозаводским военно-революционным комитетом (Пермский уезд) был организован отряд из коммунистов «для оказания сопротивления быстрому продвижению белых»²³.

Мобилизуя силы на отпор интервентам и белогвардейцам, местные партийные и советские органы координировали свои действия с оказавшимися в их районах частями Красной Армии. Осинский уездревком, например, поддерживал контакты со штабом 2-й армии, регулярно посылая ему доклады и политические сводки²⁴. Усольский революционный комитет установил связь со штабом 3-й армии. Контакты с 30-й дивизией имел Оханский ревком. Для установления связи со штабом 29-й дивизии Кизеловский военно-революционный комитет постановил командировать туда своего члена²⁵.

Таким образом, деятельность революционных комитетов Урала в начальный период гражданской войны определялась прежде всего задачами оказания всесторонней помощи фронту. Ревкомы наряду с Советами и военными органами приняли активное участие в мобилизации рабочих и крестьян на защиту Советского Урала. Опираясь на помощь трудящихся, активную поддержку партийных организаций, Советов и ревкомов, Красная Армия летом 1919 г. окончательно освободила Урал от интервентов и белогвардейцев.

¹ См.: Лисовский Н. К. 1917 год на Урале. Челябинск, 1967. С. 516.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 133.

³ См.: Тертышный А. Т. Современная историография партийного руководства революционными комитетами Урала в начальный период гражданской войны // Урал в годы гражданской войны (1918—1920): Сб. науч. тр. Свердловск, 1986. В круг анализируемых автором исследований не вошли некоторые специальные работы: Бузуверова Н. В. Руководство партийных организаций Урала ревкомками в период обороны края от внешней и внутренней контрреволюции (май — ноябрь, 1918) // Партийное руководство Советами на Урале (1905—1937): Сб. науч. тр. Свердловск, 1984; Она же. Партийное руководство ревкомками Урала в период защиты края от колчаковцев и подготовки контрнаступления советских войск на Восточном фронте (осень, 1918 — весна, 1919) // Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев (1918—1920): Сб. науч. тр. Свердловск, 1984.

⁴ Подсчитано по: Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. Пермь, 1966. С. 378, 386, 391—392, 420—421, 423—424; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. С. 582; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 503. Л. 116; Д. 573. Л. 3; Д. 579, Л. 43; Д. 581. Л. 205, 214; Д. 586. Л. 51—52; Д. 621. Л. 248, 270; Д. 713. Л. 109; Д. 722. Л. 5, 8; и др.

⁵ Подсчитано по: Удмуртия в период иностранной интервенции и гражданской войны: Сб. документов. Ижевск, 1960. Ч. 1. С. 119, 227; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 539. Л. 174; Д. 604. Л. 39; Д. 722. Л. 86; ПАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 18; и др.

⁶ Подсчитано по: Бугай Н. Ф. Ревкомы. М., 1981. С. 15; Конин Г. К., Бачев Г. Т. За власть народную: Становление Советской власти в Коми-Пермяц-

ком крае Кудымкар, 1972. С. 59, 61—62, 80; ПАПО. Ф. 511. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—2; Ф. 612. Оп. 1. Д. 9. Л. 7; и др.

⁷ Подсчитано по: Очерки истории Кировской организации КПСС. Горький, 1969. Ч. 2. С. 49, 66; Гражданская война в Оренбуржье (1917—1919 гг.): Документы и материалы. Оренбург, 1958. С. 281; ЦГА БАССР. Ф. 1 р. Оп. 1. Д. 41. Л. 43; ГАПО. Ф. 360 р. Оп. 1. Д. 6. Л. 26, 31, 34, 49, 60, 63; и др.

⁸ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 590. Л. 177.

⁹ Там же. Д. 579. Л. 16.

¹⁰ См.: **Андреев К. Н.** Два с половиной месяца // Прикамье (Пермь). 1948. № 11. С. 236.

¹¹ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 589. Л. 107.

¹² См.: Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968. С. 130; **Бузуверова Н. В.** Руководство партийных организаций Урала ревкомми в период обороны края от внешней и внутренней контрреволюции (май—ноябрь, 1918). С. 73.

¹³ См.: **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966. С. 283; История Урала, 2-е изд. Пермь, 1977. Т. 2. С. 81.

¹⁴ См.: **Андреев К. Н.** Большевистские военно-революционные комитеты в Пермской губернии // На фронте и в тылу: Сб. статей. Пермь, 1959. С. 62; **Конин Г. К., Бачев Г. Т.** За власть народную. Кудымкар, 1972. С. 62, 80.

¹⁵ См.: **Бузуверова Н. В.** Партийное руководство ревкомми Урала в период защиты края от колчаковцев и подготовки контрнаступления советских войск на Восточном фронте (осень, 1918 — весна, 1919). С. 86—87.

¹⁶ См.: **Бузуверова Н. В.** Руководство партийных организаций Урала ревкомми в период обороны края от внешней и внутренней контрреволюции (май—ноябрь, 1918). С. 73.

¹⁷ См.: **Андреев К. Н.** Большевистские военно-революционные комитеты в Пермской губернии. С. 61; **Он же.** Два с половиной месяца. Пермь, 1948. С. 237.

¹⁸ Подробнее об этом см.: **Бузуверова Н. В.** Партийное руководство ревкомми Урала в период защиты края от колчаковцев и подготовки контрнаступления советских войск на Восточном фронте (осень, 1918 — весна, 1919). С. 83—84.

¹⁹ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 869. Л. 1, 12, 56, 58, 68; ГАПО. Ф. 360 р. Оп. 1. Д. 17. Л. 85.

²⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 573. Л. 3—4.

²¹ См.: **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии. С. 279.

²² См.: Революционеры Прикамья. Пермь, 1966. С. 241.

²³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 743. Л. 219.

²⁴ ГАПО. Ф. 359 р. Оп. 1. Д. 89. Л. 52; Ф. 360 р. Оп. 1. Д. 8. Л. 105—106, 187; и др.

²⁵ См.: **Андреев К. Н.** Большевистские военно-революционные комитеты в Пермской губернии. С. 62; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 605. Л. 247; Д. 606. Л. 79.

К ВОПРОСУ О ПРИВЛЕЧЕНИИ РАБОЧИХ И РАБОТНИЦ УРАЛА К ЗАЩИТЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОТЕЧЕСТВА В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Минуло более 70 лет с начала гражданской войны в СССР. Это был один из самых трудных периодов в истории нашего государства, когда рабочие и крестьяне вынуждены были с оружием в руках защищать свое Отечество от интервентов и белогвардейцев. Обстановка в стране была чрезвычайно сложной: экономика находилась в плачевном состоянии, Красная Армия формировалась в ходе боев, не хватало оружия, боеприпасов, продовольствия. Для успеха необходимо было мобилизовать все силы. На борьбу с классовыми врагами поднялись рабочие и трудящиеся крестьяне, участвовали в ней женщины-патриотки. Они сражались непосредственно на фронтах гражданской войны, оказывали в тылу различную помощь Красной Армии в снабжении ее вооружением, продовольствием, обмундированием, проявляли заботу о раненых и больных красноармейцах.

С началом гражданской войны Коммунистическая партия и Советское правительство призвали рабочих и крестьян к отпору врагу. Именно на Урале возник один из первых фронтов гражданской войны — Восточный. Здесь, по определению В. И. Ленина, в 1918—1919 гг. дважды решалась судьба социалистической революции в Советской России¹. 29 мая 1918 г. в Екатеринбурге был создан революционный штаб Уральской области, который приступил к срочной мобилизации трудящихся, вооружению масс, военному обучению всех способных держать оружие.

Партийные и комсомольские организации края принимали решения об обязательном военном обучении и вступлении в ряды Красной Армии своих членов, начав эту работу еще до чехословацкого мятежа. 19 мая объявила себя мобилизованной Шадринская городская организация РКП(б). Женщин обязали учиться владеть оружием на случай контрреволюционных выступлений местной буржуазии. 28 мая пермские окружной и городской комитеты Коммунистической партии объявили обязательную мобилизацию всех членов партии города и пригорода. Из умеющих обращаться с оружием были образованы боевые дружины, которые передавались в распоряжение военного комиссариата, члены партии, не умеющие обращаться с оружием, обучались владению им,

женщины должны были осваивать санитарное дело². 7 июня подобное решение принял Уфимский губком партии, 31 июля — 2-я Вятская губернская конференция РКП(б)³.

Мобилизуя на фронт лучшие силы, партийные организации в то же время явились инициаторами массового вооружения трудящихся. 14 июня Екатеринбургский городской, а 16 — Пермский губернский комитеты партии обратились с воззванием «К рабочим и беднейшим крестьянам Урала» встать на защиту края⁴. 16 июня с призывом крепить революционную дисциплину к партийным и советским организациям, рабочим, крестьянам и красноармейцам выступил командующий Северо-Урало-Сибирским фронтом Р. И. Берзин⁵. В обращении областного совета профессиональных союзов Урала от 12 сентября об организации Дня красноармейца подчеркивалось: «Фронт и тыл должны жить общей жизнью, потому что они едины, потому что между ними нет резкой грани, всюду фронт гражданской войны со старым миром...»⁶

К началу гражданской войны большинство коллективов предприятий отличалось высоким уровнем классового самосознания, стойкостью в борьбе за сохранение и упрочение власти трудящихся. Основная масса промышленных рабочих края шла за Коммунистической партией, поэтому призывы партийных и советских органов нашли живой отклик среди них. На многочисленных собраниях рабочие Билимбаевского, Верхне- и Нижнесалдинского, Каслинского, Надеждинского, Нижнетагильского, Полевского, Чермозского, Пермского пушечного и других заводов, горняки Половинской, Усвевских угольных копей, Турьинских рудников говорили о своей верности Советской власти и необходимости сплочения рядов трудящихся для отпора контрреволюции. Например, в резолюции собрания рабочих Верхнеуфалейского завода отмечалось: «Мы, рабочие Верхнеуфалейского завода, сознавая всю важность переживаемого момента, заявляем, что всеми возможными средствами, вплоть до закрытия Верхнеуфалейского завода, будем содействовать подавлению контрреволюционной авантюры, стремящейся к гибели Советов и восстановлению класса капитала...»⁷ Делегаты экстренного собрания Нижнетагильского профсоюза металлистов в резолюции от 29 июня подчеркнули, что «рабочий класс может улучшить свое положение и окончательно закрепить все завоевания Октябрьской революции только при существовании Советской власти...»⁸

Руководствуясь указаниями В. И. Ленина, партийные и советские организации края провели большую работу по призыву в Красную Армию добровольцев, осуществлению массовых мобилизаций, подготовке людских резервов для фронта, реорганизации добровольческих отрядов в части регулярного типа. 14 июня 1918 г. объявил мобилизацию коммунистов в Красную Армию Уралобком

РКП(б). По призыву партии ушли на фронт в Невьянском заводе — 300 человек (вся партийная организация), в Алапаевском — около 500, Чусовском — 120, Мотовилихинском — 150, Чермозском — 200, Воткинском — 100, Ижевском — 1200 человек⁹. В результате Уральская областная партийная организация дала фронту несколько тысяч коммунистов.

Кроме того, добровольно и по мобилизациям, объявленным Советским правительством, на защиту края выступили тысячи беспартийных рабочих. За период с 20 июля по 20 октября с Лысьвенских заводов на фронт было мобилизовано 2000 человек. К началу сентября с предприятий Богословского горного округа на фронт отправились 2500 человек (35,7% от всех рабочих)¹⁰. Шахтеры Кизеловского угольного бассейна направили в армию 200 рабочих, труженики Нейво-Шайтанского завода — 516, Нижнеуфалейского — около 600, Верхнеуфалейского — более 400. Миньярского — около 350 человек¹¹. Всего с июля 1918 по 15 апреля 1919 г. в Уральском военном округе было мобилизовано 92 267 рабочих и крестьян¹².

С началом войны патриотический порыв охватил не только мужчин, но и женщин. Уже в первые дни войны ряд работниц и крестьянок изъявили желание добровольно вступить в Красную Армию. Так, в Верхнетуринской волости Верхотурского уезда в конце мая — июле 1918 г. добровольцами ушли на фронт Н. П. Третьякова, М. И. Калмикова, А. Ф. Голдина¹³. На призыв 1-го Верхнеуральского уездного съезда Советов казачьих и крестьянских депутатов об организации обороны в начале июня активно откликнулась беднота, в том числе женщины (А. Баранова, Л. Зотова, А. Добрынина, Е. Полагина и др.)¹⁴. В состав Новолялинской дружины (84 человека), выступившей в поход в июле, входили Д. Мурашко, Т. Ялунина, Т. Соковнова¹⁵. 20 июля были зачислены в списки, а 9 августа убыли в 1-й Лысьвенский полк 18 женщин¹⁶.

При обороне родных мест женщины оказывали посильную помощь армии, поднося патроны, обслуживая армию, перевязывая раненых. В большей степени это проявлялось в рабочих районах городов, в заводских поселках. Некоторые женщины вступали в рабочие отряды бойцами, среди них: работницы Полевского завода А. Г. Салина, А. И. Ключова, З. Н. Соловьева; Сысертского — В. Н. Черепанова; Режевского — М. А. Карташева; Усть-Сыльвенского — П. С. Орлова¹⁷. Через рабочие отряды пришли в ряды Красной Армии М. Н. Щапова, В. П. Личидова, В. П. Бахарева, Е. Г. Калинина, Е. А. Гусева, Е. Ф. Белобородова, В. Д. Дерягина, К. Ф. Шубина, П. Я. Шагина, Е. Ф. Шурова и многие другие работницы¹⁸. Они пользовались любовью и уважением красноармейцев, проявляли храбрость, если требовалось — не щадили жизни.

Немало женщины служило в полку Красных Орлов, особенно в период его формирования, но, к сожалению, имена большинства из них остались неизвестны. Некоторые вступали в полк вместе с мужьями. Это А. И. Кочнева, Е. М. Шумкова, А. М. Бунькова. Различные функции выполняли в 25-й Чапаевской дивизии М. А. Попова, А. Лузина, С. Черняк и др.¹⁹

В годы гражданской войны женщин не всегда охотно брали в рабочие отряды или армейские подразделения, особенно для службы бойцами. Поэтому некоторые скрывали свой пол. Например, крестьянка Самарской губернии Пинькова ушла на фронт как Иван Пиньков, за умение и смелость была отправлена в пулеметную школу, после окончания которой снова воевала и погибла от белогвардейской шашки. В апреле 1918 г. в отряд Семерикова на ст. Тавда вступила Н. А. Мясникова. Под Кыном она была ранена, но вернулась в строй, служила во 2-й Вятской дивизии. В течение двух лет она находилась в армии под именем парнишки Васьки, выполняя различные поручения²⁰.

Через 100 лет подвиг Н. А. Дуровой повторила сарапульская швея А. Т. Придатко (Пальшина). В годы первой мировой войны она под именем Антона Пальшина целый год служила в кавалерийском разъезде, была награждена двумя георгиевскими медалями и двумя георгиевскими крестами. В годы гражданской войны А. Т. Придатко боролась с денikinцами в частях особого назначения, партизанила в Крыму²¹.

Мобилизации на фронт самым тяжелым образом сказывались на положении с рабочей силой и, следовательно, на производительности промышленных предприятий. Учитывая это, Совнарком декретами от 29 июня и 23 ноября 1918 г. установил порядок отсрочки рабочим оборонных заводов от военной службы. Декрет от 23 ноября предоставил право наркомвоену «оставлять на месте прежней службы тех призываемых и призванных на военную службу рабочих и служащих казенных, национализированных и частных предприятий, деятельность которых существенно необходима для снабжения армии и для жизни страны»²². В Центре была создана специальная междудементальная комиссия по отсрочкам и отзыву на заводы квалифицированных рабочих. На Урале комиссия по отсрочкам мобилизованным в Красную Армию возникла при областном совете профсоюзов 25 сентября в составе трех человек. Одновременно было решено образовать подобные комиссии при окружных, районных, городских объединениях профсоюзов, а там, где нет таковых — при местных профсоюзах²³. В октябре — ноябре названные комиссии стали работать в Гороблагодатском, Лысьвенском округах, на Мотовилихинском, Нытвенском и других заводах²⁴. Означенные меры центральных и местных государственных и профсоюзных органов должны были хоть как-то помочь

предприятиям решить проблему всевозраставшей нехватки рабочей силы. Однако в равной степени интересы промышленности и Красной Армии не представлялось возможным. На фронте решалась судьба Советской страны, там требовались новые бойцы, и трудящиеся края грудью вставали на защиту завоеваний Октября.

Стремление помочь Красной Армии, служить в ее рядах усилилось у рабочих и крестьян после освобождения Урала, когда они испытали на себе всю тяжесть белогвардейского господства. При изгнании колчаковцев из края партийные и советские организации разворачивали большую работу по мобилизации людей в армию, чему важное значение придавал В. И. Ленин²⁵. В Вятской и Уфимской губерниях она активно велась уже весной 1919 г.²⁶ Огромное значение в мобилизации сил на разгром врагов Советской власти, упорядочении социальной базы диктатуры пролетариата, сплочении трудящихся масс сыграли решения VIII съезда партии.

Урал был еще прифронтовой полосой, а на заводах, рудниках и копях проходили митинги, по окончании которых рабочие десятками добровольно, повинувшись единому порыву уничтожить ненавистного врага, записывались в армию. Только 13 сентября 1919 г. на 5 заводах Хромоникелевого округа в войска вступили 465 добровольцев²⁷. С 20 по 27 сентября с предприятий края ряды Красной Армии пополнили 546 человек²⁸. В целом в июле—ноябре более 30 тыс. добровольцев-уральцев ушли на фронт²⁹.

Осенью 1919 г. на Урале прошло несколько мобилизаций, давших фронту тысячи коммунистов, комсомольцев, членов профсоюзов. В сентябре Екатеринбургский и Пермский губкомы РКП(б) приняли решение о мобилизации коммунистов и сочувствующих. В начале октября уральские партийные организации в соответствии с указаниями ЦК РКП(б) объявили мобилизацию 30% своего состава. Некоторые организации направили на фронт 40—50% коммунистов³⁰. Всего в октябре — ноябре по партийной мобилизации в Красную Армию ушло из Екатеринбургской губернии 3277 человек, из Уфимской — 600. Много коммунистов было мобилизовано в других уральских губерниях³¹. Успешно мобилизации провели также комсомольские и профсоюзные организации. Так, только в Пермской губернии заводские комсомольские органы, руководствуясь решениями II съезда РКСМ, мобилизовали 248 человек³². Во второй половине 1919 г. по партийным и комсомольским мобилизациям ушли с Урала в Красную Армию более 5 тыс. коммунистов и комсомольцев³³.

Пример коммунистов, комсомольцев и добровольцев способствовал успешному проведению общегражданских мобилизаций. В сентябре — декабре 1919 г. их было 8, дали они армии свыше

90 тыс. человек, из которых значительное число составляли рабочие³⁴.

С большим подъемом проходили мобилизации и в 1920 г., когда армия нуждалась в бойцах для борьбы с белополяками, Деникиным и Врангелем. В результате общее количество мобилизованных с июля 1919 по декабрь 1920 г. составило на Урале 324 465 человек³⁵.

Среди мобилизованных всюду имелись женщины, причем в большинстве своем они сами изъявляли желание идти на фронт. К 23 мая 1919 г. в числе 646 мобилизованных коммунистов Вятской губернии в различные армейские части было направлено 12 женщин³⁶. В июле 1920 г. из Екатеринбургской губернии уехали по мобилизации на Западный фронт 500 членов партии, в том числе 7 коммунисток³⁷. Профсоюзы Уфимской губернии послали на борьбу с Врангелем не менее 146 человек, среди них 12 женщин³⁸.

Особую активность во время мобилизаций проявляли комсомолки и молодые коммунистки. Осенью 1919 г. из Вятской губернии ушли в Красную армию не менее 39 девушек, из Оренбурга — 17. В Пермской комсомольской организации девушки составляли 30% добровольцев³⁹. Летом—осенью 1920 г. 24 комсомолки Перми и Челябинска были направлены на курсы красных командиров⁴⁰. И в других губерниях комсомолки высказывали желание идти сражаться за Советскую власть, о чем свидетельствуют отчеты комсомольских организаций и протоколы собраний осени 1919 г.⁴¹ Даже 16-летние стремились попасть в армию. Военкоматы вынуждены были проводить строгий отбор желающих и многим отказывать, иногда возвращая их домой десятками, что показывает масштаб революционного порыва девушек.

В ряде случаев массовый уход рабочих в армию по мобилизации и добровольно мог привести к закрытию некоторых цехов и заводов (белорецкие металлургический и проволоочно-гвоздильный, Верхнетуринский, Златоустовский, Мотовилихинский, Чусовской заводы, предприятия Богословского, Гороблагодатского, Кыштымо-Уфалейского округов, Егоршинского, Кизеловского, Челябинского угольных районов и др.)⁴². Учитывая данное обстоятельство и то, что Урал во второй половине 1919 г. являлся фактически важнейшей промышленной базой страны, центральные партийные и советские органы поставили задачу обеспечить его предприятия рабочей силой. Делалось это несмотря на продолжение кровопролитных боев на фронтах гражданской войны, требовавших все новые пополнения для армии. 26 сентября 1919 г. объединенное заседание бюро отдела металлов (БОМ) ВСНХ на Урале и представителей управления снабжения и инспекции артиллерии 3-й армии обсудило вопрос о мерах по обеспечению уральских заводов рабо-

чей силой и техническим персоналом. Техническому отделу БОМ ВСНХ на Урале поручалось определить категории рабочих, подлежащих обязательному освобождению от мобилизаций в Красную Армию и оставляемых на заводах в качестве военнообязанных⁴³.

Названное мероприятие было реализовано в течение одного месяца. На предприятиях образованы комиссии из представителей завкома, парткома, военкомата, которым поручалось первичное рассмотрение вопроса об отсрочках от военной службы и давалось право возбуждения соответствующего ходатайства перед уездной комиссией, БОМ ВСНХ на Урале и Уральским бюро ЦК Всероссийского Союза рабочих-металлистов (ВСРМ). Для разбора поступавших заявлений 23 октября при БОМ ВСНХ на Урале была организована специальная комиссия по отсрочкам. Последняя имела право через президиум ВСНХ представлять ходатайства в центральную комиссию по отсрочкам при Реввоенсовете республики⁴⁴. За период с 28 ноября 1919 г. по 10 января 1920 г. только Екатеринбургской уездной комиссией по представлению БОМ ВСНХ на Урале и предприятий были даны персональные отсрочки 322 работникам⁴⁵.

Сведения, собранные по заводам, рудникам и другим предприятиям техническим отделом, позволили БОМ ВСНХ на Урале, Уральскому бюро ЦК ВСРМ и ВЦСПС уже в конце октября 1919 г. представить в центральную комиссию по отсрочкам и Совет обороны список из 28 предприятий металлургической, металлообрабатывающей, угольной и рудной промышленности, на которых необходимо было провести 50—100-процентное бронирование рабочих⁴⁶. Окончательное решение по этому вопросу Совет обороны во главе с В. И. Лениным принял 27 февраля 1920 г. Отсрочки от мобилизации в Красную Армию были предоставлены 41 226 рабочим⁴⁷.

В дальнейшем работа в данном направлении продолжалась. Уходивших на фронт рабочих младших возрастов заменяли рабочими старших возрастов, военнопленными, женщинами и подростками, эвакуированными из Сибири. В частности, в августе Совет обороны принял решение о бронировании 2500 рабочих Пермских соляных приисков и ряда новых заводов, 6 и 13 августа, 1 октября он рассмотрел вопрос о замене на уральских заводах и угольных копях освобожденных от мобилизации рабочих младших возрастов рабочими старших возрастов и военнопленными⁴⁸. В 1920 г. в промышленных заведениях Екатеринбургской, Пермской и Челябинской губерний среди наемных рабочих женщины составляли 17,6%, тогда как в 1917 г. из 268 тыс. учтенных промышленных рабочих Урала их было всего 8,1%⁴⁹.

Сложность обстановки на фронте требовала постоянного по-

полнения армии подготовленными бойцами. Долг трудящихся В. И. Ленин видел в том, чтобы «напрячь все силы для воссоздания и повышения обороноспособности нашей страны, для воссоздания ее военной мощи на началах социалистической милиции и всеобщего обучения всех подростков и взрослых граждан обоюдопола военным знаниям и военному делу»⁵⁰. 22 апреля 1918 г. ВЦИК издал декрет об обязательном военном обучении мужчин-рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян. Для женщин обучение объявлялось добровольным⁵¹.

22 мая съезд областного исполнительного комитета рабочих, крестьянских и армейских депутатов Урала принял резолюцию «О всеобщем военном обучении», которая гласила: «...а). На всех фабриках, заводах и т. п. устраивать обязательные двухчасовые занятия по обучению военному искусству, причем обучение должно происходить обязательно в свободное от занятий и работ время, дабы не понижать производительности фабрики или завода; б). В заводских поселках, селах и т. п. также устраивать занятия по обучению военному искусству, причем там допускается проводить эти занятия не ежедневно, а 3 раза в неделю, но увеличив соответственно число часов в день»⁵².

Сознательные трудящиеся откликнулись на декрет ВЦИК и решения местных органов, добросовестно относились к занятиям военным делом. Обучение всех рабочих 18—40 лет началось на Пышминско-Ключевском медном руднике, копиях Егоршинского угольного района, Надеждинском, Сосьвинском, Чермозском и других заводах⁵³. Но в 1918 — первой половине 1919 г. в полной мере принятые решения не были осуществлены на Урале из-за оккупации большинства его районов белогвардейцами и интервентами.

После освобождения края всеобщему стало уделяться значительное внимание, к нему привлекли женщин, прежде всего партийных. В 1920 г. для коммунисток и комсомолок военное обучение стало обязательным. Проведением этой работы занимались партийные органы, профессиональные союзы, комсомольские и другие общественные организации, женотделы. Для пропаганды в массах идеи всеобщего военного обучения были найдены интересные, простые и доступные формы: праздники всеобщего, создание образцово-показательных отрядов. Осенью 1919 г. такие праздники прошли в Камышлове и Екатеринбурге. В соответствии с указаниями окружного управления всеобщего Приуралья военного округа от 26 августа 1920 г. началось создание показательных взводов допризывников из юношей и девушек. В Уфе формировался даже отдельный женский отряд⁵⁴. Одновременно с привлечением ко всеобщему среди трудящихся популяризировали физкультуру и спорт, открывали спортивные клубы и курсы.

С середины 1919 г. по конец 1920 г. были обучены военному делу 89 491 человек⁵⁵. В основном их направили в запасные части, из которых шло пополнение фронта боевыми резервами. Согласно «Сводке о прохождении женщинами военного обучения в Приуральском окружном управлении» на 1 декабря 1920 г. 148 женщин прошли обучение по 96-часовой программе и 470 обучались, 15 окончили курсы допризывной подготовки и 539 продолжали их посещать, 1772 состояли в отрядах особого назначения⁵⁶.

Уходившие в армию рабочие и крестьяне Урала воевали не только на Восточном, но и на других фронтах республики. Женщины служили вместе с мужчинами и в особые армейские подразделения не выделялись. В основном их стремились использовать не как бойцов, а в качестве медицинских сестер, связисток, хозяйственников, политработников.

Вклад трудящихся в победу над интервентами и белогвардейцами по достоинству оценили партия и правительство. За участие в гражданской войне орденом Красного Знамени награждено около 15 тыс. человек⁵⁷. У исследователей нет единого мнения, сколько среди них женщин. Встречается цифра более пятидесяти. П. М. Чирков и И. М. Нагаев считают, что число награжденных женщин составляет около 100⁵⁸. На основании изучения трудов предшественников и приказов Реввоенсовета республики по личному составу за 1918—1928 гг. из фондов ЦГАСА нами обнаружены 73 женщины-орденоносца. Учитывая, что некоторые приказы в архиве отсутствуют или являются секретными, что награждение частично осуществлялось после 1928 г., что ряд женщин воевали под мужскими именами, общее число женщин — кавалеров ордена Красного Знамени, возможно, приближается к 100. В их числе 4 уральские женщины.

За мужество и стойкость в боях орденов Красного Знамени удостоивали и рядовых красноармейцев, и командующих армиями и фронтами. Так, в апреле 1919 г. в бою под деревней Тенеево конный разведчик 27-й стрелковой дивизии 5-й армии П. Кузьменко врезался в колонну противника и зарубил 9 человек. Под деревней Новоозерки красноармеец той же команды И. Осипенко взял в плен 10 белогвардейцев. Отмечая их заслуги, Реввоенсовет 5-й армии наградил обоих орденами Красного Знамени⁵⁹. Кавалерами ордена стали уральские медицинские сестры Е. И. Нельзина, А. В. Чернавина, М. А. Попова и врач Р. М. Азарх. Член партии с 1905 г. Е. И. Нельзина с началом боев на Лысьвенском направлении ушла с завода и стала одним из создателей санитарного отряда. Согласно приказу по Пермскому уездному военкомату 21 июля 1918 г. Е. И. Нельзина и еще 7 женщин были зачислены в отряд, с 28 июля она постоянно находилась на передовой⁶⁰, была назначена медсестрой блиндированного поезда № 1 3-й армии.

Подвиги коммунистки были отмечены в приказе № 110 по войскам Особой бригады 3-й армии от 15 ноября 1918 г.⁶¹ В связи с 10-летием Красной Армии Е. И. Нельзину наградили орденом Красного Знамени за бой в 1918 г. под Уткинским заводом, где она возглавляла медицинский отряд. Число раненых было велико. Нельзина добилась, чтобы вынесли всех, за последними ходила сама под сильным огнем, рискуя жизнью⁶².

Работница Майкорского завода А. В. Чернавина прошла всю войну с 22-м Кизеловским полком Особой бригады, вступив добровольцем в его санитарную часть. Осенью 1920 г. за большую заботу о раненых и мужество, проявленное при штурме Перекопа, была удостоена такой же высокой награды⁶³.

В 1928 г. ордена Красного Знамени были вручены за участие в гражданской войне сестре милосердия 25-й стрелковой дивизии коммунистке М. А. Поповой и бывшему начальнику военно-санитарного управления Вятского района врачу Р. М. Азарх — инициатору создания летучих санитарных отрядов⁶⁴.

Таким образом, трудовой Урал, столкнувшись с интервентами и белогвардейцами, мужественно отстаивал свои завоевания в борьбе с ними. Революционно-освободительная борьба трудящихся была классовой войной. Велась она на основе опыта и революционных традиций партии и народа. Решающим условием успеха народного сопротивления врагу явилось руководство им со стороны партии большевиков. Коммунисты учитывали особенности борьбы в каждом районе и на разных этапах гражданской войны, умело сочетали различные формы и средства отпора интервентам и белогвардейцам. Вместе с рабочими и крестьянами в битву с врагами вступили их матери, жены, сестры, дочери. Трудящиеся уходили на фронт добровольцами или по партийным, комсомольским, профсоюзным мобилизациям. По данным мобилизационного управления Всероссийского главного штаба Красной Армии, рабочая прослойка к концу гражданской войны в РККА (без флота) составляла 15—18%, или 630—760 тыс. человек. На 100 рабочих приходилось 62—75 воинов⁶⁵. Женщины составляли около 2% военнослужащих⁶⁶.

Вклад трудящихся Урала в борьбу с интервентами и белогвардейцами велик. Многие из них отдали жизнь в этой схватке, оставшись до конца стойкими и мужественными, приблизив победу.

¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 15, 85; Т. 38. С. 258, 271; Т. 50. С. 124, 328.

² См.: Известия Пермского окружного исполкома. 1918. 1 июня; Южное Зауралье в годы гражданской войны, 1918—1920: Сб. документов и материалов. Курган, 1963. С. 41, 46, 47.

³ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция и гражданская

война в Башкирии, 1917—1920. Уфа, 1966. С. 255; Установление и упрочение Советской власти в Вятской губернии: Сб. документов. Киров, 1957. С. 544.

⁴ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 124—126.

⁵ См.: Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.): Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 56.

⁶ Урал. рабочий (Екатеринбург). 1918. 12 сент.

⁷ Гражданская война на Южном Урале... С. 67.

⁸ Урал. рабочий. 1918. 10 июля.

⁹ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале (1918—1919 гг.). Челябинск, 1958. С. 50—51; Устькачкинцева А. И. Пермская партийная организация в борьбе за упрочение Советской власти (1918 г.), Пермь, 1953. С. 71.

¹⁰ ГАСО. Ф. 266 р. Оп. 4. Д. 38. Л. 56; Рабочий класс Советской России в первый год диктатуры пролетариата: Сб. документов и материалов. М., 1964. С. 62; Рычкова Г. П. Лысьва. Пермь, 1963. С. 234.

¹¹ ГАСО. Ф. 1 р. Оп. 1. Д. 305. Л. 347; Коковихин М. Н. Миньярское подполье. Челябинск, 1957. С. 198; Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале... С. 38; Скробов В. С. К вопросу о работе коммунистов Красной Армии среди населения прифронтовой полосы и освобожденных районов Урала (июль 1918 — август 1919 г.). // Учен. зап. Урал. ун-та. № 72. Сер. ист. Свердловск, 1969. Вып. 9. С. 238.

¹² См.: Из истории гражданской войны в СССР. М., 1961. Т. 2. С. 104.

¹³ НТФ ГАСО. Ф. 93 р. Оп. 1. Д. 4. Л. 567, 568.

¹⁴ См.: Лучевников П. С. Гражданская война на Южном Урале... С. 56.

¹⁵ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 3. Д. 74. Л. 77—78.

¹⁶ ГАПО. Ф. 546 р. Оп. 1. Д. 3. Л. 53—59.

¹⁷ ГАСО. Ф. 1200 р. Оп. 2 ч. Д. 83. Л. 1, 2; Ф. 1921 р. Оп. 1. Д. 102. Л. 39; Д. 228. Л. 2—3; Ф. 1931 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 9—10; Д. 10. Л. 49.

¹⁸ ГАПО. Ф. 714 р. Оп. 1. Д. 101. Л. 1, 5—8; ГАСО. Ф. 1200 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 63, 64; Оп. 2 б. Д. 121. Л. 6, 9; Оп. 2 д. Д. 146. Л. 2; Оп. 2 к. Д. 38. Л. 1, 2; Оп. 2 л. Д. 59. Л. 3, 6; Оп. 2 ш. Д. 1. Л. 4; ГАЧО. Ф. 248 р. Оп. 1. Д. 28. Л. 89; НТФ ГАСО. Ф. 189 р. Оп. 1. Д. 875. Л. 3; Николаев С. Ф. Кунгур. Пермь, 1958. С. 46.

¹⁹ См.: Баженов Н., Дудин Л., Мясников А., Полуянов А. Под знаменем ВЦИК. М., 1963. С. 15; Бажов П. П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1958. С. 139; Говорят чапаевцы: Документы, воспоминания. Уфа, 1982. С. 208, 212, 213.

²⁰ ГАСО. Ф. 1200 р. Оп. 2 м. Д. 262. Л. 1; Богат А. Работница и крестьянка в Красной Армии. М.; Л., 1928. С. 22, 23.

²¹ См.: За счастье народа. Ижевск, 1967. С. 174—178.

²² Правда. 1918. 30 нояб.

²³ ГАСО. Ф. 1 р. Оп. 1. Д. 24 б. Л. 110.

²⁴ ГАПО. Ф. 41 р. Оп. 1. Д. 31. Л. 408; Ф. 69 р. Оп. 1. Д. 2. Л. 59; Ф. 76 р. Оп. 1. Д. 11. Л. 8; ГАСО. Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 31. Л. 3.

²⁵ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 328, 343, 344; Т. 51. С. 3.

²⁶ См.: Аминев З. А. Октябрьская социалистическая революция... С. 433, 434;

Рябухин Е. И. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959. С. 129, 130.

²⁷ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 2. Д. 50. Л. 138.

²⁸ Там же. Л. 173; Урал. рабочий. 1919. 2 окт.

²⁹ См.: Бузунов В. Е. Разгром иностранной военной интервенции и колчаковщины на Урале // Социалистическое строительство на Урале. Свердловск, 1957. С. 41.

³⁰ См.: Стародубцев М. В. Большевики и трудящиеся горнозаводского Урала в борьбе против иностранных интервентов в период первого похода Антанты // Тр. Моск. горн. ин-та. 1958. Вып. 1. С. 83, 87.

³¹ См.: Известия Екатеринбургского губкома РКП(б). 1919. 3 дек.; Коммунисты Урала в годы гражданской войны... С. 463—464.

- ³² См.: **Горовой Ф. С.** Пермская губерния в период военного коммунизма. Пермь, 1950. С. 11.
- ³³ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны... С. 464.
- ³⁴ См.: Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968. С. 81.
- ³⁵ См.: **Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.** Деятельность партийных организаций Урала по подготовке боевых резервов для фронта (июнь 1919—1920) // Партийные организации во главе борьбы за разгром интервентов и белогвардейцев, 1918—1920. Свердловск, 1984. С. 119.
- ³⁶ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 4. Д. 20. Л. 142—145.
- ³⁷ ГАСО. Ф. 384 р. Оп. 2. Д. 134. Л. 207, 209, 473, 493, 497, 560, 655 672;
- ³⁸ ЦГА БАССР. Ф. 172 р. Оп. 1. Д. 142. Л. 83—91, 96, 97.
- ³⁹ ПАОО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 985. Л. 1—2; Красный Урал (Пермь). 1919. 25 окт.; Выросли мы в пламени, в пороховом дыму. Киров, 1958. С. 60, 61.
- ⁴⁰ ПАОО. Ф. 553. Оп. 1. Д. 19. Л. 79—85; Сов. правда (Челябинск). 1920. 21 сент.
- ⁴¹ ПАСО. Ф. 1350. Оп. 1. Д. 1 а. Л. 105—106; Д. 8. Л. 26, 35—36; Ф. 1351. Оп. 1. Д. 3. Л. 74; и др.
- ⁴² ГАСО. Ф. 95 р. Оп. 1. Д. 1. Л. 121; Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 19. Л. 3; Д. 31. Л. 224, 233; Д. 78. Л. 163; ЦГА БАССР. Ф. 767 р. Оп. 1. Д. 132. Л. 140—141; **Бузунов В. Е.** Разгром иностранной военной интервенции... С. 41.
- ⁴³ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 37. Л. 42; Оп. 4. Д. 174. Л. 37; ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 81. Л. 10—11.
- ⁴⁴ ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 23. Л. 18; Д. 54. Л. 101; Д. 87. Л. 22; Урал. рабочий. 1919. 29 окт.
- ⁴⁵ ГАСО. Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 89. Л. 24.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 266 р. Оп. 1. Д. 127. Л. 1—3; Ф. 1659 р. Оп. 1. Д. 81. Л. 9.
- ⁴⁷ См.: Декреты Советской власти. М., 1974. Т. 7. С. 531—532. Еще два завода — Березниковский содовый и Ижевский — были забронированы в 75- и 100-процентной норме центральной комиссией по отсрочкам и Советом обороны в августе 1919 г. (ГАПО. Ф. 1035 р. Оп. 3. Д. 8. Л. 288; **Коваленко Д. А.** Оборонная промышленность Советской России в 1918—1920 гг. М., 1970. С. 238).
- ⁴⁸ См.: Декреты Советской власти. М., 1980. С. 59—60, 245—246, 269.
- ⁴⁹ См.: Тр. Урал. обл. стат. управления. Екатеринбург, 1924. Сер. 1. Т. I. С. 220—221; **Фельдман В. В.** Изменение численности и состава рабочих Урала в 1917—1927 гг. // Тр. Урал. лесотехн. ин-та, Свердловск, 1969. Вып. 22. С. 6.
- ⁵⁰ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 36. С. 123.
- ⁵¹ См.: Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 152.
- ⁵² Известия Уральского областного совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов. 1918. 26 мая.
- ⁵³ См.: Урал. рабочий. 1918. 12, 14, 16 июля.
- ⁵⁴ ГАСО. Ф. 732 р. Оп. 2. Д. 2. Л. 47; Ф. 384 р. Оп. 2. Д. 65. Л. 104; ПАОО. Ф. 341. Оп. 27. Д. 2. Л. 6, 32; Ф. 3524. Оп. 1. Д. 23. Л. 86; Урал. рабочий. 1919. 21 авг.
- ⁵⁵ См.: **Ниренбург Я. Л., Пожидаева Г. В.** Деятельность партийных организаций Урала... С. 122.
- ⁵⁶ ЦГАСА. Ф. 65. Оп. 13. Д. 1. Л. 142. В Приуральский округ входили Челябинский, Вятский, Екатеринбургский, Пермский, Уфимский полковые округа.
- ⁵⁷ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 414. 13 967 человек были награждены до 12 ноября 1927 г., 1012 — к 10-летию РККА (ЦГАСА. Ф. 37 837. Оп. 1. Д. 1340. Л. 22, 83).
- ⁵⁸ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР. С. 414; **Чирков П. М.** Решение женского вопроса в СССР. М., 1978. С. 157; **Нагаев И. М.** Красные медсестры на фронтах гражданской войны // Мед. сестра. 1980. № 12. С. 42.
- ⁵⁹ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны... С. 303—304.
- ⁶⁰ ГАПО. Ф. 546 р. Оп. 1. Д. 3. Л. 2; Д. 7. Л. 5.
- ⁶¹ ЦГАСА. Ф. 37 837. Оп. 1. Д. 1042. Л. 75—76.

⁶² Там же. Л. 70; Д. 1340. Л. 85; Октябрем рожденные. М., 1967. С. 86.

⁶³ См.: Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г. Особая бригада. М., 1962. С. 40.

⁶⁴ ЦГАСА. Ф. 37 837. Оп. 1. Д. 1008. Л. 79; Д. 1340. Л. 84, 85; Правда, ставшая легендой. М., 1969. С. 251—252. М. А. Попова участвовала в боях не только как медработник, но и в качестве пулеметчицы.

⁶⁵ См.: Кляцкин С. М. На защите Октября. М., 1965. С. 466—467.

⁶⁶ См.: Там же. С. 448.

В. Н. НИКИТИН
Уральский университет

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ РКП(б) ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ УРАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА В БОРЬБУ С ВООРУЖЕННОЙ КОНТРЕВОЛЮЦИЕЙ

После установления Советской власти в стране вооруженная борьба широкий размах сначала приобрела на Урале. Именно здесь враждебные политические силы впервые прибегли к массовому вовлечению в войну крестьянства, вызвав тем самым и для революционной власти необходимость создания массовой армии. Таким образом, борьба за привлечение к воинской службе уральского крестьянства, которое в условиях 1918—1919 гг. являлось единственной социальной группой, могущей дать массовый контингент солдат, стала решающим фактором исхода гражданской войны в регионе.

В период до начала широких военных действий участие уральских крестьян в советском военном строительстве было ограниченным как по численности участников, так и по социальному составу — в небольших отрядах типа сельской Красной гвардии, по своему характеру не являвшихся частями регулярной армии, служила, как правило, деревенская беднота. На создание таких отрядов уральских коммунистов нацелила III Уральская областная конференция РСДРП(б), состоявшаяся в январе 1918 г. В резолюции о вооруженной борьбе ставилась задача «создать вооруженные кадры сельской Красной гвардии из организованных вокруг Советов беднейших крестьян»¹.

Под руководством и при активном участии коммунистов уездных центров, городов и рабочих поселков в деревнях для борьбы с локальными антисоветскими выступлениями и несения службы по охране порядка стали возникать небольшие вооруженные отряды. Иногда они объединялись в более крупные дружины, как, например, в Таушинской и Рябковской волостях Осинского уезда, в с. Ошиб Чердынского уезда, в Екатерининской волости Оханского уезда Пермской губернии и в других местах. В Уфимской губернии крестьяне входили наряду с рабочими в боевые отряды

народного ополчения (БОНВ). БОНВы создавались как система территориально-милиционных отрядов, формирующихся на общедемократической основе. Партия большевиков в свое время выдвинула лозунг всеобщего вооружения народа для углубления демократической революции как противовес антинародной регулярной армии эксплуататорского государства. В условиях углублявшейся классовой борьбы, как показал ход событий, защитить революцию могла только вооруженная сила, созданная на классовой основе. Опыт БОНВов, в частности, продемонстрировал, что даже путем милиционной системы невозможно привлечь к службе массы крестьянства до тех пор, пока классовая борьба в деревне не достигла определенной остроты и не были созданы специальные органы, призванные заниматься формированием новой армии. Основным контингентом БОНВов были рабочие, члены партий большевиков и левых эсеров.

В целом Красная гвардия на Урале до лета 1918 г. по своему социальному составу была военной организацией рабочего класса. Вместе с немногочисленными сохранившимися гарнизонами старой армии, перешедшими на сторону революции, она могла удовлетворить потребности только того этапа борьбы, когда вооруженные выступления местной контрреволюции носили очаговый характер.

Когда с лета 1918 г. развернулись широкие военные действия, в деревнях советского тыла классовая борьба резко обострилась. Вспыхнули многочисленные кулацкие мятежи, которые подрывали политическую стабильность, наносили ущерб сельскому хозяйству, отвлекали вооруженные силы. В ряде случаев мятежники прямо соединялись с наступающими белогвардейцами, разрывая линию фронта, создавая плацдармы для наступления неприятеля.

В изменившихся условиях по-новому встал вопрос о местных вооруженных отрядах. Надо было их иметь уже в большем количестве сел и волостей; особую актуальность приобрел вопрос о надежности людей, которым Советская власть доверяла оружие.

Проблема решалась в процессе развернувшегося с конца лета 1918 г. массового строительства комитетов деревенской бедноты и роста параллельно с этим численности сельских организаций РКП(б). В беспокойных волостях партийные организации взяли на себя всю тяжесть борьбы. Руководитель партячейки Верх-Юсвенской волости С. Т. Баталов писал в Усольский уездный комитет РКП(б): «Быть может, придется столкнуться с кулаками, и у нас не хватит силы, то дадим знать вам. Постарайтесь нам помочь своим отрядом. Меня все хотят убить... Наша фракция берет всю ответственность на себя по борьбе контрреволюционным саботажем и спекуляцией»².

Сельские партийные ячейки, как правило, были вооружены и

составляли или отдельный отряд, или ядро более широкого по составу крупного отряда. Они находились в боевой готовности, имели систему оповещения, несли повседневную охрану, оказывали помощь друг другу. Наряду с партийными организациями и особенно там, где их не было, к этому делу привлекались комитеты деревенской бедноты. Содержание дружинники получали из местных источников, во исполнение для этой цели нередко вводили дополнительный налог на богатых крестьян.

По составу, организации и целям местные вооруженные отряды крестьян оставались сельской Красной гвардией, хотя сам термин «Красная гвардия», начиная со второй половины 1918 г., из документов постепенно исчезает. Количество и состав отрядов на Урале резко возрастали всякий раз, когда усиливалась военная опасность. По мере нормализации обстановки в той или иной сельской местности, а также в случае, если приближался фронт, они становились или самостоятельными боевыми единицами действующей армии, или, как это было начиная с осени 1918 г., вливались в действующие красноармейские части. Это соответствовало введенному в начале года положению, по которому Красная гвардия рассматривалась как резерв Красной Армии.

В течение лета 1918 г. происходил переход от малочисленной добровольческой Красной Армии к массовой регулярной. С особой остротой этот вопрос встал с началом мятежа чехословацкого корпуса, представлявшего собой внушительную силу регулярной армии. Жизнь заставляла обратиться к историческому опыту организации вооруженных сил, к соединению его с классовым принципом комплектования. Массовым контингентом должно было стать трудовое крестьянство, рабочий же класс был призван сыграть роль цементирующего ядра и обеспечить военное производство. Добиться создания такой армии можно было только путем проведения мобилизаций. Неисчезающая угроза со стороны международной и внутренней контрреволюции побудила уральские партийные организации поставить вопрос о переходе к мобилизационному принципу комплектования армии еще до чехословацкого выступления³.

29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в Рабоче-Крестьянскую Армию», в котором говорилось, что «переход от добровольческой армии ко всеобщей мобилизации рабочих и беднейших крестьян повелительно диктуется всем положением страны»⁴. Далее уточнялось, что переходить к мобилизациям следует начиная с наиболее угрожающих регионов и центров рабочего движения. Принципиальное расширение социального состава мобилизуемых предусматривал известный декрет Совета Народных Комиссаров от 11 июня 1918 г. Он начинался со слов: «Призыву и приему на военную службу подлежат все

рабочие и не эксплуатирующие чужого труда крестьяне...»⁵. Предусматривалось призвать мужчин пяти возрастов ряда районов, в том числе Уфимской и Оренбургской губерний и Екатеринбургского округа. Первая массовая мобилизация, проведенная в конце июня — начале июля 1918 г. в Приволжском, Уральском и Западно-Сибирском округах на основании этого декрета, дала, однако, вместо намечавшихся 275 тыс. только 40 тыс. призывников⁶.

Преобладающими формами пополнения частей Красной Армии на Урале в течение всего лета 1918 г. оставались вербовка добровольцев, добровольческие мобилизации. Применялся и рекрутский принцип набора. Основные контингенты проходили через военные комиссариаты, но в местах своего расположения мобилизации проводили и воинские части. По инициативе окружного военного комиссариата это право было предоставлено командирам дивизий⁷.

Разнообразие методов организации пополнения армии объяснялось многими причинами: это и резко меняющаяся обстановка в результате нестабильности фронта, и необходимость во многих случаях действовать оперативно, и учет того, что добровольчество давало самый надежный состав бойцов, к тому же и лучше владеющих военным делом. Но главной причиной задержки перехода к массовым мобилизациям как основному методу пополнения вооруженных сил было отрицательное отношение к службе значительной части уральского среднего крестьянства. Работники мобилизационных органов часто наталкивались в деревнях на отказ, выраженный прямо или под каким-нибудь предлогом. Крестьяне ссылались на сельскохозяйственные работы, отказывались давать людей по требуемым военным специальностям, заявляя об отсутствии таковых, искажали численность жителей призывных возрастов. Резолюция такого содержания принималась на сельских сходах, с которых, как правило, начиналась в тот период любая мобилизация.

В целом на протяжении всего лета 1918 г. мобилизационная работа в среде крестьянства была малоэффективной. Наглядно это можно видеть на примере деятельности Кунгурского уездного военного комиссариата Пермской губернии за июль—сентябрь 1918 г. В результате 9 проведенных по уезду в этот период мобилизаций в уездном центре было призвано 2378 человек, а на территории уезда — только 547, что составило в общей массе мобилизованных 18%⁸. Саботаж помешал провести мобилизации в Чусовской волости Пермского уезда, в ряде волостей Вятской губернии, входившей в Уральский военный округ.

Негативное отношение крестьян к мобилизациям проявилось не только в пассивной, завуалированной форме, но выливалось подчас и в открытые выступления. Именно во время мобилизаций вспыхнули антисоветские мятежи в ряде мест Пермской губернии:

в Екатерининской, Вознесенской, Сепычевской волостях Оханского уезда, в Мурзинской Верхотурского уезда, в Ачинской и Богородской Красноуфимского уезда, в Фокинской волости Осинского уезда.

Отрицательное отношение к службе проявлялось также в поведении мобилизованных жителей сел и деревень на сборных пунктах, по пути следования, в местах комплектования личного состава воинских частей. Естественно, что это проявлялось и в низком морально-политическом состоянии войск. Из-под Алапаевска сообщали: «Настроение частей из местного крестьянского населения очень скверное. Контрреволюционный элемент там не глохнет и заражает других путем агитации»⁹. Большим злом были дезертирство из Красной Армии и переход на сторону противника, что в условиях большой автономности отдельных отрядов и частей и отсутствия сплошной линии фронта каждый раз резко осложняло военную обстановку.

Коренная причина такого положения крылась в политических колебаниях крестьянства, чему способствовала незавершенность классовой дифференциации уральской деревни. Местные коммунисты это прекрасно понимали. В резолюции съезда Советов Богословского горного округа, на котором председательствовал один из известных большевиков С. С. Заславский, отмечалось: «В деревне прежде чем приступить к организации Красной Армии необходимо расслоить деревню»¹⁰. Беднота в течение всего лета 1918 г. оставалась раздробленной и опереться на нее стало возможным только после того, как она превратилась в организованную силу в процессе строительства комитетов деревенской бедноты.

Отсутствие ощутимых успехов по вовлечению уральского крестьянства в военное строительство на протяжении лета 1918 г. наряду с основной причиной социально-политического характера имело и превходящие причины. Определенную роль играл сезонный фактор — крестьяне были заняты полевыми работами, что особенно сказывалось на поведении середняков. Не было завершено формирование военно-административного аппарата. Процесс создания системы военных комиссариатов на Урале после начала белочешского мятежа ускорился. В июне завершилось их создание в районных, уездных и губернских центрах. Однако, как показал последующий опыт, решающую роль в военно-мобилизационной работе в крестьянской среде призваны были сыграть волостные военные комиссариаты, создание которых затягивалось.

Только к концу лета основная часть волвоенкоматов была сформирована. Так, в Вятской, по-преимуществу крестьянской, губернии, входившей в 1918 г. в Уральскую область, к середине августа военкоматы были образованы в 84% волостей (в 309 из 369)¹¹. По мере строительства военно-мобилизационного аппарата

продвигалось вперед дело учета крестьянского населения призывного возраста, составления планов и подготовки технической базы для приема пополнений в воинских частях.

Формирование штата волвоенкоматов стало одной из важнейших задач территориальных партийных организаций. Волостными военкоматами, как правило, становились посланные уездными или губернскими комитетами РКП(б) уральские рабочие-партийцы. Военруками чаще назначались крестьяне — демобилизованные младшие чины старой армии или офицеры.

Строительство волостных военкоматов на Урале происходило одновременно со строительством комитетов деревенской бедноты и сельских партийных ячеек, и хотя каждая из этих организаций выполняла свои особые функции в деревне, при решении основных задач того времени, и прежде всего проведении массовых мобилизаций, в борьбе с дезертирством и мятежами, они действовали как одно целое. В чрезвычайных случаях в военно-агитационную работу включался весь партийный и советский актив. Так, в первой половине августа 1918 г. к агитации за добровольное вступление в ряды Красной Армии рабочих и крестьян были привлечены все сотрудники Глазовского уездного исполкома¹². Военные комиссариаты со своей стороны активно участвовали в партийном и комбедовском строительстве на селе, в решении продовольственных и политико-воспитательных задач.

С выходом в конце июля 1918 г. ряда новых декретов Совета Народных Комиссаров в мобилизационной работе на Урале начался более интенсивный этап. Декретом от 27 июля мобилизацию рабочих и трудящихся крестьян пяти возрастов предусматривалось провести в ряде новых районов, в том числе в Верхотурском и Кунгурском уездах, не входивших в мобилизационный список по декрету от 11 июня 1918 г.¹³ 29 июля выходят декреты о всеобщем учете военнообязанных, о призыве на военную службу рабочих трех возрастов в ряде районов, в том числе на всей территории Вятской и Пермской губерний, и призыве шести возрастов военных специалистов на территории Уральского военного округа¹⁴. Поскольку в декрете о призыве рабочих ничего не говорилось о крестьянах, с Урала в центр была направлена соответствующая просьба и получено разрешение на призыв крестьян, не применявших наемный труд¹⁵.

Начиная со второй половины августа 1918 г. мобилизации по уездам на незанятой противником части Уральской области проводятся одна за другой, параллельно с этим постоянно ведется агитация за службу в Красной Армии и запись добровольцев. Приток в действующую армию добровольцев и мобилизованных нарастает от месяца к месяцу. Это отмечалось в политических сводках Восточного фронта, в сообщениях из военкоматов¹⁶. При этом важно

отметить, что пополнение осенью идет в основном за счет крестьянства. Начинают возникать крупные воинские части с преобладанием красноармейцев — выходцев из крестьян, такие, например, как Камская бригада.

Вместе с тем нельзя переоценивать значение положительных сдвигов, происшедших осенью 1918 г. в привлечении крестьянства к строительству регулярной армии Советской республики. И осенью проблема военных резервов полностью решена не была. Мобилизационные задания не выполнялись. Среди добровольцев по-прежнему преобладала молодежь из бедняцких семей. Политическая неустойчивость мобилизованных средних крестьян продолжала оставаться главной причиной низкой боеспособности частей. Оренбургское казачество в своем большинстве продолжало стоять на стороне контрреволюции.

VI Всероссийский съезд Советов (ноябрь, 1918) принял решение о создании «полков деревенской бедноты», поддержав инициативу Северного областного съезда комитетов деревенской бедноты. Предполагалось, что каждая волость мобилизует по два наиболее надежных представителя бедняков деревни. В Уральской области к формированию полков приступили в декабре 1918 г. Яранский уезд Вятской губернии к февралю 1919 г. дал 730 человек. Однако в других уездах Вятской губернии (значительная часть Пермской губернии в этот период была захвачена противником) результаты были ничтожными: в Нолинском мобилизовано 90 человек, Советском — 50¹⁷. Движение это не получило сколько-нибудь значительного развития, очевидно, потому, что комитеты бедноты в это время уже начали прекращать свою деятельность. С другой стороны, утвердившийся принцип «вливания» крестьянских пополнений, чаще всего не обладавших опытом службы и ведения боя, в уже существующие части регулярной армии оказался более целесообразным. В них уже были и опытный командный состав, и наиболее стойкое красноармейское ядро из рабочих, укреплявшее дисциплину и боевой дух крестьянской массы.

В течение 1918 г. основные практические вопросы строительства новой массовой регулярной армии, призванной защитить политические завоевания Октябрьской революции, были решены. Привлечение крестьянства к военному строительству расценивалось В. И. Лениным как еще одно доказательство закономерного характера революции. Выступая с докладом на VII Всероссийском съезде Советов 5 декабря 1918 г., он сказал: «...Красная Армия стала народной. Это значит, что мы осуществили в этом самом трудном деле объединение рабочего класса с переходящей на его сторону громадной массой крестьянства, и тем показали ему, что такое руководство рабочего класса»¹⁸.

Первый в стране опыт по вовлечению масс крестьянства в во-

енное строительство в условиях обширного фронтового района был проделан на Урале. Он оказался удачным потому, что территориальные партийные организации не ограничивались решением только прямых военных задач: агитацией за службу, проведением массовых мобилизаций, материальным снабжением частей Восточного фронта. Все это хотя и было важнейшим направлением их деятельности, но составляло только часть более широкой борьбы за привлечение крестьянства на сторону революции. Сами успехи военного строительства зависели от результатов массово-политической и организаторской работы, от всей социальной политики в деревне. Действуя совместно с армейскими парторганизациями, уральские территориальные организации РКП(б) обеспечили выполнение политических и военных задач и внесли тем самым свой вклад в разгром врага.

¹ Большевики Урала в борьбе за победу Октябрьской социалистической революции: Сб. документов и материалов. Свердловск, 1957. С. 278.

² ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 536. Л. 34.

³ См.: Известия Урал. обл. Совета. 1918. 26 мая; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 240. Л. 48.

⁴ Декреты Советской власти. М., 1959. Т. 2. С. 334.

⁵ Там же. С. 428.

⁶ См.: **Кораблев Ю. И.** В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970. С. 291—292.

⁷ См.: Известия Урал. обл. Совета. 1918. 26 мая; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 240. Л. 48.

⁸ См.: **Дубленых В. В.** Некоторые итоги изучения истории 3-й армии Восточного фронта // Историография истории создания и развития союза рабочего класса и крестьянства на Урале: Сб. науч. тр. Свердловск, 1982. С. 37.

⁹ ЦГАСА. Ф. 176. Оп. 1. Д. 23. Л. 66.

¹⁰ Урал. рабочий. 1918, 17 июля.

¹¹ См.: **Спирин Л. М.** Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной военной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г.: Сб. статей. М., 1956. С. 440.

¹² См.: Удмуртия в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (июнь, 1918 — март, 1919)): Сб. документов. Ижевск, 1960. Ч. 1. С. 94.

¹³ См.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 102.

¹⁴ См.: Там же. С. 109—113.

¹⁵ См.: **Молодцыгин М. А.** В. И. Ленин и некоторые вопросы военного строительства на Урале // В. И. Ленин и социально-экономические проблемы развития Урала. Свердловск, 1970. С. 92.

¹⁶ См.: Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями (ноябрь—декабрь 1918 г.): Сб. документов. М., 1970. Т. 5. С. 332; ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 73. Л. 81.

¹⁷ См.: Деревенский коммунист: Орган Уральского областного и Вятского губернского комитетов РКП(б). 1919. 1 февр.

¹⁸ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 39. С. 411—412.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ УРАЛА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ В РЯДЫ КРАСНОЙ АРМИИ И ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ФРОНТУ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ КРАЯ ОТ КОЛЧАКОВЦЕВ

С первых дней Советской власти там, где возникала опасность ее утраты, представители всех национальностей страны с оружием в руках вставали на ее защиту. Красная Армия с самого начала строилась как многонациональная, для более успешного обучения военному делу и политической работы среди красноармейцев нерусских национальностей в стране, в том числе и на Урале, создавались и национальные формирования.

Проблеме участия трудящихся нерусских народов Урала, составлявших до 30% всей численности населения, в вооруженной защите Советской власти уделено внимание в общих работах по истории решения национального вопроса¹, а также в специальных, посвященных военному строительству в рассматриваемый период².

Однако такие важные вопросы, как партийные мобилизации коммунистов нерусских народов Урала, развертывание политической работы среди красноармейцев на их родном языке, проведение кампаний помощи фронтам республики остаются за пределами исследований. В данной статье делается попытка в основном осветить именно эти проблемы.

По мере освобождения Урала от интервентов и белогвардейцев развертывается интенсивная работа по привлечению трудящихся нерусских народов в ряды Красной Армии. С мая 1919 г. по октябрь 1920 г. сотрудники регистрационно-вербовочного отдела Центральной мусульманской военной коллегии, игравшей в этом деле важнейшую роль, были командированы во все уезды уральских губерний, в первую очередь в только что освобожденные от Колчака районы. Трудящиеся национальных меньшинств, как и русские, испытали деспотию контрреволюции на себе. Они в подавляющей части встали на позицию поддержки Советской власти, откликнулись на ее призывы, горячо воспринимали большевистское слово правды. Небывалый революционный подъем отмечался среди татаро-башкирского населения Уфимской губернии. В 6 волостях Белебеевского уезда в Красную Армию добровольно записалась 1 тыс. человек. В с. Аташева Иманликуловской во-

лости был организован и направлен на фронт отряд в 100 человек³.

В Уфимской и Оренбургской губерниях вербовку добровольцев в Красную Армию из татар и башкир осуществлял подотдел формирования татаро-башкирских частей 5-й армии Восточного фронта, созданный по решению конференции татарских и башкирских коммунистов Восточного фронта в конце апреля 1919 г. Заведующим был назначен М. Ш. Шагиахметов. Подотдел находился сначала в Сызрани, а затем в Уфе и Челябинске. За время своего существования (апрель—сентябрь, 1919) его сотрудники завербовали 17 тыс. человек, провели среди них и татаро-башкирского населения в целом большую политико-воспитательную работу. Было сформировано 9 батальонов, бойцы которых показали образцы храбрости при освобождении Бирска, Златоуста, Челябинска⁴.

Продолжалось формирование башкирских красноармейских частей. В июне—июле 1919 г. в Стерлитамаке был сформирован 2-й башкирский кавалерийский полк, в июле—августе в Белебее—отдельная башкирская стрелковая бригада, которая первоначально состояла из бывших белобашкирских частей, перешедших на сторону Красной Армии, и артиллерийский дивизион. Затем после тщательной чистки ее рядов от враждебных Советской власти элементов, бригада пополнилась добровольцами и мобилизованными башкирами. На протяжении всего периода гражданской войны в ряды Красной Армии по Башкирии было вовлечено около 20 тыс. человек⁵.

Успехи в работе по вовлечению трудящихся татар и башкир в ряды Красной Армии были прежде всего результатом умелой агитационно-массовой работы среди них. Коммунистическая партия, ее местные организации уделяли повседневное внимание организации политико-воспитательной работы и среди красноармейцев национальных частей. Эта работа проводилась в основном на родном языке, что позволяло сделать пропаганду и агитацию более доступной.

Комплектование политорганов в башкирских и татаро-башкирских частях Красной Армии, сформированных весной и летом 1919 г., производилось Реввоенсоветом Южной группы войск Восточного фронта. М. В. Фрунзе, В. В. Куйбышев, возглавлявшие его, направляли на политическую работу в национальные части проверенных работников, способных умело вести борьбу с националистами и организовать политико-воспитательную работу среди башкир и татар. Одной из основных задач политработников являлось создание в каждой части партийной организации. Такая работа начиналась с первых дней формирования той или иной части. Несмотря на трудности, связанные со специфическим соста-

вом национальных соединений, в них сразу же создавались партийные ячейки, которые росли за счет приема в партию передовых красноармейцев и командиров, татарских и башкирских коммунистов, прибывших в порядке партийной мобилизации.

Наиболее успешно шло создание партийных организаций в татаро-башкирских батальонах Уфимского стрелкового полка 5-й армии. Они были укомплектованы в основном татарскими и башкирскими добровольцами Башкирской АССР и Уфимской губернии, среди которых было много коммунистов. С первых же дней их формирования были созданы крепкие партийные ячейки. Перед отправкой на фронт в партийных организациях батальонов насчитывалось по 70—100 коммунистов⁶. Наличие среди красноармейцев большой прослойки коммунистов позволило организовать партийные ячейки даже в ротах. Это приблизило партийную организацию к рядовым бойцам, имело огромное значение для улучшения политико-воспитательной работы и повышения боеспособности частей. Так, выступая на 5-й Уфимской губернской конференции (декабрь, 1919), представитель 2-й отдельной Приволжской татаро-башкирской бригады Г. Альмухамедов отметил, что в каждом полку их подразделений есть партийные организации и ячейки. Бригадное бюро РКП(б), руководившее работой последних, было тесно связано с Белебеевским уком партии. В бригаде имелось 120 коммунистов и 30 сочувствующих, командный состав полностью состоял из коммунистов, 9 членов партии — красноармейцев работали в Белебеевском уезде в качестве агитаторов⁷.

С завершением освобождения края работа продолжалась по следующим направлениям. Партийные комитеты, национальные секции при них осуществляли работу среди красноармейцев запасных частей, расположенных на Урале, проводили партийные мобилизации, руководили движением за оказание помощи Западному фронту. Эта деятельность продолжалась далее и среди мобилизованных, и в частях, и в соединениях.

Исходя из интернационального состава Приуральского военного округа⁸, местные партийные организации уделяли большое внимание работе среди красноармейцев коренных и других нерусских национальностей. При политотделах были созданы национальные секции, включающие преимущественно татарских и башкирских коммунистов, которые вели активную организационную, политическую, культурно-просветительскую работу. Деятельность коммунистов в войсках проводилась в контакте и с участием национальных секций РКП(б) при губкомах, которые посылали своих агитаторов, работников в красноармейские части.

Среди марийцев, удмуртов ее проводили национальные звенья (подразделения) партийных комитетов, например, чувашско-ма-

рийская коллегия при Уфимском губкоме. Коммунистам политотделов непросто было подобрать агитаторов для работы среди этих народов. Пермский губполитотдел в отчете за июнь 1920 г. отмечал, что для работы среди удмуртского населения с большим трудом нашли одного красноармейца-удмурта, командировали его в Сарапул для подготовки. Позднее при его активном участии была созвана гарнизонная конференция удмуртов, рассмотревшая важнейшие вопросы общественной жизни страны⁹. Несмотря на трудности в подборе кадров, пропагандистскую работу успешно вели мусульманские секции, опиравшиеся на коммунистов-красноармейцев. В Екатеринбургском гарнизоне летом 1920 г. коммунистов-красноармейцев из татар и башкир было 150, а в Пермском — только 16. Тем не менее среди красноармейцев-татар Пермского гарнизона и для них регулярно проводились митинги, лекции и беседы, еженедельные бесплатные спектакли. Татаро-башкирская коллегия при Уфимском губкоме (8 агитаторов, 3 учителя) организовала в июне 1920 г. 98 митингов на разнообразные политические темы, 5 спектаклей. Агитаторы коллегии направлялись в части Уфимского гарнизона и проводили в них беседы по «Азбуке коммунизма»¹⁰.

Приведенные примеры позволяют говорить как о воспитании красноармейцев нерусских национальностей в духе социализма, так и о больших трудностях в этой работе, связанных с минимальным количеством политических работников.

Центральные и местные партийные, советские и национальные организации, учитывая малочисленность коммунистов нерусских народов, вынуждены были подходить к их мобилизации в армию осторожно, продуманно. Только при такой постановке дела можно было решать и другие вопросы, касающиеся проведения ленинской национальной политики. В наиболее напряженные периоды коммунисты всех национальностей уходили на фронт целыми организациями или посылали значительное количество своих членов. Так, Уфимский губком и татаро-башкирская секция летом 1919 г. мобилизовали 52 коммуниста и кандидата в члены партии — всех работников национальной секции РКП(б) и руководителей татарской и башкирской молодежи губернии. Эта мера была продиктована условиями военного времени, прифронтовой обстановкой. В начале октября 1919 г. были мобилизованы лишь 4 коммуниста и 2 сочувствующих, в июне 1920 г. — 5 коммунистов, в августе — 3 коммуниста¹¹. Из отчета Оренбургской мусульманской секции при губкоме партии от 24 октября 1919 г. следует, что на фронт ушли 7 коммунистов-татар. Екатеринбургский губком и мусульманское бюро поддержали предложение Верхнеуфалейской организации РКП(б) о мобилизации на Западный фронт одного коммуниста — Г. Рафикова. В середине августа 1920 г. губкомсбюр

рассмотрело воззвание Екатеринбургского губкома к районным комитетам РКП(б) о мобилизации на Южный фронт и решило отправить туда несколько коммунистов-татар и башкир. Вслед за этим в губернии была проведена 5-процентная партийная мобилизация коммунистов национальных воинских частей, которые были отправлены в Туркестан. Среди мобилизованных коммунистов были М. Шарапов и С. Исламудинов¹².

Челябинский губком в августе 1920 г. направил на Западный фронт 400 коммунистов, из них 15 татар и башкир, а также 3 литовцев. В связи с этими данными, приведенными на фоне таковых по Екатеринбургской губернии, следует подчеркнуть, что на Южном Урале татар и башкир проживало больше. Это влияло и на рост их количества в составе партийных организаций. Что касается коммунистов-прибалтийцев, то они имелись во всех губернских, многих уездных партийных организациях Урала. Так, в августе 1920 г. Пермский губком направил на Южный фронт 8 татар и башкир, 7 зырян, 2 литовцев и 2 эстонцев. В то же время Сарапульский уком партии на основе постановления Всероссийской конференции коммунистов-удмуртов, состоявшейся в июне 1920 г., провел 10-процентную мобилизацию коммунистов Удмуртского комиссариата и партийной школы при нем, 20-процентную — во всех волостных ячейках¹³.

Можно констатировать, что на Урале проводились регулярные мобилизации коммунистов нерусских национальностей, которых направляли в 1919—1920 гг. на различные фронты: Восточный, Южный, Западный, в Туркестан. Особенностью этого процесса было то, что мобилизации, как правило, не были массовыми. Случалось, что партийные организации просили вышестоящие органы оставить мобилизуемых коммунистов на тех участках работы, где они находились, так как нечем было их заменить. Например, Ижевская организация РКП(б) на заседании от 13 августа даже утвердила решение собрания коммунистов-мусльман о том, что они не могут выделить для мобилизации ни одного человека¹⁴. Но главной, характерной чертой коммунистов нерусских национальностей была высокая ответственность за мобилизации в армию. Они добровольно вступали в ее ряды, в том числе и в национальные части. В боях и повседневных ратных делах коммунисты воспитывали, вдохновляли и личным примером увлекали красноармейцев-башкир, татар, удмуртов, марийцев, чувашей и других на подвиги во имя торжества дела социализма.

Партийные организации, коммунисты нерусских народов организовывали трудящихся на разностороннюю помощь Красной Армии. Они активно участвовали в различных политических кампаниях, в частности, организации недель помощи фронту. Партийные организации края разрабатывали планы мероприятий,

намечали сроки их проведения, осуществляли контроль за выполнением принятых решений. Национальные секции РКП(б) на своих заседаниях и конференциях обсуждали результаты проводимой работы. Основную организационно-политическую деятельность при этом проводили именно эти секции, возглавлявшие их коммунисты. 3-я Пермская губернская конференция коммунистов-татар, состоявшаяся 7 июня 1920 г., объявила трудящимся о решении провести 17—23 июня неделю помощи Западному фронту. В процессе ее проведения в уездах губернии были собраны пожертвования на сумму 345 624 р., что свидетельствовало о росте политического сознания и чувства советского патриотизма в массах¹⁵.

По сохранившимся в фонде Народного комиссариата по делам национальностей отчетам уральских губернских отделов, секций можно восстановить некоторые страницы истории деятельности по организации помощи фронту среди нерусского населения Урала в июне—ноябре 1920 г. Подготовка и проведение любой кампании включали в себя такие формы, как агитационно-пропагандистская работа, запись добровольцев, сбор пожертвований в денежной и натуральной формах, помощь семьям красноармейцев. В это время во всех губернских и большинстве уездных городов прошли митинги на темы: «Помощь Западному фронту», «О польском наступлении», «Помощь семьям красноармейцев» и др. Ораторы выступали на различных языках. По подсчетам, было проведено более 70 таких митингов. К этой работе была подключена партийная и советская печать, в том числе национальные газеты «Ярлылары Тауши» (Уфа), «Кызыл Юл» (Елабуга), «Ирэк» (Троицк) и др. Разъяснялись классовые цели гражданской войны, внутриполитическое, международное положение Советской России, задачи трудящихся по оказанию помощи Красной Армии, ее героям-красноармейцам. Выпускались различные воззвания, листовки. Удмуртский отдел в Москве выпустил 3 тыс. экз. листовок на темы: «Дезертир, вернись на фронт», «Помощь фронту» и др. Уфимский латышский отдел издал 1 тыс. экз. воззваний на эти же темы.

Об активной поддержке Советской власти, Красной Армии трудящимися национальных меньшинств можно судить по их выступлениям на митингах, в печати. Так, рабочие-мусульмане Надеждинского завода Екатеринбургской губернии, обсуждая положение на фронте, приняли резолюцию о том, что они «готовы до последней капли крови бороться против польской шляхты на Западном фронте и против барона Врангеля на Южном»¹⁶. Энтузиазм рабочих сказался на их трудовой деятельности и сборе средств для фронта.

Высокую политическую активность проявляли и трудящиеся

крестьяне нерусских народов. В Уфимском уезде во время недели фронта, сопровождавшейся собраниями, митингами, агитацией в массах, проводился сбор денег и вещей. Крестьяне аулов Ката Покровской волости и Бикташ Ямашакской собрали 1975 р., 15 пар чулок, 12 пар белья, 100 шт. яиц; аула Увельды Златоустовского уезда — 12 533 р., 130 шт. яиц. Крестьяне-татары Шудейской и Шейнокорской волостей Малмыжского уезда собрали 27 630 р., 839 шт. яиц, 6 фунтов шерсти, 2 пары чулок, овечью шкуру¹⁷. Подобных примеров можно привести много, ибо сбор пожертвований на нужды фронта осуществлялся повсеместно и на протяжении всего периода гражданской войны.

Среди рабочих и служащих получила распространение и такая форма организации помощи фронту, как отчисления на его нужды части заработка или пайка. Так, Сарапульский татарский отдел, советские работники-удмурты Ижевска и других городов отчислили в пользу Западного фронта однодневный заработок, трудящиеся-латыши Уфимского уезда — двухдневный¹⁸.

Результатом большой и целенаправленной деятельности партийных организаций края, национальных секций РКП(б), коммунистов нерусских народов было то, что трудящиеся национальных меньшинств с оружием в руках встали на защиту рабоче-крестьянской власти, разобрались в сущности белогвардейских режимов, оказывали помощь и содействие всем мероприятиям Советского правительства, направленным на укрепление фронтов в 1919—1920 гг. Они все больше убеждались в интернациональной сущности Советской власти, предоставившей им равноправие во всех сферах общественной жизни. Несмотря на трудности работы среди них (низкий культурный уровень, сильное влияние буржуазии, духовенства, националистических организаций и др.) партийные комитеты края проводили последовательную линию Коммунистической партии в решении национального вопроса. Это позволило достаточно успешно решать и задачи мобилизации коммунистов и трудящихся нерусских народов Урала в Красную Армию, организации помощи ей для полного разгрома интервентов и белогвардейцев.

¹ См.: **Алмаева Л. М.** Деятельность большевиков Южного Урала по осуществлению ленинской национальной политики в 1917—1920 гг. // Некоторые вопросы партийного руководства революционным движением и социалистическим строительством. Челябинск, 1968. Вып. 4; **Хайрутдинов Р. Г.** Осуществление Коммунистической партией ленинской программы по национальному вопросу в 1917—1920 гг.: По материалам Поволжья и Приуралья. Казань, 1976; и др.

² См.: **Сираев З. И.** Башкирские национальные части Красной Армии в гражданскую войну // Октябрьская революция и рождение Советской Башкирии. Уфа, 1959; **Гизатуллин И. Г.** Защищая завоевания Октября: Центральная

мусульманская военная коллегия, 1918—1920. Казань, 1979; Куликов К. И. В боях за Советскую Удмуртию. Ижевск, 1982; и др.

³ См.: Гизатуллин И. Г. Защищая завоевания Октября. С. 71.

⁴ См.: Там же. С. 72.

⁵ См.: Сираев З. И. Башкирские национальные части Красной Армии в гражданскую войну. С. 223, 225.

⁶ См.: Там же. С. 228.

⁷ ПАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4 а. Л. 76.

⁸ В частях Приуральского военного округа (Екатеринбургская, Пермская, Вятская, Уфимская, Челябинская губернии) на июнь 1920 г. насчитывалось 116 027 красноармейцев русской национальности и 49 884 других национальностей (ПАСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 4. Л. 38).

⁹ ПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 116. Л. 14.

¹⁰ ПАСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 2. Л. 338; ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 639. Л. 6.

¹¹ ПАБО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 74. Л. 31, 91; Д. 252. Л. 45; ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 639. Л. 3.

¹² ПАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 51. Л. 46; ПАСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 54. Л. 91, 161, 210.

¹³ См.: Челябинская губерния в период военного коммунизма (июль 1919 — декабрь 1920 гг.): Документы и материалы. Челябинск, 1960. С. 616; ПАУО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 46. Л. 133; ПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 33. Л. 1.

¹⁴ ПАУО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 97. Л. 125.

¹⁵ ПАПО. Ф. 557. Оп. 1. Д. 104. Л. 60; Д. 149. Л. 86.

¹⁶ ЦГАОР. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 153. Л. 26.

¹⁷ Там же. Л. 10, 13, 17; Д. 639. Л. 3; Д. 1043. Л. 70.

¹⁸ Там же. Л. 26.

Э. Э. БОДРОВА

Свердловский юридический институт

НАЧАЛО СТРОИТЕЛЬСТВА 2-й и 3-й АРМИЙ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА (по материалам воспоминаний)

Возникновение первого в мире социалистического государства вызвало яростное сопротивление сторонников капитализма. Международным империализмом готовился к прямому вмешательству во внутренние дела Советской России. На востоке страны, в частности на Урале, в начале лета 1918 г. интервентам удалось за короткий срок объединиться с силами буржуазно-помещичьего лагеря и создать реальную угрозу революции. Поэтому не случайно ученые большое значение придают изучению истории организации Советских Вооруженных Сил, вставших на защиту социалистических завоеваний.

Создание новой армии было одной из важнейших задач Советского государства уже в первые месяцы его существования. «Без вооруженной защиты социалистической республики мы существовать не могли»¹, — писал В. И. Ленин. И если процесс соз-

дания военного аппарата, частей и соединений Красной Армии получил широкое освещение в работах исследователей, то история постановки ряда принципиальных вопросов военного строительства, времени их возникновения, различных позиций по некоторым из них военных партийных работников и ЦК партии во главе с В. И. Лениным требуют дальнейшего изучения².

Сохранилось несколько воспоминаний, авторы которых стояли у истоков создания Красной Армии и уральских добровольческих формирований. Содержание этих мемуаров позволяет нам ответить на некоторые из поставленных вопросов.

В воспоминаниях Н. М. Потапова³, бывшего в конце 1917 г. начальником Главного управления Генштаба, речь идет о формах и способах организации Красной Армии, которые обсуждались советскими, партийными и военными специалистами уже в ноябре—декабре 1917 г. Мемуарист отмечает, что вопрос создания новой армии решался постепенно. «Никакого заранее намеченного конкретного плана создания новой вооруженной силы не было и не могло быть», — писал он⁴. Н. М. Потапов сохранил в памяти обсуждение вопроса о создании Красной Армии на ряде совещаний, проведенных, как он считает, 8, 14, 17 и 22 декабря 1917 г. Участники этих встреч отвергли идею создания «социалистической гвардии» из рабочих промышленных заводов и решили, что в условиях экономической разрухи и острейших социальных конфликтов в стране формирование Красной Армии на основе добровольческого принципа является единственно возможной формой военного строительства⁵. Н. М. Потапов отмечает, что на итоговом совещании 22 декабря присутствовали В. И. Ленин, Н. И. Подвойский, И. В. Сталин. Участие В. И. Ленина в этом совещании подтверждается материалами Биографической хроники⁶.

Один из активных организаторов Красной Армии А. Ф. Мясников⁷ вспоминал о работе В. И. Ленина на совещании, проходившем в марте 1918 г.⁸ Большинство его участников высказались против привлечения военных специалистов и кадровых офицеров на службу в Красную Армию. Мемуарист пишет: «Следует отметить, что это время было эпохой, если можно так выразиться, военного романтизма многих тогдашних военных работников-коммунистов. Центральный Комитет не пошел навстречу этому военному романтизму. Он вынес свое твердое решение о том, что мы без военных специалистов и старых кадровых офицеров, не имея своего командного состава, не имея за душой ничего в военном отношении, не обойдемся в деле организации Красной Армии»⁹.

Заместитель наркомвоена по демобилизации старой армии М. С. Кедров¹⁰ приводит в воспоминаниях интересный факт, связанный с проходившим в декабре 1917 г. в Петрограде общепартийным съездом по демобилизации армии. Встретившись с деле-

татами съезда, В. И. Ленин провел анкетирование участников встречи¹¹. Результат опроса показал, что «только единичные анкеты с известной натяжкой позволяли говорить о боеспособности некоторой части армии»¹². Выводы, сделанные В. И. Лениным, показали делегатам съезда необходимость демобилизации старой армии и создания на основе новых принципов рабоче-крестьянской армии¹³.

Факты, приведенные в воспоминаниях М. С. Кедрова, А. Ф. Мясникова, Н. М. Потапова, свидетельствуют о том, что В. И. Ленин в период установления Советской власти в нашей стране имел сложившиеся взгляды по многим вопросам военного строительства, в том числе и практическим.

В работах мемуаристов сохранились свидетельства о деятельности В. И. Ленина по руководству военным строительством на Восточном фронте. Заведующий оперативным отделом наркомвоенмора С. И. Аралов¹⁴ вспоминает, что В. И. Ленин всегда обращал особое внимание на те фронты, которые имели в тот или иной момент первостепенное значение для судьбы Советской власти. Летом 1918 г. таким фронтом стал Восточный. Мемуарист пишет, что, узнав об измене командующего Восточным фронтом левого эсера М. А. Муравьева, «...уже утром Владимир Ильич дал ряд указаний о новой мобилизации коммунистов и рабочих, о переброске воинских частей. Ленин ободрил нас своей необычайной энергией»¹⁵. Член РВС Восточного фронта К. Х. Данишевский в воспоминаниях утверждает: «Реввоенсовет фронта непосредственно обращался к Владимиру Ильичу с сообщениями о положении на фронте»¹⁶.

С. И. Аралов и сотрудник оперативного отдела А. В. Гиршфельд рассказывают о состоявшемся летом 1918 г. в отделе совещании¹⁷. На нем присутствовали более 100 партийных работников, которые отправлялись в основном на Восточный фронт. Это были рабочие московских, петроградских и иваново-вознесенских заводов и фабрик. В. И. Ленин, прибывший на совещание, выступил с разъяснением задач политических работников Красной Армии. По словам С. И. Аралова, он говорил: «Укрепляйте армию, научите воевать, поднимите дух и объедините красноармейцев, помогите командирам и учитесь, учитесь у спецов воевать»¹⁸. Уже в период перехода к регулярной армии, основанной на всеобщей воинской повинности, В. И. Ленин отмечал вред, который наносит партизанщина. «Одно дело красные партизаны, героически сражающиеся в тылу врага, и совсем другое дело партизанщина — архивредная вещь, нарушающая планы командования, разлагающая боевые части Красной Армии», — утверждал он¹⁹.

В Биографической хронике В. И. Ленина есть данные, подтверждающие основные мысли, изложенные мемуаристами. Правда, сообщая о выступлении В. И. Ленина на совещании, проведенном

летом 1918 г. в оперативном отделе наркомвоенмора, составители Биохроники ошибочно ссылаются на воспоминания А. В. Луначарского, в то время как речь должна идти о мемуарах С. И. Аралова или А. В. Гиршфельда²⁰.

Уральским коммунистам пришлось решительно бороться с позицией эсеров по вопросам организации регулярной армии. Мемуаристы свидетельствуют, что «Урал не воспринял эсеровскую программу о вольных партизанских отрядах, которые должны были сокрушить контрреволюцию «энтузиазмом»²¹. Эта борьба продолжалась в течение всего начального периода создания Красной Армии на Урале²².

В воспоминаниях С. А. Анучина — военного комиссара Уральского военного округа есть данные о складывании местного военного аппарата²³. В них рассказывается о событиях, получивших отражение в отчете уральского военного комиссариата Народному комиссариату по военным делам и Всероссийскому бюро военных комиссаров от 17 октября 1918 г.²⁴ Совпадение содержательной стороны мемуаров С. А. Анучина и отчета, их ретроспективность, повествовательная форма изложения истории создания красноармейских частей в отчете и то, что в составлении его мемуарист принимал активное участие, позволили нам провести сравнение этих источников. Однако сопоставление текстов привело к неожиданным результатам. Мемуары С. А. Анучина оказались кратким изложением первого раздела отчета, посвященного начальному этапу деятельности окружного комиссариата. Этот факт, с одной стороны, говорит о высокой степени надежности и достоверности излагаемых в воспоминаниях событий, а с другой стороны, значительно снижает ценность воспоминаний А. С. Анучина как мемуарного вида источников.

Мемуаристы С. А. Анучин²⁵ и Р. И. Берзин²⁶ участвовали в расширенном заседании Уральского областного комитета РКП(б), проходившего 13 июня 1918 г. в Екатеринбурге. Среди присутствовавших на заседании они называют членов обкома РКП(б), обкома левых эсеров, представителей областного и городского Советов, областного и окружного военных комиссариатов, Высшей военной инспекции²⁷. С. А. Анучин отмечает, что на совещании был создан оперативный штаб для борьбы с белочехами. Членами этого штаба мемуарист называет Р. И. Берзина, С. А. Анучина и Д. Н. Надежного. Это утверждение не совсем точно, хотя и соответствует тексту уже упомянутого нами доклада²⁸. Следует иметь в виду, что Р. И. Берзин, А. С. Анучин и Д. Н. Надежный вошли в состав коллегии, которая должна была осуществлять военнополитическое руководство советскими войсками. На этом же совещании был избран и штаб. Бывший офицер А. Л. Симонов был назначен его начальником²⁹.

Р. И. Берзин называл расширенное заседание историческим событием, так как на нем было принято решение объединить отдельные участки фронта борьбы с интервентами и контрреволюционерами в Северо-Урало-Сибирский фронт. Мемуарист, анализируя организацию военного строительства в новых условиях, считал, что «Урал в этом деле опередил другие фронты, хотя у первого Реввоенсовета Восточного фронта не было утвержденных положений о правах и обязанностях комфронта и членов коллегии. Нам самим пришлось искать формы управления войсками, устанавливая соответствующие взаимоотношения между командующим, членами коллегии и комиссаром»³⁰.

Р. И. Берзин не случайно акцентирует внимание на положении РВС Восточного фронта. Он считал, что военные специалисты Высшего военного совета недооценивали важность происходящего на востоке страны и РВС Восточного фронта самостоятельно осуществлял оперативное командование частями и соединениями Красной Армии. Подтверждение данного мнения содержится в работе С. М. Кляцкина. Основываясь на широком круге источников, исследователь приходит к выводу, что ни одной директивы или приказа Высший военный совет не направил на Восточный фронт до августа 1918 г., хотя внимание ЦК партии и СНК было приковано к событиям на фронте с начала выступления белочехов³¹.

Еще одним шагом по пути полной централизации командования, формирования и снабжения армии явилось создание Восточного фронта. Р. И. Берзин вспоминает: «Восточный фронт фактически явился первым нашим фронтом, где военная организация была поставлена на должную высоту, построена по требованиям военной науки»³². В его мемуарах есть сведения о разговоре по прямому проводу с командующим фронтом М. А. Муравьевым 22 июня 1918 г., из которого следует, что РВС фронта уже в начале лета решил свести все войска в четыре армии³³. Измена командующего приостановила решение вопроса, и лишь 20 июля Северо-Урало-Сибирский фронт был переформирован в 3-ю армию Восточного фронта.

После ликвидации левозсеровского мятежа ЦК партии продолжил укрепление военного аппарата фронта политработниками из центральных районов страны. В. Г. Машкевич³⁴, ранее заведовавший политотделом Центробалта и агитационным отделом ВЦИК, был направлен с группой рабочих московских заводов в распоряжение политуправления Восточного фронта. В своих воспоминаниях он рассказывает о первых трудных шагах в работе политкомиссаров, освещает наиболее распространенные формы политической агитации и пропаганды.

Мемуаристы А. Д. Авдеев и В. Е. Бузунов также подчеркивают важную роль политических комиссаров в организации еди-

ной системы агитационно-пропагандистской и партийно-организационной работы в армии и среди населения³⁵.

Большинство мемуаристов затрагивают вопросы начала строительства регулярной Красной Армии, раскрывают историю формирования отдельных частей и соединений, их боевой путь. В этой значительной группе источников почти нет воспоминаний, написанных исключительно по памяти. Пожалуй, только первые публикации мемуаров А. И. Медведева³⁶ и С. Г. Пичугова³⁷, а также работы И. Ф. Григорьева³⁸ и Г. С. Коняева³⁹ основаны на личных впечатлениях их создателей. Подавляющее же большинство мемуаристов, описывая боевой путь полков, широко используют документальные материалы, дневниковые записи, воспоминания своих однополчан.

Наиболее полно и объективно авторы воспоминаний освещают историю крестьянского коммунистического полка Красных Орлов⁴⁰. Одной из первых публикаций, раскрывающих его боевой путь, была работа П. П. Бажова. Он основное внимание уделяет истории формирования полка, при этом подробно рассматривает историко-экономическое развитие региона, где возникли добровольческие отряды, ставшие основой полка. Используя документальные источники, П. П. Бажов касается вопросов комплектования, социального, численного состава полка. На фоне обстановки, сложившейся в районе боевых действий, мемуарист достаточно подробно показывает процессы сплочения добровольческих отрядов, объединения оперативного и политического руководства полками Камышловско-Шадринского направления, серьезные трудности, возникшие в ходе этой работы.

Кроме документальных материалов П. П. Бажов привлекал воспоминания своих товарищей по полку, причем не просто цитировал отдельные фрагменты, но внимательно анализировал содержание в целом. Использование документальных источников позволило ему прийти к выводу, что воспоминания Ф. И. Голикова, М. М. Плеханова не отражают одну из важнейших причин, сделавших полк крепкой боевой единицей: организацию партийно-политической работы в нем. П. П. Бажов старается восполнить этот пробел, особо выделяя данный вопрос в своей книге. Он подробно останавливается на организации и проведении добровольных партийных мобилизаций в Камышловском уезде, раскрывает роль коммунистов в решении военно-оперативных вопросов и проведении политико-воспитательной работы среди бойцов полка⁴¹.

Воспоминания Ф. И. Голикова⁴², появившиеся через 25 лет после публикации книги «Бойцы первого призыва», во многом дополняют работу П. П. Бажова. Их безусловное достоинство заключается в большой приближенности к происходившим событиям. Объясняется это тем, что мемуары Ф. И. Голикова основаны на

дневниковых записях военного времени. Правда, они не всегда регулярно велись, часто мемуарист был вынужден кратко восстановить события нескольких дней, а иногда и недель. Автор использует документы по истории полка, воспоминания его бойцов, материалы встречи ветеранов полка, проходившей в 1958 г.

Работа Ф. И. Голикова содержит интересные обобщенные данные о количестве и составе вооруженных формирований, действовавших в начале июля 1918 г. в районе Камышлова. Мемуаристу удалось показать процесс объединения этих отрядов в регулярные части.

Однополчанами Ф. И. Голикова была подготовлена отдельная книга о истории полка Красных Орлов⁴³. В отличие от мемуаров Ф. И. Голикова, где много личных впечатлений автора, различного рода отступлений, коллективные воспоминания созданы на основе документальных материалов и содержат много обобщений и выводов. Лишь в том случае, когда не было каких-либо других источников, авторский коллектив обращался к воспоминаниям. Данную работу можно отнести к мемуарам только потому, что материалы, основанные на памяти, составляют ее значительную часть. Сведения, содержащиеся в книге, не ограничены временем участия мемуаристов в боевых операциях. Авторы воспоминаний не только осветили историю своего полка, но и ход важнейших боевых действий в районе Камышлова, Егоршино—Нижнего Тагила в июле—ноябре 1918 г., участие в них 1-го Горного, 1-го Камышловского, 4-го Уральского полков. С помощью документальных материалов и данных периодической печати им удалось восстановить действия сил интервенции и контрреволюции в районе Среднего Урала.

Истории формирования 4-го Уральского полка посвящена также группа воспоминаний⁴⁴. Первые ожесточенные бои полк выдержал у с. Далматово. Именно эти события вспоминают И. Ф. Григорьев, А. Н. Грязных, А. Ф. Дубасов. Они отмечают, что формирование полка продолжалось в ходе непрерывных боев и было закончено лишь в районе ст. Синарской. А. Ф. Дубасов утверждает, что одновременно был проведен учет членов партии, и новая партийная организация проводила большую работу по сплочению и воспитанию бойцов⁴⁵.

Боевые действия 4-го Уральского полка на Тагильском направлении подробно раскрыты в коллективной работе, авторы которой кроме личных воспоминаний использовали документальные материалы и мемуары однополчан. В отличие от коллективных воспоминаний, посвященных истории полка Красных Орлов, работа А. Ф. Дубасова, И. П. Вырышева, Н. О. Попова, П. Г. Старикова не затрагивает общего хода военных действий на указанном участке Восточного фронта. Ее авторы ограничиваются лишь рассказом о боевом пути своего полка.

В ряде сравнительно небольших по объему воспоминаний М. В. Васильева, Н. С. Ошивалова, А. Н. Терентьева, З. Ф. Тихонова и др. освещается история 1-го Камышловского полка⁴⁶. Н. С. Ошивалов рассказывает о революционном энтузиазме, который охватил рабочих Камышлова, когда они узнали о начале формирования полка. Именно предыстория создания полка нашла в его воспоминаниях наибольшее отражение, в то время как мемуары М. В. Васильева касаются боевого пути полка. Бывший комбриг 1-й Восточной дивизии М. В. Васильев сумел в своей работе осветить действия полков, сосредоточенных в районе Ирбитского завода — Егоршино—Режа. На этом участке фронта кроме 1-го Камышловского находились 4-й Уральский, 1-й Крестьянский коммунистический и 1-й Горный полки. Мемуарист описывает их успешное наступление через Богданович на Екатеринбург в августе 1918 г., а затем вынужденное отступление на север.

Воспоминания С. Г. Пичугова⁴⁷ о 1-м Горном полке — пример мемуаров автобиографического характера, написанных в основном по памяти. Автор часто останавливается на анализе и значении своих поступков. Эта особенность источника делает его скорее исключением из общего потока воспоминаний, затрагивающих историю создания Красной Армии на Урале, создает впечатление определенного преувеличения роли мемуариста в ходе событий. Стремление С. Г. Пичугова подробно восстановить историю и боевой путь 1-го Горного полка невольно позволяет нам определить те замалчивания и недоговоренности, некоторые существенные эпизоды из жизни полка, очевидцем и участником которых не мог не быть мемуарист. Так, невыполнение приказов командования в районе Нижнего Тагила и Верхотурья полком, командиром которого в тот период был автор воспоминаний, привело к заметному ухудшению положения советских войск на этом участке фронта. На этот факт обращает внимание в своих воспоминаниях П. П. Бажов⁴⁸. Кратко останавливаясь на ходе боев в районе, С. Г. Пичугов многозначительно ссылается на решения командования, чьи действия якобы вызывали у мемуариста интуитивное недоверие. Однако сам он совершенно не затрагивает вопросов партийно-политической работы в полку, хотя не мог не быть связан с ней как командир. Представитель 1-го Горного полка Смольников, выступая на партийной конференции, проходившей 20—23 октября 1918 г. в Кушве, сообщал, что партийная работа в полку была поставлена очень слабо, совсем не проводилась агитационная работа, партийная прослойка была незначительной⁴⁹.

История возникновения и боевого пути 1-го Рабоче-Крестьянского полка рассматривается в воспоминаниях группы бывших бойцов полка⁵⁰ и мемуарах П. Г. Феофанова⁵¹. Работы мемуаристов содержат краткую характеристику хода боевых действий на участке фронта, который оборонял полк по Челябинскому тракту

(район Сысерти и Арамиля), в жестоких боях за Екатеринбург и Нижний Тагил.

А. И. Онуфриев⁵² и Г. С. Коняев⁵³ раскрывают историю 3-го Екатеринбургского полка и конкретный ход боев в районе Екатеринбурга—Нижнего Тагила. В целом история полка детально описана в работе А. И. Онуфриева. Он не только стремится детально восстановить процесс формирования, состав полка, ход боевых операций, но и предпринимает попытку проанализировать причины отступления советских войск, проследить развитие событий на рассматриваемом участке Восточного фронта. Судя по высказываниям автора воспоминаний, он был убежденным сторонником создания регулярной Красной Армии. А. И. Онуфриев необоснованно утверждает, что принцип выборности командного состава, имевший большое значение на первом этапе создания Красной Армии, позволил случайным и неопытным людям занять должности командиров отрядов. Каких именно, он не называет.

Большинство мемуаристов лишь вскользь упоминают о вооруженной борьбе с белогвардейцами и интервентами уральских анархистов и левых эсеров. А. И. Онуфриев подробнее других останавливается на их участии в войне, освещая деятельность екатеринбургского уездного комиссара анархиста П. И. Жебенева. На партийной конференции в октябре 1918 г. с докладом от партийной организации 1-го Рабоче-Крестьянского полка выступил П. Г. Феофанов, а от 3-го Екатеринбургского — Медведев и З. И. Лобков. Докладчики отметили определенное дезорганизирующее влияние анархистов на рядовой состав полков⁵⁴. Однако этот существенный момент в воспоминаниях П. Г. Феофанова не затрагивается.

Авторы воспоминаний отчетливо показывают, что уральские полки состояли в основном из рабочих и крестьян, добровольно вступивших в Красную Армию. «3-я армия Восточного фронта состояла из красногвардейцев»⁵⁵, — подтверждает С. С. Каменев. Несмотря на то что армии приходилось вести ожесточенные бои и одновременно заканчивать формирование полков, она упорно держала оборону и не была разгромлена.

Значительно меньше воспоминаний посвящено формированию 2-й армии Восточного фронта. В работах Ф. К. Воробьева, Г. Е. и Е. А. Соколовых, П. Г. Сюткина⁵⁶ рассказывается о формировании в районе Николо-Березовска 1—2-го и 3-го бирских стрелковых полков. Как и всюду на Урале, их ряды пополнялись за счет притока добровольцев из батраков и крестьянской бедноты, красногвардейских отрядов и волостных дружин Уфимской и Пермской губерний.

Более подробно мемуаристы рассматривают историю 1-го Бирского полка, так как все они были его бойцами. По их свидетельству, в состав полка вошли крестьяне-добровольцы Касевской во-

лости, бойцы красногвардейских и продовольственных отрядов Бирского уезда, рабочие и служащие, прибывшие в Николо-Березовск из захваченных белогвардейцами волостей⁵⁷. Авторы воспоминаний особо подчеркивают большую роль, которую сыграли в мобилизации в Красную Армию командиры 1-го Бирского полка, будущий комбриг П. И. Деткин и командир 2-го Бирского стрелкового полка И. А. Катаев.

Значение материалов, изложенных в воспоминаниях, определяется важностью событий, которые летом и осенью 1918 г. развернулись на Урале. Мемуаристам удалось показать на конкретных фактах, что решающей силой, ядром в частях и соединениях Красной Армии был рабочий класс. Они выделяют и роль крестьянства как активного участника вооруженной борьбы, выступившего под руководством пролетариата на защиту завоеваний революции. Данные воспоминаний позволяют уточнить время возникновения и состав боевых формирований, процесс превращения разрозненных и плохо обученных добровольческих отрядов в регулярные части Красной Армии. В мемуарах приводится огромное количество фактов о боевом пути полков, изменении их состава, численности, боевых расположений, об особенностях военной организации. В большей мере авторам воспоминаний удалось раскрыть историю боевых соединений, в составе которых они сражались. Эти сведения способствуют более полному освещению хода вооруженной борьбы, ее этапов, своеобразия развития событий на отдельных участках фронта. К сожалению, мемуаристы редко описывают события на других направлениях и иногда весьма тенденциозно характеризуют действия соседних частей.

Воспоминания правдиво освещают роль Коммунистической партии в организации отпора интервенции и контрреволюции. Факты, приведенные в них, свидетельствуют о том, что партия определяла стратегию и тактику важнейших этапов вооруженной борьбы на Урале. Однако если иметь в виду конкретные мероприятия, то наибольшее раскрытие они получили в работах соратников В. И. Ленина, представителей партийного и военного руководства. Авторы воспоминаний подчеркивают роль В. И. Ленина в решении многих основополагающих вопросов военного строительства, его участие в массовой мобилизации коммунистов на Восточный фронт.

В мемуарах выделяется деятельность уральских партийных организаций, направленная на решение задач военного строительства. Свидетельства участников событий, особенно опубликованные в конце 50-х—70-е гг., содержат много новых материалов, раскрывающих участие коммунистов Урала в формировании добровольческих отрядов, мобилизации в Красную Армию, их роль в проведении агитационно-пропагандистской работы среди красно-

армейцев. Мемуаристы останавливаются не только на партийно-политическом руководстве, но и на повседневной организационной воспитательной работе коммунистов, отмечают влияние их личного примера на успешное решение боевых задач.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 138.

² Подробнее см.: **Кораблев Ю. И.** В. И. Ленин и создание Красной Армии. М., 1970; **Молодцыгин М. А.** Союз рабочих и крестьян в гражданской войне. М., 1987; и др.

³ См.: **Потапов Н. М.** Записки о первых шагах советского военного строительства // Воен.-ист. журн. 1968. № 1. С. 61—68; **Он же.** Начало // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1984. Т. 3. С. 33—36.

⁴ **Потапов Н. М.** Записки о первых шагах советского военного строительства. С. 66.

⁵ См.: Там же. С. 67.

⁶ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5: Октябрь 1917—июль 1918 г. М., 1974. С. 152.

⁷ См.: **Мясников А. Ф.** Мои встречи с товарищем Лениным // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 149—155.

⁸ Соответствует данным Биохроники. См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 315.

⁹ **Мясников А. Ф.** Мои встречи с товарищем Лениным. С. 150.

¹⁰ См.: **Кедров М. С.** Из красной тетради об Ильиче: Вождь Красной Армии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 80—93.

¹¹ Содержание анкеты известно из воспоминаний участника совещания Д. С. Витебского (см.: **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 35. С. 179—180, 472).

¹² **Кедров М. С.** Из красной тетради об Ильиче: Вождь Красной Армии. С. 83.

¹³ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 5. С. 138—139.

¹⁴ См.: **Аралов С. И.** Ленин и организация Красной Армии // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 2. С. 266—270.

¹⁵ **Аралов С. И.** Ленин и организация Красной Армии. С. 268.

¹⁶ **Данишевский К. Х.** Встречи с Лениным в годы гражданской войны // **Данишевский К. Х., Каменев С. С.** Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 18.

¹⁷ См.: **Аралов С. И.** Ленин и организация Красной Армии. С. 268—269; **Гиршфельд А. В.** Великий и простой человек // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1957. Т. 2. С. 272.

¹⁸ **Аралов С. И.** Ленин и организация Красной Армии. С. 269.

¹⁹ Там же.

²⁰ См.: Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника. Т. 6: Июль 1918—март 1919 г. М., 1975. С. 12, 13.

²¹ **Парамонов А. И.** Подвиг рабочего класса Урала // В боях и походах. Свердловск, 1959. С. 176.

²² См.: **Кадомцев Э. С.** О боевых организациях народного вооружения Южного Урала в 1917—1918 гг. // На Южном Урале. М., 1958. С. 21; **Парамонов А. И.** К истории борьбы уральских рабочих против белочехов и белогвардейцев // Там же. С. 303—304; **Соколов Г. Е., Соколов А. Е.** Пятая Уральская // Там же. С. 287.

²³ См.: **Анучин С. А.** На первом этапе // В боях и походах. С. 170—174.

²⁴ ЦГАСА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—21.

²⁵ См.: **Анучин С. А.** На первом этапе. С. 173—174.

²⁶ См.: **Берзин Р. И.** Строительство Красной Армии на Урале // В боях и походах. С. 163.

²⁷ См.: Там же.

- ²⁸ ЦГАСА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 15. Л. 5.
- ²⁹ См.: Там же.
- ³⁰ Берзин Р. И. Строительство Красной Армии на Урале. С. 166.
- ³¹ См.: Кляцкин С. М. На защите революции: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской Республике. М., 1965. С. 25.
- ³² Берзин Р. И. Строительство Красной Армии на Урале. С. 159.
- ³³ См.: Там же. С. 164.
- ³⁴ См.: Машкевич В. Г. Рождение армии // Разгром Колчака. М., 1969. С. 25.
- ³⁵ См.: Авдеев А. Д. Из истории борьбы за Советы // Пролет. революция. 1930. № 9. С. 109; Бузунов В. Е. Жизнь в борьбе // В боях и походах. С. 396.
- ³⁶ См.: Медведев А. И. От отрядов Красной гвардии — к полкам Красной Армии // Округ (Свердловск). 1928. № 8. С. 8—13.
- ³⁷ См.: Пичугов С. Г. Из первых дней борьбы // Округ. 1928. № 8. С. 14—22.
- ³⁸ См.: Григорьев И. Ф. По тылам вражеского фронта // Страницы героического прошлого. Челябинск, 1958. С. 147—151.
- ³⁹ См.: Коняев Г. С. На всю жизнь // В боях и походах. С. 311—314.
- ⁴⁰ См.: Баженов Н. А., Дудин Л. А., Мясников А. Л., Полуяхтов А. А. Под знаменем ВЦИК. М., 1963; Бажов П. П. Бойцы первого призыва. Свердловск, 1934; Голиков Ф. И. Красные орлы. М., 1959; Плеханов М. М. Красные орлы // В борьбе за власть Советов. Свердловск, 1957. С. 198—202.
- ⁴¹ См.: Бажов П. П. Бойцы первого призыва. С. 89, 149—155.
- ⁴² См.: Голиков Ф. И. Красные орлы.
- ⁴³ См.: Баженов Н. А., Дудин Л. А., Мясников А. Д., Полуяхтов А. А. Под знаменем ВЦИК.
- ⁴⁴ См.: Григорьев И. Ф. По тылам противника // Страницы героического прошлого. С. 147—152; Грязных А. Н. Заметки из жизни 4-го Уральского стрелкового полка // В боях и походах. С. 233—246; Дубасов А. Ф. От Глазова до Ишима // Там же. С. 224—232; Дубасов А. Ф., Вырышев И. П., Попов Н. О., Стариков П. Г. Четвертый Уральский. Свердловск, 1967.
- ⁴⁵ См.: Дубасов А. Ф. От Глазова до Ишима. С. 226—227.
- ⁴⁶ Арх. СГОИРМ. 1927. № 17; 1957. № 246, 247, 249; Васильев М. В. Из жизни 29-й дивизии // В боях и походах. С. 274—280; Ошивалов Н. С. Первый Камышловский // В борьбе за власть Советов. С. 187—197.
- ⁴⁷ См.: Пичугов С. Г. Незведанными путями. М., 1958.
- ⁴⁸ См.: Бажов П. П. Бойцы первого призыва. С. 111.
- ⁴⁹ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 23. Л. 20.
- ⁵⁰ См.: Кин Т. Г., Сафронов Г. П., Феофанов П. Г. Первый Рабоче-Крестьянский. Свердловск, 1978.
- ⁵¹ См.: Феофанов П. Г. Рабоче-Крестьянский краснознаменный // В боях и походах. С. 253—256.
- ⁵² См.: Онуфриев А. И. Мои воспоминания. Екатеринбург, 1922.
- ⁵³ См.: Коняев Г. С. На всю жизнь // В боях и походах. С. 311—314.
- ⁵⁴ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 1. Д. 23. Л. 18—19.
- ⁵⁵ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 213.
- ⁵⁶ См.: Воробьев Ф. К. О формировании вооруженных сил революции в Предуралье // На Южном Урале. М., 1958. С. 299—302; Соколов Г. Е., Соколов Е. А. Пятая Уральская // Там же. С. 285—292; Сюткин П. Г. Из воспоминаний комиссара полка // Там же. С. 277—281.
- ⁵⁷ См.: Воробьев Ф. К. О формировании вооруженных сил революции в Предуралье. С. 301; Соколов Г. Е., Соколов Е. А. Пятая Уральская. С. 288; Сюткин П. Г. Из воспоминаний комиссара полка. С. 277.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОММУНИСТОВ СРЕДНЕГО УРАЛА ПО ВОВЛЕЧЕНИЮ ТРУДЯЩИХСЯ В ВООРУЖЕННУЮ БОРЬБУ С ИНТЕРВЕНТАМИ И БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ В ИХ ТЫЛУ

Тема данной статьи затрагивалась в отдельных публикациях, посвященных истории гражданской войны на Урале¹. В основном же она получила отражение в ряде работ автора². Специальной работы по данной теме пока не создано.

Средний Урал летом и осенью 1918 г. был ареной ожесточенной вооруженной борьбы. Части Красной Армии и красновардейские отряды длительное время удерживали районы Среднего Урала, периодически переходя в контрнаступление. Однако осенью положение крайне обострилось. Белочешские и белогвардейские соединения вынудили части Красной Армии покинуть Средний Урал.

Из-за поспешного отступления на некоторых участках отдельные подразделения и отряды оказались во вражеском тылу и вынуждены были действовать там, переходя на партизанское положение.

На захваченной белогвардейцами территории уже в тот период возникают первые очаги партизанского движения. В дальнейшем, весной и летом 1919 г., их количество растет, а их боевые действия явились существенным вкладом в победу над колчаковщиной.

Изученные нами документы и материалы свидетельствуют, что у истоков формирования партизанских отрядов и руководства их боевыми действиями стояли партийные организации, коммунисты. Большой вклад в это внесли Сибирское (Урало-Сибирское) бюро ЦК РКП(б) и его отделение.

Одним из первых и значительных районов партизанского движения после отступления частей Красной Армии с территории Среднего Урала явился район Кытлыма, Николае-Павдинска, Растеса, Верх-Косьвы, находящийся по обе стороны горного хребта или непосредственно на нем (ныне на стыке Пермской и Свердловской областей). Здесь остро и сравнительно длительное время шла борьба между красновардейцами, партизанами, с одной стороны, и колчаковцами, с другой.

Примечательным было и то, что в то время в этом районе не было сплошной линии фронта. Он некоторое время стоял как бы в стороне от направлений основных ударов сражающихся сторон. Во многих населенных пунктах, в сущности оказавшихся в ней-

тральной, «ничейной» полосе, антисоветские элементы развернули активную деятельность. Они агитировали против Советской власти, разваливали производство, покушались на жизнь коммунистов и советских активистов. Поэтому здесь сохранившимися или восстановленными партийными, советскими, местными военными органами, коммунистами, вынужденными кое-где перейти на полуполигальное положение, трудящимся населением широко применялись партизанские методы организации вооруженных сил и руководства их действиями.

В числе коммунистов, сыгравших видную роль в боевых действиях, были член партии с 1917 г., заместитель председателя исполкома Уральского областного Совета Б. В. Дидковский³, член партии с 1909 г. В. А. Сильных, член партии с 1915 г. Ф. И. Шляхтин, коммунисты С. А. Павлов, А. В. Ощепков, П. С. Соловьев, только что вступивший в партию К. И. Захаров. Особенно значительной была роль Б. В. Дидковского и В. А. Сильных. Борис Владимирович Дидковский знал район, о котором идет речь, хорошо, ибо там в 1913—1917 гг. работал геологом. Он вспоминал: «В начале октября 1918 года, окончив командировку (по проверке положения у Верхотурья) от Уральского областного комитета партии и Реввоенсовета 3-й армии, я по собственной инициативе, разобравшись в местном положении, остался в Нижнетуринском районе и по договоренности с руководством 2-й бригады (дивизии Васильева-Мрачковского)⁴ собрал отряд в 70 человек для занятия поселка Старой Ляли, к северу от железнодорожной станции Выя. Старую Лялю мы заняли, причем по дороге наш поезд сошел с рельсов усилиями белых разведчиков (т. е. в результате диверсии белогвардейцев. — И. П.). На следующий день вели бой (неудачный) за дер. Мелехину, где я вел левую колонну. Затем с 12 добровольцами мы, отогнав сторожевую заставу белых, проникли в Павду с тремя возами оружия и патронов.

В Павде и Кытлыме я восстановил Советскую власть и работу кытлымских драг, организовал там военные отряды, и мы удерживали еще около 3 недель Кытлым-Павдинский район, оставаясь единственным советским участком на восточном склоне Урала, когда белые занимали уже Надеждинск и Богословск, на севере от нас, Кушву и Чусовую, на юге. Кытлымяне и павдинцы выполнили с честью задание любой ценой закрыть белым дорогу через северные переходы Урала в Кизеловские угольные копи»⁵. Вместе с Б. В. Дидковским разделили тяготы фронтовой жизни его жена Е. А. Дидковская и сын.

Из их воспоминаний (Дидковский Б. В. Заявление в бюро Красных партизан), можно выяснить время прибытия автора в Николае-Павду (примерно середина октября 1918 г.) и создавшееся в районе положение, которое было крайне сложным. Прав-

да, с прибытием группы Б. В. Дидковского оно выравнивается. Коммунисты, советские работники сплотились вокруг него. Упрочились и активизировались советские и хозяйственные органы.

Много и плодотворно работали председатель Николае-Павдинского волисполкома В. А. Ощепков и военком волости Ф. И. Шляхтин (прибыл в составе группы Дидковского). Возобновилась работа на платиновых приисках⁶. Б. В. Дидковский, Ф. И. Шляхтин поддерживают связи с руководством, в частности, военным комиссаром Кизеловского уезда, командованием Красной Армии. Позднее, 26 ноября, из Кытлыма Дидковский писал руководителям Кизеловского Совета: «Месяц с лишним назад при известиях о взятии Верхотурья я указал в Перми на возникшую для Кизела и Усолья опасность со стороны Павды, где не было никакого отряда. Я был командирован в этот район, где уже отчасти эвакуировались Советы. Общей работой удалось все наладить в течение месяца»⁷.

На протяжении всего этого времени в организационно-политической и военной работе участвовал Вячеслав Александрович Сильных. Он также обладал большим опытом партийной и военной работы. В прошлом был военным моряком, в 1917—1918 гг. — одним из руководителей борьбы за установление и упорочение Советской власти в Туринских рудниках (ныне Краснотурьинск). Участвовал в формировании красnogвардейского отряда, в боях с белогвардейцами. В Павду был направлен штабом 3-й армии⁸. Г. В. Ощепков отмечал, что «у Бориса Владимировича с самого начала и до передачи отрядов в полк был заместитель тов. Сильных Виктор (мемуарист имя Сильных дает неточно. — И. П.)»⁹.

Общими усилиями местных работников, Б. В. Дидковского и В. А. Сильных было положено начало формированию Павдинского отряда. Его ядро составили местные коммунисты и бойцы, прибывшие из-под Старой Ляли. Формирование и укрепление Павдинского отряда ускорилось после прибытия отряда С. А. Павлова, пробивавшегося по территории, занятой белогвардейцами.

К защите района Николае-Павдинск—Кытлым имели прямое отношение подпольщики, красnogвардейцы и партизаны Алапаевска и его района. В Алапаевске, Верхней Алапаихе, Нижней Синячихе, Верхней Синячихе, других заводских поселках и селах Уралобкомом РКП(б) (при прямом участии его членов Н. Г. Толмачева, А. А. Кузьмина) руководителями местных партийных организаций для подпольной работы в сентябре 1918 г. были оставлены группы коммунистов и несколько групп, перешедших на партизанское положение. Последние были хорошо вооружены, помимо винтовок, револьверов имели несколько пулеметов, боеприпасы. Для них были оставлены склады оружия и боеприпасов.

Партийные органы при определении заданий подпольщикам и

законспирированным партизанским группам исходили из предположения, что успехи белогвардейцев кратковременны, и уже через несколько месяцев части Красной Армии вернутся на Средний Урал. К этому времени коммунисты, партизанские группы развернутся в крупные отряды, вооружив добровольцев из числа трудящихся, организуют восстание, нанесут сильный удар по отступающему противнику и окажут существенную помощь Красной Армии.

Ведущая роль в этих планах отводилась группе алапаевцев во главе со старым коммунистом, одним из руководителей Алапаевского Совета Е. А. Соловьевым. Она состояла примерно из 20 человек, размещалась на Боровском болоте, примерно в 18 км от города. Другая группа — до 24 коммунистов Нижней Синячихи — во главе с В. Д. Харловым обосновалась в 3 км от Ясашной, близ Тагильского тракта. Между группами поддерживались тесные связи¹⁰. В Кукайском ельнике была оставлена группа левых эсеров во главе с И. Г. Глухих, Ф. Г. Кабаковым, П. Ф. Останиным, в эту группу входили и отдельные коммунисты¹¹.

Близ Алапаевска осталась группа анархистов, которая еще во фронтовой обстановке вела себя недостойно, проявляла поползновения к измене Советской власти. Предательские действия анархистов стали одной из причин настойчивых поисков белогвардейцами близ Алапаевска и внутри него подпольщиков-коммунистов и левых эсеров. В итоге при разных обстоятельствах все три партизанские группы были раскрыты, в подавляющей части их бойцы погибли. Лишь некоторым удалось скрыться и принять участие в нелегальной работе в Алапаевске и других местах.

Несколько коммунистов-нижнесинячихинцев, включая П. С. Соловьева, пробились в район Верхотурья, настигли отходивший с боями Алапаевский отряд С. А. Павлова. Группа влилась в отряд земляков. В районе Верхотурья из-за прорыва белогвардейцев отряд оказался отрезанным от своих войск. Павлов предложил пробираться к линии фронта небольшой группой и поодиночке. Часть бойцов решила вернуться в район Верхней и Нижней Синячихи и включиться там в партизанскую борьбу. 7 человек во главе с С. А. Павловым двинулись на Павду, испытывая страшные лишения и нехватку продуктов питания. В это время, простудившись, тяжело заболел Павлов.

В Павду группа пробилась вскоре после прибытия туда Б. В. Дидковского. С. А. Павлова спасти не удалось, он скончался. Остальные включились в работу по формированию отряда¹².

Павдинский отряд к середине ноября состоял из 45 человек. Его командиром был назначен нижнесинячихинец П. С. Соловьев, а начальником штаба — К. И. Захаров, бывший унтер-офицер старой армии. В ходе формирования отряд вступил в борьбу с бе-

логвардейцами, наступающие силы которых составляли 150—200 человек при нескольких пулеметах. Под давлением превосходящих сил противника павдинцы, проведя организованно эвакуацию, 14 ноября вынуждены были отступить по Соликамской дороге, чтобы, как отмечал Дидковский, «не оголять Кизел»¹³.

Б. В. Дидковский, оставив заместителем В. А. Сильных, направился в Кытлым, с тем чтобы создать там более крупный отряд. В Кытлыме Совет, который возглавлял А. О. Кузнецов, к тому времени имел отряд лишь из 26 человек. Им командовал Спиридонов.

Перед отъездом Дидковский договорился с Сильных и Соловьевым, что отряды встретятся в районе сел Кырья-Растес. Этим населенным пунктам придавалось большое значение, так как, укрепившись здесь, можно было успешно прикрывать от белогвардейцев Кизел и развернуть контрнаступление на Павду. Но встретиться в Кырье или Растесе отрядам не удалось. В силу чрезвычайных обстоятельств они вынуждены были некоторое время действовать отдельно. Отряд Сильных — Соловьева из Кырьи отошел в Растес и закрепился в нем.

Между отрядами почти все время поддерживалась телефонная и «живая» связь (через связных)¹⁴. Как отмечал К. И. Захаров: «Установил телефонную связь с Кытлымом, договорившись с руководителем последнего тов. Дидковским; последний дал распоряжение с 21 ноября, в ночь на 22-е перейти на обоих участках отрядов в наступление с установкой, что Кытлым наступает на Павду и перерезает путь отступления белым, а из Растеса — на Кырию, а потом и на Павду»¹⁵.

П. С. Соловьев с частью отряда из 35 бойцов предпринял наступление на Кырию, но в 4 верстах от нее столкнулся со встречным наступлением противника. Действуя смело, партизаны потеснили врага, но когда у бойцов из скудного запаса патронов осталось по обойме и меньше, вынуждены были отойти на исходные позиции. Безуспешными были попытки наступления и Кытлымского отряда¹⁶.

Организационно-политическая и военная работа коммунистов среди рабочих и трудящихся крестьян давала свои результаты. Численность отрядов росла. На 24—26 ноября каждый из них насчитывал примерно по 100 бойцов-добровольцев (Павдинский отряд пополнялся в основном за счет добровольцев-растесцев). Они продолжали оборонительные бои. На первых порах в наиболее тяжелом положении оказался отряд П. С. Соловьева, общее руководство действиями которого, как и вербовкой добровольцев, осуществлял В. А. Сильных. Сил для успешного контрнаступления у отряда все же не хватило. Он с трудом сдерживал натиск превосходящих сил противника.

Советское командование, партийные и советские руководители в Кизеле понимали, что положение на дальних подступах к городу весьма опасное. Но незамедлительной значительной помощи Б. В. Дидковскому и В. А. Сильных оказать не могли. Тем не менее кое-какие меры они предприняли уже в те дни. В докладе от 2 декабря 1918 г. руководители Кизела сообщали начальнику 29-й дивизии, что «20 ноября с отрядом в 20 человек конных разведчиков» кизеловский военный комиссар Евлогиев выступил в Растес. Через четыре дня Евлогиев прибыл в Растес¹⁷. Он провел здесь совещание, по окончании которого в Кизел была послана телеграмма за подписями Евлогиева, а также местных военных руководителей — военрука Удникова и военкомов Николае-Павдинской и Растесской волостей Ф. И. Шляхтина и В. М. Жильцова. В ней указывалось расположение сил противника, двигавшегося на Растес двумя дорогами — через Кырю и Кытлым (силы в Растесе достигали 100 человек, из которых хорошо вооруженных было лишь около 30, остальные имели берданки, охотничьи ружья; патронов на каждого было лишь по 17 шт.), а также сообщалось о сложившемся в отряде положении. «Обменявшись мнениями, — говорилось далее в телеграмме, — постановили обратиться с просьбой в Кизеловский Совет, партию (имеется в виду комитет РКП(б). — И. П.) и военный комиссариат ввиду угрожающей опасности Кизеловскому округу дать помощь приблизительно 300 пехоты, команду пулеметчиков с двумя пулеметами: «максима» и «люйенса» со своим обозом и продовольствием, так как здесь ничего нет. Затем обращаемся с просьбой дать оружие. Несмотря на неоднократные просьбы, требования от Соликамского и Усольского уездных комиссариатов по военным делам на отпуск оружия, обмундирования, а также сил, до сего времени никаких мер военкомом не принято. При этом добавляю, что фронтом Кытлым и общим руководит тов. Дидковский — член областного исполкома, а Кыринским — тов. Сильных — работник высшего военного совета III армии. Общее направление Кырьи и Кытлым по доставке и отправлению необходимого — военком Шляхтин»¹⁸.

Как видим, и численность отряда, и его вооруженность были крайне недостаточными. Отряд, как уже говорилось, состоял из 100 бойцов, очевидно, в это число включены и 20 конных разведчиков, которые прибыли с Евлогиевым и были оставлены в Растесе. Остается только восхищаться стойкостью партизан, сдерживавших более значительные, хорошо вооруженные силы врага малым числом.

В эти дни вопрос о подкреплении ставил и Б. В. Дидковский, с которым Евлогиев вел переговоры (по некоторым данным, даже ездил для встречи с ним в Кытлым). 26 ноября Дидковский отправил письмо в Кизеловский Совет, в котором сообщал, что сил,

которыми он располагает, достаточно для защиты перевалов через Урал, но для того, чтобы освободить Павду, а затем Богословск и Караул, надо еще 200—300 боеспособных красногвардейских стреляющих пулеметами. Таким образом, Дидковский недооценивал серьезности положения отрядов. Он считал, что для разгрома противника и выхода на Северный Урал необходимо подкрепление — всего лишь 200—300 бойцов. Однако противник также наращивал свои силы: вслед за ротами одного батальона вводит в бой другой батальон 18-го Тобольского полка¹⁹.

В те дни советское командование не имело точных данных о действительном положении отрядов Б. В. Дидковского, их численности, вооружении. 22 ноября начальник 29-й дивизии М. В. Васильев в одном из приказов отмечал, будто «под командой Дидковского» «действует батальон коммунистов»²⁰. Эти сведения не соответствовали действительности.

Б. В. Дидковский уже через неделю, 30 ноября, получив новые данные о силах противника, посылает в Кизел телеграмму (копию ее — М. В. Васильеву): «Противник ведет наступление от Павды на Кырью. Наши силы недостаточны задержать его. Требую определенно немедленной доставки двух рот в полном вооружении, также 4 пулемета, винтовок и прочего вооружения на 50 человек... Здесь положение очень серьезное, и мы потеряем сразу выгодные позиции в горах, которые будет трудно снова занять»²¹.

Наиболее оперативно действовали кизеловские руководители, Евлогиев. 2 декабря Евлогиев докладывал начдиву 29-й, что на следующий день выступает на помощь отряду в Растесе с Кизеловской ротой численностью до 160 человек²². Рота через неделю прибыла на фронт, но уже в район Верхней Косьвы.

Отступление из Растеса Павдинского отряда было практически неизбежным. Отряд держался здесь вплоть до 4 декабря, дрался отчаянно. Надеясь на скорое прибытие кытлымцев, защищал выход дороги из Кытлыма на Соликамский тракт. Против партизан белогвардейцы бросили пехоту, отряд лыжников, пулеметы, обошли Растес с трех сторон и открыли ураганный огонь. Спасти отряд от гибели мог только организованный выход из полуокружения, отход в район Верхней Косьвы для того, чтобы выиграть какое-то время, занять более выгодные позиции и, возможно, получить помощь со стороны Кытлыма или Кизела и Соликамска. Поскольку позиция у Косьвы оказалась невыгодной, пришлось занять оборону западнее, у хутора Чехман.

Через несколько дней завязывается новое сражение. В эти дни прибывает на помощь отряд конников в 25 бойцов из Кизела и отряд из Соликамска до 150 человек со штабом²³. Отбив атаку противника, отряды 11 декабря предприняли попытку занять Верх-

Косьву, но эта попытка оказалась безрезультатной. «Не отступая от намеченного плана, — писал К. И. Захаров, — т. Сильных дает вторичное распоряжение назавтра же взять Косьву и берет непосредственное руководство наступлением». На другой день колчаковцы первыми начали наступление, не имея данных о поступлении к красным подкреплений, боеприпасов, пулеметов. «Мы, — пишет Захаров, — распределив роли с Сильных, — он встал на правый фланг, а я на левый, — открыли по ним пулеметный и усиленный ружейный огонь и одновременно перешли в атаку на «ура» под прикрытием пулеметного огня с утеса. К этому времени подошел еще отряд под командованием тов. Дудырева (имеется в виду Кизеловская рота и ее командир А. П. Дударев. — И. П.) по реке Косьве, наступая также на село Косьву. Нам легко удалось выгнать беляков из села Косьвы»²⁴.

Таким образом, к 12 декабря численность красногвардейцев в Верх-Косьве превысила 400 человек. Положение их оставалось тяжелым, но уже перестало быть критическим. Верх-Косьву, путь на Кизел и Соликамск отряды удерживали более недели²⁵.

Яростная борьба за возвращение Косьвы, которая была начата еще силами отряда П. С. Соловьева, как мы видели, малочисленного и крайне плохо вооруженного, продолженная и успешно завершившаяся при подходе подкреплений, была вызвана необходимостью вернуть участок выхода на Соликамский тракт дороги из Кытлыма, обеспечить безопасный выход оттуда отряда Б. В. Дидковского. О том, что Кытлымский отряд идет на соединение, вот-вот прибудет, стало известно сразу же после отхода из Растеса и Косьвы, в районе Чехмана, куда пробились 2 конных кытлымца. «Узнав от них, — вспоминал К. И. Захаров, — что Дидковский со своим Кытлымским отрядом пробирается через хребет Косьвинского Камня по направлению на село Косьву, мы тотчас же послали сообщение нашему делегату Сильных, с тем чтоб скорей добивался подкрепления и патронов из Усолья»²⁶.

Судьба Кытлымского отряда, руководимого Б. В. Дидковским, казалась бы, складывалась благополучно. Как отмечалось, небольшой отряд в 26 человек быстро был развернут в отряд из 100 человек. В поселке был даже создан резерв отряда²⁷. Когда выдвинувшийся к Кытлыму отряд белых в 40 человек попытался с ходу захватить поселок, то ему был дан отпор. Окончилась провалом и последовавшая затем ночная атака. Колчаковский отряд с потерями отошел.

После эвакуации поселка, которая благополучно завершилась в начале декабря, начался отход отряда. В его организации, очевидно, не все продумали до конца, в частности взяли с собой крайне мало съестных припасов, не учтены были в полной мере и снежные заносы на лесных дорогах. Но главной причиной возник-

ших в пути необычайных трудностей явились сильные морозы. Стход продолжался неделю. Были съедены продукты, кони, которые оказались не в состоянии двигаться из-за глубокого снега. Приходилось преодолевать равнины, горы, незамерзающую Косью, питаться рябиной. Попытка компенсировать отсутствие настоящих лыж изготовлением самодельных из сырых стволов деревьев не могла выправить положения. Часть бойцов замерзла. Тяжкое положение бойцов отряда выявило и их недостаточную организованность, стойкость. Группами они направились обратно. Одна из групп в 12 человек отделилась от отряда, вышла в Верх-Косью, где уже находились колчаковцы. Бойцы, измученные переходом, не смогли оказать врагу сопротивления и попали в плен.

Наконец, полтора десятка человек во главе с Б. В. Дидковским вышли в распоряжение своих отрядов западнее Верх-Косью. «Из четырнадцати вышедших товарищей, — вспоминал К. И. Захаров, — большинство поморозили все конечности тела и представляли из себя полуживых людей, но, несмотря на это, на 2-й и 3-й день снова получили боевые задания влиться в ряды ведущих бои отрядов»²⁸.

Общее непосредственное руководство отрядами в районе Косью перешло к Б. В. Дидковскому, мужественно перенесшему тяготы перехода, быстро оправившемуся после него. Колчаковцы продолжали теснить части 3-й армии на запад, рвались к Перми. В эти дни был оставлен Кизел, поэтому значение участка, оборонявшегося отрядами Б. В. Дидковского, потеряло прежнее значение. Эти и другие отряды Усолье-Чердынского района оказались под угрозой окружения. Возникла необходимость отвода их на запад, на соединение с 3-й армией.

Новый этап боевых действий отрядов был не менее сложным и тяжелым, чем предшествующий. Он явился свидетельством мужества и героизма бойцов и командиров, стойкости гражданского населения, в значительной части эвакуировавшегося из занимаемых врагом районов вместе с отрядами. Действия отрядов, сдерживавших натиск врага, позволили организованно и своевременно эвакуировать Усолье, Соликамск, Чердынь и другие населенные пункты.

В январе 1919 г. в с. Кочеве Павдинский, Кизеловский, Соликамский и незадолго до того присоединившийся к ним Губахинский отряды были переформированы в роты, составившие Верхнекамский батальон. Он насчитывал до 800 человек. Комбатом стал С. Г. Пичугов, комиссаром — Б. В. Дидковский. В конце января в с. Юм батальон был переформирован в полк, получивший наименование 23-го Верхнекамского стрелкового полка. Полк, входивший сначала в 29-ю стрелковую дивизию, а затем в Особую бригаду 3-й армии, прошел славный боевой путь. В этом есть за-

слуга коммунистов, советских и военных работников, о деятельности которых в районах Алапаевска, Павды и Кытлыма по формированию красногвардейских, партизанских отрядов мы рассказали.

Работа коммунистов-подпольщиков Среднего Урала по вовлечению рабочих, трудящихся крестьян, мобилизованных, распропагандированных солдат, дезертиров и скрывавшихся от мобилизации в колчаковскую армию продолжалась в последующие месяцы. Но до конца весны и лета 1919 г. она не давала больших результатов. К указанному времени положение коренным образом изменилось. Завершился переход на сторону Советской власти середняцких масс крестьянства. Активней стали проявлять себя в революционной борьбе рабочие и крестьянская беднота. Под ударами Красной Армии ускорились такие процессы, как разложение колчаковских войск, большевизация значительной части солдат. Масовым стало их дезертирство, переход на сторону Красной Армии. Нарастало организованное и стихийное революционное движение масс.

Часть вооруженных восстаний рабочих, крестьян, солдат автор настоящей статьи уже рассматривал, характеризовал и действия некоторых партизанских отрядов. Но целый ряд очагов повстанческо-партизанского движения освещения до сих пор не получил. Это движение нарастало по мере приближения к тому или иному району Среднего Урала фронта, частей Красной Армии. Особенно данный процесс был характерным для вооруженных восстаний рабочих, которые являлись одной из его основных движущих сил. У истоков повстанческо-партизанского движения в большинстве случаев стояли большевистские подпольные организации и группы или отдельные коммунисты, сочувствовавшие партии активисты, — сначала в западных, затем в центральных, наконец, в восточных районах Среднеуральского региона.

Вооруженная борьба с колчаковцами развертывалась в районе Екатеринбурга — севернее, западнее и южнее его.

В районах Березовского, Василье-Шайтанки—Билимбая летом 1918 г. в тылу врага оказалось немало коммунистов, советских активистов, не успевших эвакуироваться или прибывших позднее, после побега из лагерей и тюрем. Так, в Березовском и близ него в их числе были Ф. А. Топорков, И. М. Воротников. Топорков вспоминал, что в районе постепенно «оживало» большевистское подполье, развертывалась партизанская борьба. Партизанам, подпольщикам оказывали помощь рабочие семьи, чаще — женщины. Так, М. Леонтьева доставляла хлеб в лес на Пышминском тракте в условленное место. Однажды, когда она уже выходила из леса, ее схватили, пытали и бросили в Екатеринбургскую тюрьму. Подпольщики Березовского организовали освобождение арестованных членов Пышминского Совета. Белогвардейцы заподозрили в орга-

низации этой операции И. М. Воротникова, уже подвергавшегося аресту, вновь схватили и замучили его.

К концу весны — началу лета 1919 г. партизаны-рабочие действовали все более решительно и смело. Они сожгли бревна, заготовленные Закаменных, сотрудничавшим с белогвардейцами, сломали лесопилку Коньшина, лес и пиломатериалы которого шли на выполнение заказов колчаковцев. Совершались нападения на группы солдат и офицеров.

В дни отступления войск Колчака в середине июля 1919 г. все решительнее и смелее включаются в борьбу с врагом березовчане — рабочие, члены их семей. Важным делом была борьба за срыв объявленной и проводившейся мобилизации. Местные мобилизованные и подлежащие мобилизации рабочие, многие солдаты отступающих частей с помощью жителей Березовского стали скрываться в подвалах, погребах, подполье, сараях, окрестных лесах. Таких оказалось более сотни²⁹.

Имеются данные, определенно свидетельствующие о существовании и активных действиях большевистского подполья в Васильево-Шайтанском заводе (район современного Первоуральска). Группа коммунистов, политически сознательных рабочих развернула нелегальную работу практически в первые дни существования власти белогвардейцев. Как вспоминал А. Цыбин, группа вела агитацию среди части рабочих, а также крестьян, которые проявляли колебания, политическую незрелость, испытывали влияние буржуазии и кулачества. Политические настроения трудящихся все определеннее и решительнее становились советскими³⁰. В Шайтанке с января 1919 г. нелегальную работу вел член партии с 1917 г. М. И. Сакович, бывший член горисполкома Исиль-Куля (Западная Сибирь), красногвардеец, бежавший из концентрационного лагеря и работавший вплоть до декабря 1918 г. в Омской подпольной партийной организации. По поручению подпольщиков он под фамилией Крупко устроился на работу в качестве помощника начальника милиции. Это отвлекало внимание властей от него (разыскивался как участник вооруженного восстания в Омске в ночь на 22 декабря 1918 г.) и открывало перед подпольщиками Шайтанки большие возможности. Сакович выдавал коммунистам, рабочим, преследовавшимся колчаковцами, различные документы, с которыми те скрывались, оказывал организации другую помощь³¹. Действовали подпольщики также на Новоуткинском, Билимбаевском заводах, ст. Кузино, д. Починок³².

Отдельные подпольные группы добились конкретных результатов в организации партизанского движения. Некоторые из них пытались координировать работу с невяньскими подпольщиками. Подпольщик д. Починок (близ Шайтанки) бывший красноармеец И. В. Векшегонов осенью 1918 г. установил связь с невяньскими

коммунистами, в частности Ф. Кузнецовым. Была достигнута договоренность о том, чтобы в дальнейшем создать партизанский отряд, с которым уйти в лес к Березовскому и соединиться с другими отрядами.

Отряд был создан. В него вошли 33 человека, и командиром был И. М. Мальцев. На вооружении отряда имелось несколько револьверов и 9 винтовок. Этого было мало. Узнав, что в Починок прибыл белогвардейский отряд из 20 человек для прессования сена, партизаны разгромили и разоружили его. Но офицеру удалось бежать в Екатеринбург, откуда уже утром следующего дня на рассвете прибыл карательный отряд в 120 человек. Партизаны были окружены, захвачены в плен и отправлены в екатеринбургскую тюрьму, где их подвергли пыткам и избиениям. В июле 1919 г. их в составе большого этапа отправили в Сибирь³³.

В районе Кузино—Кауровки к лету 1919 г. группой подпольщиков под руководством Ф. К. Дубинкина был сформирован партизанский отряд в 72 человека. Кроме Ф. К. Дубинкина, в нем были Д. К. Дубинкин, Г. А. Важин, П. П. Векшин, М. П. Векшин и др. Отряд действовал успешно. Он захватывал вражеские траншеи, обстреливал врага, сеял в его рядах панику. Наибольшей заслугой было участие совместно с 250-м стрелковым полком 28-й дивизии В. М. Азина в бою в районе железной дороги близ Новоуткинского и Билимбаевского заводов. В итоге был перерезан путь отступления врагу к Екатеринбургу и захвачено 16 эшелонов с боеприпасами, обмундированием, продовольствием, пленными. За этот и другие подвиги полк был награжден орденом Красного Знамени. Бойцам партизанского отряда была выражена благодарность командования. Отряд вошел в состав 28-й дивизии³⁴.

Крупным очагом партизанского движения явился район Сысерти. В данном случае явственно просматривается в развертывании вооруженной борьбы роль не только местного подполья, но и Екатеринбургской организации и даже отделения Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б).

В Сысерти летом 1918 г. была оставлена группа коммунистов³⁵. Основной ее задачей была подготовка рабочих, крестьян к восстанию, причем выступить в благоприятный момент необходимо было одновременно с екатеринбуржцами. Примечательно, что сысертским коммунистам, как и екатеринбургским и некоторым другим, Уральский обком РКП(б) поручил организовать ряд складов оружия и боеприпасов на случай вооруженного восстания и развертывания партизанского движения. Как вспоминал рабочий-красногвардеец В. И. Печерский, он был вызван в обком вместе с екатеринбуржцем В. П. Мельниковым. Им было дано одинаковое задание: создать склады оружия и хранить их до особого распоряжения.

Выбор В. И. Печерского для этой цели был не случаен. Весной 1918 г. он выполнил аналогичное поручение: был послан в Екатеринбург за оружием для Сысертского отряда, принял участие в организации склада под Екатеринбургом и создал два склада близ Сысерти (у кварцевого прииска на Черновской горе, в шахте, и на руднике по Черновской дороге). На складах хранилось 300 винтовок, 8 пулеметов, 6 ящиков с гранатами и другие боеприпасы. Колчаковцы усиленно разыскивали оружие, и уже в 1918 г. обнаружили около 40 винтовок, 2 пулемета. Большая же часть оружия в тайниках сохранилась³⁶.

В апреле 1919 г. в Сысерти и в Екатеринбурге побывал представитель отделения Урало-Сибирского бюро ЦК партии, размещавшегося в то время в Вятке, привез письмо, справился насчет сохранности оружия и дал подпольщикам поручения.

В силу массовых провалов весной и летом 1919 г. в подполье в ряде уральских городов восстания в Екатеринбурге и Сысерти провести не удалось. Сохранившееся оружие из складов не извлекалось. По прибытии в июле 1919 г. Красной Армии оно при помощи В. И. Печерского было извлечено из тайников, доставлено в освобожденный Екатеринбург и сдано в военный комиссариат³⁷. Не исключено, что именно об этом в августе 1919 г. колчаковской контрразведке оставленная ею агентура сообщала, что «под Екатеринбургом красные по указанию своих агентов извлекли больше 300 винтовок»³⁸.

Небольшие тайники с оружием были созданы в Сысертском заводе (поселке), в частности в доме коммуниста Ф. А. Филенкова под полом амбара (около трех возов винтовок). В доме за двойной стеной печи была запрятана революционная литература, обнаруженная лишь в 1975 г. при перекладке печи³⁹. Несмотря на неоднократные обыски, белогвардейцы ни литературы, ни оружия не обнаружили.

Работа сысертских подпольщиков была разнообразной. Большое внимание они уделяли агитации среди рабочих. Ее вели Ю. В. Антропова, М. В. Чуркин, В. И. Печерский, Ф. И. Потаскуев, П. Н. Талапов, В. В. Яковлев и другие коммунисты и беспартийные, по разным причинам оказавшиеся в тылу врага. (В частности, Потаскуев оказался в плену и бежал⁴⁰. Яковлев в составе группы А. И. Старкова был послан за линию фронта, но его арестовали, вскоре освободили, он скрывался в Челябинске, оттуда организацией был послан для связи на Сысертский завод⁴¹.) В поселке распространялись листовки.

Значительного размаха революционная работа достигла в селах близ Сысерти. Подпольная группа во главе с А. В. Мишариным в составе С. А., С. Е., К. Е. Пьянковых, Е. Е. Ладейщикова и других возникла в с. Верх-Боевка. Она вела большевистскую

пропаганду и фабриковала документы⁴². Летом 1919 г. основное внимание уделяла партизанскому движению.

В районе Сысерти действовали партизанские отряды и группы. Близ нее скрывались многие подпольщики, которым угрожал арест, рабочие, в основном молодежь, подлежащая мобилизации в колчаковскую армию, политически сознательные крестьяне, распропагандированные и дезертировавшие из частей солдаты. Об одном из отрядов пишет Н. И. Шарыкалов. Он возник в 12 верстах от Сысерти, состоял из 10 скрывавшихся от колчаковцев рабочих, среди которых, помимо Шарыкалова, был и С. Светлаков. Отряд разоружил около 30 колчаковцев, стал численно расти, действовать активней⁴³. Близ Новоипатова создается партизанский отряд, в котором к июлю 1919 г. насчитывалось 250 человек. Он состоял из крестьян и рабочих, бежавших из колчаковской армии, и возглавлялся бывшим председателем Новоипатовского волостного Совета И. Е. Суминым. Небольшой отряд был создан подпольщиками Верх-Боевки⁴⁴.

Следует указать на один весьма крупный очаг вооруженной борьбы с колчаковцами, располагавшийся севернее Екатеринбурга: Верхний Тагил, Невьянск, Реж. В небольших масштабах здесь борьба велась с осени 1918 г. Когда на Среднем Урале шли упорные бои между частями 3-й армии и белогвардейцами, часть красноармейцев в районе Невьянска оказалась в окружении. Как сообщал 24 октября комендант Невьянского района в Екатеринбург, в окрестных лесах красноармейцы собирались «в группы 30 и больше человек»⁴⁵. Управляющий Пермской губернией в феврале 1919 г. отмечал, что в ряде мест, в том числе в Невьянске, его районе, рабочие и крестьяне всячески саботировали распоряжения властей о создании белогвардейских органов власти — волостных земств, что «на развалинах прежнего волостного самоуправления образовались так называемые ... комитеты народной власти, сохраняющие лишь видимость самоуправления»⁴⁶.

Все это не могло не иметь в своей основе организованного, целенаправленного начала. Данные и другие аналогичные факты свидетельствуют о влиянии на поведение рабочих и трудящихся крестьян коммунистов и сочувствующих им беспартийных. Создается совершенно определенное впечатление, что в Невьянском заводе сложилась и действовала подпольная большевистская организация или группа, имевшая связи с екатеринбургскими и другими подпольщиками. Мы уже указывали на факт контактов невянских коммунистов с подпольщиками, в частности с организацией команды при Пермских артиллерийских складах. Эта крупная организация, связанная с городской, систематически организовывала дезертирство солдат, направляя многих из них с заданием развертывать нелегальную работу в различные города, поселки и

села, имела своих представителей (Красников, Пяткин) и в Невьянске, они вели агитацию и вовлекали рабочих в подпольную организацию⁴⁷.

В середине июля 1919 г., когда партизанское движение на Урале стало практически повсеместным, колчаковцы в переписке по военным инстанциям сообщали даже для того времени неординарные сведения: «Части Воткинской дивизии понесли большие потери во время восстания рабочих в Тагильском, Невьянском и Режевском заводах, особенно в первом. Разбежавшиеся солдаты-дезертиры часто бросали оружие, винтовки», в результате чего в дивизии осталось лишь 600—700 человек⁴⁸. Дело не только и не столько в том, что повстанцы «потрепали» целую дивизию, а в том, что она была одной из лучших у Колчака.

В воспоминаниях встречаются сведения, подтверждающие колчаковские данные о боевитости рабочих Невьянска, Режевского, а также Верх-Нейвинского и других заводов, о росте партизанского движения близ них. Имеется возможность несколько конкретизировать данные колчаковцев. Член партии с 1917 г. А. В. Евдокимов отмечал, что близ Верх-Нейвинского летом 1919 г. действовали партизаны, в том числе отряд, членом которого был он сам (являлся адъютантом). Отряд совершал нападения на вражеские части, на местный гарнизон, вносил в их ряды дезорганизацию⁴⁹.

Судя по колчаковским данным и отдельным воспоминаниям, Верх-Нейвинск был освобожден красноармейцами с помощью партизан и рабочих после прибытия Путиловского кавалерийского полка конной группы 3-й армии, совершавшей рейд по тылам врага. В Верх-Нейвинском заводе состоялся митинг трудящихся, на котором объявили о восстановлении Советской власти⁵⁰. Был образован ревком, в который вошли и участники подпольной революционной работы, партизанского движения.

Сходной была ситуация и при освобождении Невьянска. При том, видимо, роль восставших рабочих в освобождении этого поселка была еще большей, нежели в Верх-Нейвинске. Удар невянских рабочих, нанесенный по Воткинской дивизии, был решающим.

Существовала, готовила рабочих к вооруженному выступлению и большевистская организация в Режевском заводе. На этот счет имеются немногочисленные, но достоверные данные. Имело в Реже и давало посылавшимся в тыл врага коммунистам явки отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б)⁵¹.

В район Режа военно-политическими органами для подпольной работы был направлен коммунист П. А. Карташов, который передавал семьям красноармейцев деньги, вел в Режевском поселке агитационную работу. Подпольную работу вели также И. Л. Мохов, А. П. Лукин, С. Ф. Бузунов и др.⁵²

В колчаковских документах неоднократно отмечалось, что близ Режа в лесах находилось много партизан. Среди них было значительное число бывших красноармейцев, оказавшихся во вражеском окружении осенью 1918 г.

В сводке колчаковской контрразведки от 29 июня 1919 г. говорилось о наличии в окрестностях Режа «групп и отрядов»⁵³. Некоторые данные о революционной борьбе рабочих и трудящихся крестьян близ Режевского завода встречаются и в воспоминаниях участников событий. Так, В. С. Исаев, принимавший участие в восстании солдат в Камышловое, раненный во время его подавления и бежавший вместе с Мальцевым в район Режа, писал о вооруженной борьбе в этом районе⁵⁴.

Режевские подпольщики создали партизанский отряд во главе с И. Л. Моховым, в который вошли упоминавшиеся коммунисты П. А. Карташов, А. П. Лукин, С. Ф. Бузунов⁵⁵. Отряд базировался на берегу р. Быстрой, он через своих бойцов, действовавших в Реже, вел политическую работу среди населения, вступил в контакт с дезертирами из колчаковской армии, пробиравшимися в Сибирь, и получил от них 8 винтовок и патроны. Он стал совершать нападения на вражеские отряды, эшелоны, захватывал оружие, боеприпасы, продовольствие, рос численно. Принято было решение об освобождении Режа. Разрабатывался план операции, создано несколько штурмовых групп. В ночь на 17 июля был предпринят штурм поселка, в результате которого белогвардейский гарнизонный отряд разгромлен, Режевской завод освобожден силами партизан и рабочих еще до прихода Красной Армии. Через сутки в поселок вступил 1-й Крестьянский коммунистический полк Красных Орлов 29-й стрелковой дивизии. Вечером 18 июля состоялось собрание, на котором был избран волостной Совет рабочих и крестьянских депутатов во главе с подпольщиком-коммунистом П. А. Карташовым⁵⁶.

Мы не располагаем подобными значительными данными о большевистском подполье, повстанческих действиях в Кушве и районе, но считаем возможным не только говорить о их наличии со всей определенностью, а и о том, что там они были весьма активны. Отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б) в мае 1919 г. направило в тыл врага группу в составе 7 человек во главе с В. А. Сильных (руководитель) и Ф. И. Шляхтиным (заместитель), о которых рассказывалось в начале данной статьи. По переходе линии фронта группа в соответствии с заданием разделилась на две. Первая направилась в Турьинские рудники (вскоре ее руководитель В. А. Сильных погиб), вторая во главе с Ф. И. Шляхтиным — в Кушву, куда она и прибыла.

Документальные источники свидетельствуют о том, что Ф. И. Шляхтин (погиб в декабре 1919 г. в борьбе с белобан-

дитами на Северном Урале) и его товарищи связались с Кушвинским подпольем и развернули в районе вооруженную борьбу, прибегли к диверсиям на железной дороге. Большое значение имели действия кушвинских рабочих по спасению подготовленного колчаковцами к эвакуации промышленного оборудования⁵⁷. О наличии в Кушве, а также в Нижней, Верхней Туре, их районах большевистского подполья, массовых арестах коммунистов, складах оружия и революционной борьбе масс неоднократно сообщалось колчаковцами⁵⁸.

Частичное отражение в печати получила история большевистского подполья и партизанского движения в Ирбите и близ него⁵⁹. Но многие события читателю неизвестны, в том числе факт освобождения города до прихода Красной Армии восставшими рабочими и партизанами. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в ирбитском подполье многие месяцы работала член партии с 1910 г. А. Н. Никифорова, оставленная Уралобкомом летом 1918 г. в Екатеринбург, а также К. П. Морозова, А. Д. Шишкин и др. Летом 1919 г., несмотря на то, что в Ирбите стоял большой гарнизон — до 500 солдат и офицеров, коммунисты ориентировали рабочих города Ирбита на восстание и готовили их к нему, а одновременно — крестьян. Они рассчитывали и на помощь действовавшего близ города партизанского отряда А. Н. Проскурина, возможное создание новых отрядов. Крупной операцией явилось освобождение 17 июля отрядом Проскурина нескольких сотен вывезенных для эвакуации на восток политзаключенных.

Несколько подробнее хотелось бы рассказать о более крупном партизанском отряде, который был создан под руководством А. А. Годова, бывшего советского работника, присланного на Урал Владивостокской большевистской подпольной организацией в октябре 1918 г. Годов еще в 1907 г. принимал активное участие в революционной борьбе на Урале, явился одним из организаторов и руководителей восстания крестьян в Елани Ирбитского уезда (ныне Байкаловский район), за что и был сослан в Сибирь. Он вел работу по разложению белогвардейских войск, агитировал рабочих и трудящихся крестьян за восстановление Советской власти.

Летом 1919 г. под его руководством создается отряд в 300—350 человек. В дни отступления колчаковской армии отряд успешно действовал в районе Кукарской горы, д. Вязовки, с. Баженова, затем — в окрестностях Ирбита. Совершались нападения на подразделения вражеских войск. Как писали А. А. Годов и ряд других участников событий, отряд, очевидно, вместе с другими отрядами и при помощи подпольщиков и рабочих выбил из Ирбита остатки гарнизона, освободил и удерживал его, пока 16 июля не прибыли подразделения конной группы 3-й армии, совершавшей

рейд под командованием Н. Д. Томина по тылам врага⁶⁰. Ирбит, как многие другие города и заводы Урала, включая Алапаевск, Реж, Невьянск и другие, был освобожден силами трудящихся.

Как видим, очаги партизанского движения на Среднем Урале возникают уже летом и осенью 1918 г. В дальнейшем, до весны и лета 1919 г., наступил спад. На завершающем этапе борьбы за освобождение Урала от колчаковщины повстанческо-партизанское движение достигает в своем развитии пика. Партизанское движение, руководимое коммунистами, сочувствующими им активистами, явилось важным фактором в борьбе за разгром колчаковцев и очищение от них Среднего Урала.

Рассмотренные материалы проливают также дополнительный свет на вопрос о деятельности партийных организаций, в том числе подпольных, по развертыванию вооруженной борьбы в прифронтовой полосе и тылу белогвардейцев. Выясняется, что размах этой борьбы в регионе был гораздо большим, чем представлялось исследователям прежде. В решении этой задачи деятельное участие принимали Уральский обком, отделение Урало-Сибирского бюро ЦК РКП(б), местные партийные, в том числе подпольные организации и группы, отдельные коммунисты.

¹ См.: Копылов Ф. Г. В боях на Северном Урале / Введ. О. А. Васьковского. Свердловск, 1965; Скробов В. С. Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (октябрь 1917—1920). Свердловск, 1971; Букина М. Н., Постнов Ю. С. Дидковский Б. В. Свердловск, 1986.

² См.: Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л., Плотников И. Ф., Скробов В. С. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969; Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу. Свердловск, 1978.

³ Вопрос о времени вступления Б. В. Дидковского в РСДРП(б) в печати дается путано. Один из краеведов (Н. Н. Тагильцева) в газете «Вечерний Свердловск» от 10 марта 1988 г. утверждает, что он был «членом партии с 1902 года». Б. В. Дидковский вступил в РСДРП(б) именно в 1917 г. Прежде он состоял в партии эсеров.

⁴ Речь идет о Сводной Уральской (в дальнейшем 29-й стрелковой) дивизии под командованием М. В. Васильева.

⁵ ГАСО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 114—Д. Л. 1—2; Д. 115—Д. Л. 2—3.

⁶ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 330; ГАСО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 114—Д. Л. 2.

⁷ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 328—334.

⁸ Там же. Л. 330.

⁹ Воспоминания Г. В. Ощепкова (хранятся у автора).

¹⁰ ГАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1495. Л. 32; Д. 2226. Л. 82—108. См. подробнее об этих группах, алапаевском подполье в целом: Плотников И. Ф. В белогвардейском тылу. Свердловск, 1978. С. 29—31 и др.; Он же. Коммунисты Алапаевского подполья в колчаковском тылу // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1967. Вып. 7.

¹¹ ГАСО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 279—Д. Л. 3; Д. 3—Д. Л. 7.

¹² Там же. Д. 228—С. Л. 3; В боях и походах: Воспоминания. Свердловск, 1959. С. 127—131.

¹³ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 328—329.

¹⁴ Там же. Л. 327—328.

¹⁵ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 752. Л. 29—30.

¹⁶ Там же. Л. 30—31.

¹⁷ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 326—327.

¹⁸ Там же. Л. 330.

¹⁹ См.: Кесарев С. П., Королев А. Н., Пичугов С. Г. Особая бригада. М., 1962. С. 35.

²⁰ ЦГАСА. Ф. 1334. Оп. 2. Д. 354. Л. 750.

²¹ Там же. Л. 330.

²² См.: Копылов Ф. В. В боях на Северном Урале. С. 6.

²³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 752. Л. 32.

²⁴ Там же. Л. 33.

²⁵ В литературе наблюдаются популяризации преуменьшить, исказить, а то и просто замолчать роль В. А. Сильных в боях в районе Павды—Растеса—Верх-Косьвы. Историческая справедливость требует устранения этой тенденции. С нашей точки зрения, ее проявление обусловлено субъективизмом и даже фальсификацией. Так, в тексте интересных и ценных, к сожалению, неопубликованных воспоминаний К. И. Захарова, написанных по свежим следам событий с высокой оценкой действий В. А. Сильных, имя последнего чьей-то рукой (не авторской) вычеркнуто, описание эпизодов с его участием и под его командованием произвольно переписано (ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 752. Л. 46—66). Обращает на себя внимание публикация воспоминаний П. С. Соловьева (см.: В боях и походах), в которых нет даже упоминания имени В. А. Сильных, руководство всеми операциями Павдинского и других (позднее) отрядов мемуарист приписывает только себе. В письме М. Н. Букиной П. С. Соловьев писал: «Т. Сильных в Павде появился позднее, какую он занимал должность для меня не ясно и был ли он заместителем у тов. Дидковского — я сомневаюсь... Ни в Кырье, ни в Растесе Сильных уже не было и встретились мы с ним только в В.-Косье перед приходом из Кытлыма Б. В.» Судя по письму и воспоминаниям, П. С. Соловьев все детали помнит, но не может вспомнить лишь того, что больше месяца действовал под руководством В. А. Сильных. Нельзя не сказать о позиции М. Н. Букиной, сделавшей несколько публикаций по биографии Б. В. Дидковского. В них она лишь упоминает о В. А. Сильных, а при появлении в печати конкретных данных о его деятельности обращается в редакции газет и другие учреждения с необоснованными протестами, пытается очернить его имя. Факты, многочисленные документы, хранящиеся в архивах и известные М. Н. Букиной, ею во внимание не берутся. Создается впечатление, что М. Н. Букина во что бы то ни стало стремится принизить роль В. А. Сильных, тем самым, как ей представляется, сильнее подчеркнуть роль Б. В. Дидковского, женой которого она некоторое время была. В публикации Г. Зайцева в «Уральском рабочем» (19 мая 1987 г.) «История в ретуши не нуждается» указывается на прямое искажение М. Н. Букиной исторической правды и преувеличение роли Б. В. Дидковского в создании геологической службы Урала.

²⁶ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 752. Л. 32.

²⁷ См.: Копылов Ф. В. В боях на Северном Урале. С. 5.

²⁸ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 752. Л. 33.

²⁹ Там же. Д. 713. Л. 46—47.

³⁰ ГАСО. Ф. 318/С—146. Оп. 1. Д. 28. Л. 8.

³¹ ГАСО. Ф. 1200 Р. Оп. 2. Д. 61-С. Л. 1—6.

³² ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 506. Л. 41; Д. 1748. Л. 26.

³³ Там же. Д. 1452. Л. 19—23.

³⁴ ГАСО. Ф. 1200-Р. Оп. 2. Д. 126—Д. Л. 2: Боевые подвиги частей Красной Армии (1918—1928 гг.): Сб. документов. М., 1957. С. 54—55.

³⁵ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1501. Л. 2. 8.

³⁶ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 184—П. Л. 4—5.

³⁷ Там же. Л. 4—6.

- ³⁸ ЦГАОР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1—Г. Ч. 2. Л. 50.
³⁹ Урал. рабочий. 1975. 6 нояб.
⁴⁰ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 283—П. Л. 1.
⁴¹ Там же. Д. 39—Я. Л. 3.
⁴² ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1255. Л. 35.
⁴³ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 115—Ш. Л. 1—2.
⁴⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 255. Л. 35; ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 1. Д. 41.
Л. 67—68.
⁴⁵ ЦГАОР. Ф. 1710. Оп. 1. Д. 57. Л. 92.
⁴⁶ ЦГАОР. Ф. 3911. Оп. 1. Д. 19. Л. 49—50.
⁴⁷ ЦГАОР. Ф. 1437. Оп. 1. Д. 181. Л. 13; Д. 182. Л. 8.
⁴⁸ ЦГАОР. Ф. 147. Оп. 1. Д. 181. Л. 1302-В.
⁴⁹ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 4—Е. Л. 1 и об.
⁵⁰ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 4—Е. Л. 1 и об.
⁵¹ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 505. Л. 74.
⁵² См.: Урал. рабочий. 1969. 5 июля.
⁵³ ЦГАОР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 18. Л. 65.
⁵⁴ ГАСО. Ф. 1200. Оп. 2. Д. 40—И. Л. 2—5.
⁵⁵ Там же.
⁵⁶ Там же. Л. 3—5; Урал. рабочий. 1969. 5 июля; Календарь-справочник за 1969 г. Свердловск. 1968. С. 119.
⁵⁷ ЦГАОР. Ф. 236. Оп. 1. Д. 1—Г. Ч. 2. Л. 323; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 504.
Л. 253; Д. 506. Л. 69—70.
⁵⁸ ЦГАОР. Ф. 3845. Оп. 1. Д. 13. Л. 29; Д. 14. Л. 105, 117, 120 и др.
⁵⁹ См.: От поколения к поколению: Сб. Свердловск, 1964. С. 62—63.
⁶⁰ ГАСО. Ф. 1200—Р. Оп. 2. Д. 188—Г. Л. 4—7.

А. П. АБРАМОВСКИЙ
Челябинский университет

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ТАКТИКИ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ПОДПОЛЬНОЙ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ПЕРИОД КОЛЧАКОВЩИНЫ

Челябинские большевики одними из первых на Урале приняли на себя удар восставших против Советской власти войск чехословацкого корпуса. В ночь с 26 на 27 мая 1918 г. челябинская группа белочехов, насчитывавшая в своих рядах 8400 солдат и офицеров, захватила город, отрезала его от Центра и уральских горнозаводских районов. Созданный из представителей кадетов, меньшевиков и эсеров «Комитет народной власти» начал кровавую расправу с большевиками, красногвардейцами и их семьями, стремясь таким образом уничтожить всякое воспоминание о завоеваниях Великой Октябрьской социалистической революции.

Однако челябинские большевики, презирая всякую опасность, стали собирать свои силы и создавать нелегальные ячейки и группы. Одна из первых групп была оформлена на железнодорожном узле 14 июня 1918 г., руководил ей машинист паровоза Н. Ива-

нов¹. Позднее группы и ячейки создавались на предприятиях Петроградского акционерного общества, заводе «Столь и К°», бывш. винокуренном заводе бр. Покровских, в трудовой артели, пошивочной мастерской, транспортно-потребительском обществе, на ряде шахт челябинских каменноугольных копей и т. д.

Большевики-подпольщики развернули работу по объединению и сплочению трудящихся масс, вселению в них уверенности в необходимости борьбы с контрреволюцией и восстановления Советской власти. Однако успешное решение этих задач во многом зависело от совместных и согласованных действий подпольных групп и ячеек. В конце августа 1918 г. в Челябинске был оформлен подпольный комитет РКП(б), состоящий из С. М. Рогозинского, С. А. Кривой, Д. Д. Кудрявцева, В. И. Гершберга. Под его руководством на промышленных предприятиях создавались конспиративные десятки и пятерки. Для оперативного руководства революционной борьбой трудящихся были организованы районные комитеты РКП(б) — один на каменноугольных копях челябинского района, другой — на железнодорожных предприятиях и заводе «Столь и К°».

При непосредственном участии членов подпольного горкома РКП(б) было устроено около 20 конспиративных квартир: у И. В. Шмакова, И. К. Джазговского, А. Г. Черных, С. Камеляка, М. А. Толтыжевского, Л. Р. Лепешкова, М. Буковина, К. А. Ильинской, М. С. Бухарина и др.

Создав глубоко законспирированную организацию, подпольный комитет РКП(б) развернул многоплановую работу среди трудящихся города и уезда, умело сочетая легальные и нелегальные формы борьбы. Большое значение придавалось печатному слову, приобретали разными путями пишущие машинки, на которых печатали листовки и прокламации, а затем распространяли их на промышленных предприятиях и в учреждениях. «Комитет народной власти» уже в августе 1918 г. вынужден был признать, что за последнее время «советчики» начинают действовать более открыто, всюду появляются листовки «большевистского толка»².

В сентябре подпольному комитету РКП(б) удалось создать небольшую типографию в квартире у И. В. Шмакова. Печатный станок был сделан рабочими паровозного депо во главе с В. К. Плехановым, а шрифт достали Е. Тимофеев, М. Л. Прижялковский и Н. Шрайман, работавшие в одной из городских типографий³. В этом же месяце были напечатаны и распространены первые листовки. В октябре подпольщику М. Бухарину удалось перевезти к себе на квартиру типографию организации левых эсеров⁴. Таким образом, в октябре 1918 г. большевики-подпольщики уже на двух типографских станках печатали листовки, прокламации и воззвания за подписью «Челябинский комитет РКП(б)». При

типографиях имелись небольшие библиотеки с политической литературой большевистского и левоэсеровского направлений. По неполным данным, за 6 месяцев работы подпольных типографий было отпечатано около 20 тыс. экз. листовок и воззваний⁵. Печатное слово большевиков-подпольщиков проникало не только к рабочим города, крестьянам Челябинского уезда, но и к солдатам местного гарнизона. «Что касается распространения наших листовок среди военных, — указывает в своих воспоминаниях подпольщик И. С. Солодовников, — то там они имели необычайный успех и читались во всеуслышание на возвышенных местах и дело, конечно, не обходилось без срыва погон и кокард с офицеров...»⁶.

Несмотря на продолжавшийся белогвардейский террор и издание приказа начальником гарнизона ярым монархистом полковником Сорочинским о том, что тем лицам, которые выдадут большевика-подпольщика или бывшего красногвардейца, будет выдано денежное вознаграждение в 10 тыс. р., подпольная большевистская организация значительно активизировала свои действия. В ночь с 17 на 18 октября 1918 г. боевая дружина большевиков-подпольщиков произвела внезапное нападение на одно из подразделений белочешских войск, захватила 4 пулемета и 160 бомб (гранат)⁷. По инициативе местной буржуазии в городе было начато строительство памятника «благодарным чехам», строительная площадка взрывалась боевой дружиной подпольщиков 2 раза⁸. В октябре был подорван поезд из 8 вагонов, следовавший через ст. Челябинск с англо-французской миссией⁹. Когда в октябре 1918 г. войска Красной Армии Восточного фронта перешли в наступление на уфимском плацдарме, белогвардейцы затребовали из Челябинска 20 паровозных и кондукторских бригад. Железнодорожники объявили забастовку, эвакуация белогвардейских грузов в Сибирь была сорвана¹⁰.

В связи с приближением первой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции расширенное заседание подпольного горкома РКП(б) приняло решение о проведении однодневной политической забастовки, был утвержден текст листовки, призывавшей трудящиеся массы города к организованным действиям. Собрания подпольных ячеек одобрили решение городского комитета РКП(б).

Рабочие и служащие железнодорожного узла 7 ноября провели короткие митинги и разошлись по домам. Приказы администрации, начальника гарнизона о предании военно-полевому суду всех оставших рабочих места не поколебали забастовщиков. В этот день была парализована работа всего челябинского железнодорожного узла. Военно-следственная комиссия, назначенная начальником гарнизона, уволила 573 железнодорожника. В ответ на отказ начальника гарнизона восстановить на работе всех уволенных железнодорожники объявили их рабочие места под бойко-

том¹¹. Для выполнения срочных дел, связанных с упорядочением железнодорожного движения, белогвардейские власти приводили рабочих под конвоем.

Железнодорожники добились восстановления на работе значительной части уволенных, однако 39 активных участников забастовки были арестованы и отправлены к линии фронта¹².

В день первой годовщины Великого Октября не работали шахтеры многих каменноугольных копей Челябинского района, рабочие завода «Столл и К^о», городских мастерских и других предприятий города. Так челябинский пролетариат в условиях жестокого белогвардейского террора отметил первый советский праздник. Его организованное выступление вселило в трудящиеся массы уверенность в своих силах, в успешном продолжении дальнейшей борьбы с контрреволюцией.

Целенаправленную работу большевики-подпольщики проводили в профсоюзах, в которых белогвардейцы надеялись найти опору и поддержку своей власти. Белогвардейское сибирское правительство в одном из циркуляров, касающихся деятельности рабочих организаций, выражало уверенность в том, что в них «в ближайшем будущем, когда развеется гнилой туман, навеянный большевизмом и отравивший на время народный организм, демократическая власть найдет себе верную и надежную опору»¹³. Однако челябинские профсоюзы сразу же разочаровали контрреволюционеров, организуя борьбу против политических и экономических репрессий со стороны капиталистов, за восстановление власти Советов.

Центральное бюро профсоюзов Челябинска и его района подтвердило все решения, принятые им после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Оно выступило за сохранение 8-часового рабочего дня; разрешение всех конфликтов, возникавших между рабочими и хозяевами предприятий, правлениями отраслевых профсоюзов, а не органами белогвардейской власти; запрещение всевозможных сверхурочных работ. Прием и увольнение рабочих и служащих требовало осуществлять только с согласия рабочих организаций, на основе выработанных ими различных инструкций и положений. «Никакие отступления от настоящего положения, — говорится в решении Центрального бюро, — без особого на то разрешения Совета профессиональных союзов в каждом отдельном случае, не допускаются»¹⁴. Усмотрев в этом документе факт посягательства рабочего класса на права владельцев предприятий, белогвардейские власти арестовали и заключили в тюрьму председателя Центрального бюро профсоюзов Челябинска В. И. Иванова.

Челябинские профсоюзы выражали твердую решимость «бороться против попыток ограничивать права рабочих организаций,

от кого бы то ни исходили эти распоряжения»¹⁵. Профсоюзы, руководимые большевиками-подпольщиками, принимали меры кустановлению на предприятиях революционной дисциплины под девизом «один за всех, все за одного»¹⁶. Они создавали стачечные фонды, проводили добровольные сборы средств в пользу семей арестованных большевиков и передовых рабочих¹⁷.

Рабочий класс Челябинска, верный власти Советов, белогвардейскую, эсэро-меньшевистскую власть не признавал. Стремясь получить какое-либо признание трудящимися массами белогвардейской «общегосударственной» власти, «Комитет народной власти» и Комиссариат труда Приуралья провели в Челябинске 27—29 августа 1918 г. так называемый рабочий съезд. В его работе участвовало 130 делегатов, среди которых были члены подпольной большевистской организации: А. П. Албычев, А. С. Агалаков, С. У. Абрамов, А. Д. Захаров, А. Н. Зыков, В. К. Плеханов, П. Н. Поспелов, М. В. Карабанов, С. Чермянин П. П. Черепанов и др. Председатель Временного областного совета профсоюзов Урала Н. Вепринцев, комиссар труда Приуралья А. Самодуров, лидеры челябинских организаций меньшевиков, эсэров и народных социалистов требовали от делегатов съезда признания необходимости совместной работы профсоюзов с органами белогвардейской власти. Однако делегаты съезда абсолютным большинством голосов (3 воздержались) заявили, что будут «поддерживать лишь ту единую Всероссийскую власть, которая не на словах, а на деле будет твердо стоять на защите интересов профсоюзов и завоеваний рабочего класса», и потребовали прекращения вмешательства «иностранных государств во внутреннюю жизнь России»¹⁸. Рабочий съезд постановил «немедленно привести все профсоюзы рабочих и служащих Челябинского района в боевую готовность для защиты своих интересов и объединения рабочего класса»¹⁹.

Это было выражением недоверия эсэро-меньшевистской власти в ответ на ее «демократические» заигрывания с рабочим классом. И несмотря на то, что представителям «социалистических» партий (меньшевикам, эсэрам и народным социалистам) удалось навязать съезду идею «независимости» профсоюзов и требование созыва Всероссийского учредительного собрания, в целом делегаты рабочего съезда подтвердили враждебное отношение к образовавшейся контрреволюционной власти и призывали профсоюзы рабочих и служащих к беспощадной борьбе с ней²⁰.

После рабочего съезда белогвардейцы запретили проведение рабочих собраний, а созыв правлений профсоюзов или делегатских собраний разрешался, если на них присутствовали представители от военной комендатуры или городской милиции. Многие руководители отраслевых профсоюзов были арестованы и сосланы в Александровский централ или Тобольскую каторжную тюрьму.

На неоднократные предложения и даже требования эсеро-меньшевистского Временного областного совета профсоюзов о вхождении в его состав всех челябинских профсоюзов рабочие коллективы отвечали категорическим отказом. Установив связь с Сибирским советом профсоюзов, находившимся в Томске, и ознакомившись с решениями состоявшегося в октябре 1918 г. I Всесибирского съезда профсоюзов, челябинцы вошли в его состав²¹. К этому времени абсолютное большинство из 40 профсоюзов города и уезда было левого направления, все они готовились к общесибирской политической стачке. При центральном бюро профсоюзов было создано общество Красного креста для оказания материальной помощи семьям арестованных членов профсоюзов.

Подпольный комитет РКП(б) усилил свое влияние в профсоюзах и укрепил их руководство. В правления профсоюзов были избраны активные члены подпольной большевистской организации: железнодорожников — П. П. Черепанов, горнорабочих — Г. В. Полещук, мукомольных рабочих — М. В. Карабанов, обувщиков — И. К. Джазговский, металлистов — К. Иванов и т. д. Членами центрального бюро профсоюзов были П. Н. Пospelов, Д. Д. Кудрявцев. Большинство челябинских профсоюзов оказалось под большевистским влиянием и руководило борьбой рабочего класса против белогвардейского режима.

Челябинские большевики-подпольщики особое внимание уделяли установлению постоянной связи с нелегальными большевистскими организациями городов Урала и Сибири. Осенью 1918 г. такая связь была налажена с Омском, Екатеринбург, Уфой, Златоустом, Курганом, Троицком и другими городами и рабочими поселками. Так, в августе 1918 г. К. Чуканов установил связь с омской подпольной организацией²², а А. С. Агалаков — с томскими большевиками²³. В декабре 1918 г. в Омск выезжал член подпольного комитета РКП(б) Д. Д. Кудрявцев²⁴. Связь с подпольщиками уральских городов была установлена М. С. Ивановым²⁵.

Успехи Красной Армии на Восточном фронте осенью 1918 г. и ее успешное продвижение к предгорьям Урала, быстро растущее сопротивление трудящихся масс белогвардейскому режиму заставили Антанту спешно разработать план по укреплению контрреволюционных сил на востоке Советской республики, реализацию которого было решено возложить на адмирала Колчака. Объявление его «верховным правителем России» означало переход от эсеро-меньшевистской контрреволюции к кровавому режиму военной диктатуры.

Изменившаяся обстановка потребовала срочной выработки новой тактической линии подпольных большевистских организаций Урала и Сибири. В Томске 23 ноября 1918 г. состоялась II сибирская нелегальная конференция РКП(б), которая разработала кон-

кретные меры по дальнейшему усилению всеобщей борьбы во вражеском тылу и взяла курс на подготовку и проведение местных вооруженных восстаний. Делегатом конференции от челябинских большевиков был А. С. Агалаков, прибывший в Томск по документам А. С. Асмолова²⁶. Установив личную связь с А. Я. Нейбутом, А. А. Масленниковым и М. М. Рабиновичем, он информировал их о деятельности челябинской подпольной большевистской организации.

В конце ноября 1918 г. А. С. Агалаков информировал членов подпольного комитета РКП(б) о ходе проведенной конференции и ее решениях. Для выработки тактики большевистской организации было решено провести городскую конференцию, которая состоялась 11 декабря 1918 г. На ней присутствовало более 20 делегатов: В. И. Гершберг, С. Голубцов, А. Н. Зыков, М. С. Иванов, Д. Д. Кудрявцев, В. Г. Киселев, Г. В. Мешин, Г. Медведев, С. А. Кривая, В. К. Плеханов, Г. В. Полешук, С. М. Рогозинский, О. П. Хотеевков, Г. И. Широков, А. И. Чикишев и др. С докладом о текущем моменте и работе подпольной организации выступил председатель комитета РКП(б) С. М. Рогозинский. В условиях колчаковской диктатуры, жесточайшего преследования рабочего класса, подчеркивали в своих выступлениях М. С. Иванов, А. Н. Зыков, С. А. Кривая, Г. И. Широков и другие, необходимо проводить планомерную массово-политическую работу по завоеванию трудящихся масс города, солдат местного гарнизона, крестьян близлежащих деревень и привлечению их на сторону революционных сил. При единодушной поддержке всех делегатов была определена главнейшая задача подпольной большевистской организации — подготовка и проведение вооруженного восстания. Для этого требовалась активизация боевых групп, подрывных отрядов, вооружение рабочих, создание в колчаковских войсках подпольных групп и организаций.

На конференции была выработана и единогласно принята резолюция по тактическим вопросам. Провозглашая основной задачей подпольной большевистской организации свержение белогвардейского режима путем подготовки и проведения вооруженного восстания, участники конференции отвергли какое-либо участие рабочего класса в выборных кампаниях во всевозможные «демократические» учреждения (Учредительное собрание, областную думу, городские и земские самоуправления) и работу в них, разоблачая гнусную сущность этих форм прикрытия буржуазной диктатуры. Учитывая, что партии меньшевиков и эсеров — партии мелкобуржуазные, окончательно дискредитировавшие себя в глазах рабочего класса и беднейшего крестьянства, конференция отвергла необходимость заключения с ними каких-либо соглашений, «допуская лишь использование в момент восстания их бое-

вых сил, если таковые у тех партий имеются»²⁷. В связи с крайне тяжелым финансовым положением подпольной организации, сложными и ответственными задачами, стоявшими перед ней, делегаты конференции высказались за организацию городским комитетом РКП(б) крупных экспроприаций, исключая суммы, принадлежащие организациям трудящихся масс. «В целях оказания помощи советским войскам, — указывается в решении конференции, — челябинская организация принимает меры для дезорганизации тыла буржуазии, прибегая для этой цели к организации саботажа, к разрушению и повреждению путей и средств сообщений, к уничтожению и захвату военного снаряжения и припасов, созданию подрывных отрядов, внося разложение в ряды войск противника»²⁸. Высказавшись об отдельных неорганизованных выступлениях рабочего класса и деревенской бедноты против колчаковской диктатуры и считая их вредными из-за распыления революционных сил до вооруженного восстания, конференция обязала подпольный комитет РКП(б) попытаться придать им планомерный характер, помня, что «ни одно выступление рабочих и крестьян не должно идти помимо руководства и вмешательства партии»²⁹.

Делегаты II сибирской конференции, стремясь «отплатить за головы замученных, расстрелянных в Сибири товарищей», приняли решение о допустимости индивидуального террора к представителям белогвардейской власти. Челябинские большевики-подпольщики резко осудили этот пункт решения конференции, заявив, что в создавшихся условиях, когда рабочий класс и поддерживавшая его деревенская беднота усиливают борьбу за восстановление власти Советов, «он суживает размах борьбы, внушает пролетарским массам иллюзии возможности поправить дело, вернуть свою власть и свои завоевания устранением отдельных лиц, а не целой системы, приводит к забвению основных истин марксизма о классовой борьбе и классовом государстве. И, наконец, в условиях, когда разрушенные организации только что налаживаются, собирают распыленные силы пролетариата и деревенской бедноты, он просто нерационален и губителен...»³⁰ Учитывая, что индивидуальный террор как форма борьбы свойствен только мелкобуржуазным партиям, большевики-подпольщики потребовали немедленного отказа от него, предупреждая ЦКС³¹, что «в противном случае челябинская организация считает себя свободной от выполнения этого пункта постановления о тактике Общесибирской конференции и будет для окончательного решения апеллировать к Всероссийскому Центральному Комитету или Всероссийской конференции».

На конференции были утверждены инструкции о создании подпольных большевистских ячеек в воинских частях челябинского гарнизона, об обязанностях членов организации и создании воен-

но-революционных штабов (городского и районных). В выработке этих инструкций активное участие принимали О. П. Хотеев и Д. Д. Кудрявцев. В инструкции, определявшей деятельность военно-революционного штаба как отдела городского комитета РКП(б), указывалась его главная задача — мобилизация всех революционных сил и боевых средств, подготовка и проведение вооруженного восстания. Четко определялись функции отделов военно-революционного штаба: отдел снаряжения обязан был заниматься учетом имевшегося у подпольщиков, рабочих и беднейшего крестьянства оружия, вооружением подпольных десятков; задачей строевого отдела являлось формирование боевых пятерок, десятков, дружины и подготовка их к вооруженному восстанию; оперативный отдел выяснял расположение белогвардейских воинских частей, местонахождение и количество, осуществлял связь с солдатами челябинского гарнизона; отдел контрразведки собирал всю информацию о действиях белогвардейских воинских частей, местонахождении и количестве, осуществлял связь с солдатами челябинского гарнизона; отдел контрразведки собирал всю информацию о действиях белогвардейских властей и передавал ее в Сибирское бюро ЦК РКП(б) и т. д.³²

Делегаты конференции приняли резолюцию об организации подпольных большевистских ячеек в воинских частях Челябинского гарнизона, членами которых могли быть все насильно мобилизованные в белогвардейскую армию «без различия национальности, возраста, чина и звания, недовольные существующим строем и ставящие себе целью борьбу против него, ниспровержение существующей власти и восстановление власти Советов рабочих, солдатских и казачьих депутатов». Солдаты организовывались в строго законспирированные десятки, связь которых с полковыми комитетами осуществлялась через руководителей этих десятков, а с городским комитетом РКП(б) и военно-революционным штабом — через членов полковых организаций.

Особое внимание конференция уделила определению круга обязанностей членов подпольной большевистской организации. «Являясь авангардом революционного пролетариата, — подчеркивалось в принятой резолюции, — РКП(большевики) обращает внимание своих членов на главный залог продуктивности и ценной работы — на дисциплину не за страх, а за совесть». Членом подпольной большевистской организации считался всякий, кто признавал программу РКП(б), активно участвовал в ее работе: строго выполнял все партийные поручения, какого бы назначения они ни были, соблюдал дисциплину, ни в коем случае не предпринимал единоличных действий, противоречащих партийным интересам. Если подпольщик уклонялся от выполнения того или иного поручения или его действия вели к провалу организации, указывалось в

резолюции конференции, «то таковой подвергается товарищескому суду, вплоть до лишения его жизни».

В состав подпольного горкома РКП(б), избранного конференцией, вошли: в члены — В. И. Гершберг (Самарский) — председатель, С. А. Кривая (Елена) — секретарь, Д. Д. Кудрявцев (Язва и Митяй), О. П. Хотеевков (Д. М. Лазарев), С. М. Rogozинский (Рогозник), М. С. Иванов, А. Н. Зыков (Знаменский); кандидаты — В. Я. Екимов, А. И. Чикишев (Омич, Мара)³³. В военнореволюционный штаб кроме членов и кандидатов в члены городского комитета РКП(б) были введены С. Г. Тосман, И. М. Тихонов, Г. М. Синцов, Г. И. Широков, Г. И. Чикишев, Н. Г. Образцов и др.³⁴ Председателем его был избран Д. Д. Кудрявцев, заместителем — О. П. Хотеевков.

Анализ хода подпольной конференции и принятых ею решений говорит о том, что челябинские большевики как по теоретическим, так и по практическим вопросам стояли на марксистско-ленинских позициях. Выполняя решения конференции, подпольный горком РКП(б) развернул энергичную массово-политическую и организационную работу по дальнейшему завоеванию трудящихся масс и усилению борьбы против колчаковского режима.

Большевики-подпольщики успешно проводили работу в белогвардейских частях Челябинского гарнизона. Горкомом РКП(б) была направлена группа добровольцев во главе с В. Киселевым в полк им. Т. Шевченко, где был создан революционный совет, подпольные боевые пятерки. Солдатский состав к весне 1919 г. в этом полку на 75% стал революционным и являлся надежной опорой подпольной большевистской организации³⁵. Подпольные группы были созданы на окружном артиллерийском складе, военном ремонтно-восстановительном поезде, в 141-м стрелковом полку и других воинских частях. Паспортным бюро подпольной организации, возглавляемым И. Г. Кошарновым — токарем завода «Столь и К°», были сделаны печати Челябинского и Курганского воинских начальников, комиссии по освидетельствованию лиц, призванных в колчаковскую армию, и некоторых воинских частей гарнизона. Умело используя их, подпольщики по сфабрикованным документам отправляли солдат домой «по болезни» или другим причинам³⁶. Большевики-подпольщики Д. Пигин и А. Шарапов, служившие писарями в 141-м стрелковом полку, по увольнительным документам отпускали «больных» солдат домой. Когда надежных, близко знакомых солдат в их роте уже не оказалось, один из писарей записал в регистрационной книге: «Т.к. больше пускает некого «по болезни», то большевик Шарапов пускает себя»³⁷.

Эта ответственная работа, связанная с риском для жизни, проводилась подпольщиками во всех воинских частях местного гарнизона. И как вспоминал впоследствии И. С. Солодовников, член от-

дела контрразведки военно-революционного штаба при Челябинском горкоме РКП(б), «не было ни одной части в Челябинске, где бы мы не имели связи»³⁸.

Большое внимание было уделено работе большевиков-подпольщиков в профсоюзах, которые еще в августе 1918 г. на рабочем съезде, проведенном в Челябинске, высказали враждебное отношение рабочего класса к белогвардейской власти и потребовали прекращения какого-либо вмешательства «во внутреннюю жизнь России иностранных держав». В правления профсоюзов были избраны большевики-подпольщики: горнорабочих — Г. В. Полещук, железнодорожников — П. П. Черепанов, мукомольных рабочих — М. В. Карабанов, обувщиков — И. К. Джазговский, автомобилистов — И. Касаткин, парикмахеров — Н. А. Куропаткин, членами Центрального бюро профсоюзов Челябинска и уезда — Д. Д. Кудрявцев и П. Н. Пospelов.

Революционные призывы большевиков-подпольщиков проникали в массы трудового крестьянства близлежащих к Челябинску сел и деревень. В с. Заманилках, Мартыновке, Щучье, Бродокалмаке, Пивкине и других были созданы подпольные большевистские ячейки, а в близлежащих лесах — подпольные группы.

Под руководством городского комитета РКП(б) челябинские подпольщики развернули большую и опасную работу по сбору и хранению оружия, боеприпасов, вооружения боевых групп и десантов. Оружие приобреталось различными путями.

Помощник дежурного военного коменданта железнодорожной станции Г. И. Широков и конторщик багажной кассы Ф. Белов всегда имели информацию о поступающих в Челябинск грузах военного назначения. Однажды, поздней осенью 1918 г., в Челябинск прибыло два вагона с оружием, предназначавшимся для формирования белогвардейских частей. Воспользовавшись слабой охраной, большевики-подпольщики сумели перегнать один вагон сначала в нижние вагонные мастерские, затем на эlevator и там поставить в тупик. Подпольный комитет РКП(б) и его военно-революционный штаб приняли меры к укрытию оружия. При помощи солдат полка им. Т. Шевченко, распропагандированных большевиками-подпольщиками, удалось перевезти это оружие на Марьянинское кладбище, спрятать там в «братской могиле», заранее подготовленной К. Сусовым³⁹.

Вскоре был поставлен на запасные железнодорожные пути еще один вагон с оружием. Винтовки и патроны, находившиеся в нем, были отправлены на каменноугольные копи Челябинского района для вооружения боевых десятков горнорабочих. Переправкой оружия руководил член шахтерского подпольного районного комитета Ф. Царегородцев.

Оружие неоднократно вывозилось с окружного артиллерий-

ского склада, где умело действовали солдаты-подпольщики во главе с П. Алексеевым. У подпольной группы, созданной в ремонтной трудовой артели, имелось 6 винтовок, 2 берданки, 30 гранат и много патронов.

Большой склад оружия находился в подвальном помещении железнодорожного клуба. Его хранением и выдачей членам боевых десятков занимался плотник И. Курбатов. Часть оружия была сосредоточена на маслобойном заводе Петроградского акционерного общества, в ряде цехов завода «Столлъ и К°», железнодорожных вагонных мастерских, на квартирах Л. Р. Лепешкова, И. Т. Данилова, братьев Чикишевых и т. д.⁴⁰

Накопление оружия большевиками-подпольщиками шло успешно. Уже в январе—феврале 1919 г. все десятки и пятерки имели его в необходимом количестве, боевая дружина при подпольной большевистской организации, насчитывавшая в своих рядах до 300 человек и руководимая А. И. Чикишевым, также была полностью вооружена⁴¹.

Опираясь на поддержку трудящихся масс города, близлежащих деревень и станиц, распропагандированных солдат гарнизона, челябинский подпольный комитет РКП(б) принял решение о подготовке и проведении вооруженного восстания. Был определен срок его проведения — 12 апреля 1919 г., день «пьяной поповской пасхи»⁴².

Планом вооруженного восстания первоначально предусматривалось:

1) в ночь на 12 апреля 1919 г. выступают одновременно рабочие завода «Столлъ и К°», железнодорожного узла, солдаты 141-го стрелкового и им. Т. Шевченко полков, артиллерийских подразделений. К началу вооруженного восстания в город должны были прибыть боевые отряды шахтеров каменноугольных копей и все члены подпольной большевистской организации, находившиеся в деревнях и станицах Челябинского уезда;

2) в первую очередь захватить железнодорожную станцию, телефон и телеграф;

3) штурмом взять городскую тюрьму, освободить всех политических заключенных и вооружить их;

4) захват складов с оружием и боеприпасами поручалось осуществить 141-му стрелковому полку, а штаба Западной армии и находившегося там командования, разоружение сербской воинской части и школы подпрапорщиков — полку им. Т. Шевченко.

Предусматривалось использование бронеавтомобилей, находившихся при штабе Западной армии. После подавления контрреволюционных сил в Челябинске вновь должна была быть восстановлена власть Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов⁴³.

Окончательный срок вооруженного восстания определялся успехами Красной Армии на Восточном фронте. Оно должно было начаться тогда, когда войска Красной Армии находились бы от Челябинска на расстоянии 70—100 км. Целесообразность такого решения не вызвала сомнений. В случае победы вооруженного восстания подпольщики и поддержавшие их трудящиеся массы могли продержаться до прихода Красной Армии или—в случае неудачи — пробиваться на соединение с частями 5-й Краснознаменной армии Восточного фронта.

В феврале 1919 г. член городского подпольного комитета РКП(б) М. С. Иванов выезжал в Уфу, где информировал Сиббюро ЦК РКП(б) о ходе подготовки вооруженного восстания в Челябинске. Сиббюро ЦК РКП(б), одобрив план вооруженного восстания и ход его подготовки, направило в помощь челябинцам большевика-подпольщика З. И. Лобкова и выделило для этого крупную сумму денег⁴⁴.

В период подготовки вооруженного восстания Челябинский комитет РКП(б) обратился к трудящимся массам города и уезда с прокламацией, напечатанной в подпольной типографии. В этой прокламации рабочий класс и крестьянство призывались усилить борьбу против колчаковской диктатуры и готовиться к вооруженному восстанию, день и час которого укажут городской комитет РКП(б) и его военно-революционный штаб. «К оружию, товарищи! — призывала прокламация. — Будьте готовы по первому зову броситься на врага»⁴⁵.

Однако колчаковская контрразведка, создав вокруг челябинских подпольщиков разветвленную сеть агентов, пыталась нащупать нити, ведущие к большевистской организации. В феврале 1919 г. ей удалось раскрыть две подпольные большевистские группы. Одна группа — подпольщиков-стрелочников железнодорожной станции — работала, как указывается в колчаковских документах, «под фирмой профессионального союза» и руководил ей С. Черемнин, другая — «большевистская организация рабочих мастерских станции Челябинск» во главе с С. Минценгендлером⁴⁶.

Колчаковская контрразведка, получив некоторые данные о большевистском подполье, продолжала усиленно интересоваться ее руководящим ядром. При экспроприации денег была арестована группа левых эсеров, которая выдала Н. Г. Образцова, руководителя отдела мобилизации военно-революционного штаба, а он назвал имена руководителей и наиболее активных участников большевистской организации.

В связи с арестом группы подпольщиков городской комитет РКП(б) 25 марта 1919 г. принял решение о немедленном выезде из города на две-три недели всех активных работников. Однако колчаковская контрразведка опередила городской комитет. Было

арестовано 66 человек, в том числе ряд членов подпольного комитета РКП(б), руководителей десятков и групп. Все они обвинялись в том, что «в г. Челябинске и челябинском уезде составили сообщество, именовавшееся «Российской Коммунистической партией большевиков», заведомо поставившее целью своей ниспровержение путем вооруженного восстания существующего в России ныне государственного и общественного строя, замену его Советской властью и коммунистическим строем и заведомо имевшее в своем распоряжении средства для взрыва и склады оружия; причем для достижения указанной цели организовали ряд конспиративных ячеек (так называемых десятков) среди войск, рабочего и сельского населения, связанных между собою общим руководством центрального военного отдела общества г. Челябинска (так называемого военно-революционного штаба), от какового получили руководящие указания, инструкции, деньги, оружие и взрывчатые вещества»⁴⁷.

Военно-полевым судом Западной армии 32 большевика-подпольщика были приговорены к смертной казни и расстреляны в Уфимской тюрьме, остальные отправлены в Сибирь на различные сроки каторжных работ.

Арест руководителей тяжело отразился на деятельности челябинских большевиков-подпольщиков. Но колчаковской контрразведке не удалось полностью разгромить большевистскую организацию. Уже в апреле 1919 г. подпольные десятки и группы возобновили свою деятельность. Был восстановлен городской комитет РКП(б) во главе с А. Н. Зыковым. Одну из наиболее многочисленных групп, состоявшую из рабочих-железнодорожников и «столлевцев», возглавил И. Г. Кошарнов⁴⁸. Выполняя решения городской большевистской конференции, подпольщики умело проводили боевые операции по дальнейшей дезорганизации белогвардейского тыла. Была восстановлена боевая дружина, на вооружении которой имелось более 250 винтовок, несколько ящиков гранат, много патронов и других боеприпасов⁴⁹.

Под руководством большевиков-подпольщиков рабочий класс Челябинска срывал эвакуацию колчаковцами ценного промышленного оборудования. За несколько дней до освобождения города частями 5-й Краснознаменной армии Восточного фронта под командованием М. Н. Тухачевского боевые дружины железнодорожников и «столлевцев» разоружили колчаковскую роту, а в ночь на 24 июля 1919 г. вступили в бой с неприятелем на одном из участков Омской железной дороги. Вместе с отрядами горняков, насчитывавшими в своих рядах более 700 вооруженных рабочих, большевики-подпольщики оказали существенную помощь частям Красной Армии в быстрейшем освобождении города. Таковы славные дела Челябинской большевистской организации в период колчаковщины.

- ¹ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 330. Л. 82.
- ² Гражданская война на Южном Урале (1918—1919): Сб. документов и материалов. Челябинск, 1962. С. 227—228.
- ³ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 329. Л. 89—90.
- ⁴ Там же. Д. 322. Л. 18.
- ⁵ **Плотников И. Ф.** Геронческое подполье: Большевистское подполье Урала и Сибири в годы гражданской войны (1918—1920). М., 1968. С. 160.
- ⁶ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 335. Л. 53.
- ⁷ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 69. Л. 50.
- ⁸ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 350. Л. 204.
- ⁹ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 69. Л. 60; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1252. Л. 152.
- ¹⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1252. Л. 153.
- ¹¹ См.: Гражданская война на Южном Урале... С. 228—229.
- ¹² ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 330. Л. 82.
- ¹³ ГАЧО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 46. Л. 47.
- ¹⁴ Власть народа (Челябинск). 1918. 27 июня.
- ¹⁵ ГАЧО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.
- ¹⁶ ГАЧО. Ф. 1557. Оп. 1. Д. 3. Л. 84.
- ¹⁷ ГАЧО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 6. Л. 139, 230.
- ¹⁸ Власть народа. 1918. 31 авг.
- ¹⁹ Там же. 5 сент.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ ГАЧО. Ф. 991. Оп. 1. Д. 6. Л. 406; Д. 12. Л. 18, 608.
- ²² ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 58. Л. 26.
- ²³ ГАСО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 26. Л. 1—2.
- ²⁴ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 335. Л. 150.
- ²⁵ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 2. Д. 37. Л. 6.
- ²⁶ ГАСО. Ф. 1200. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.
- ²⁷ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 84. Л. 12.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ На II сибирской подпольной большевистской конференции руководящий партийный центр был назван «ЦК РКП(б) Сибири» (ЦКС), вскоре он был переименован в областной комитет партии.
- ³² См.: Гражданская война на Южном Урале... С. 233.
- ³³ См.: **Абрамовский А. П.** Подпольная конференция челябинских большевиков в период колчаковщины // Вопросы истории Октябрьской революции и социалистического строительства на Урале. Челябинск, 1965. С. 91.
- ³⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 474. Л. 39.
- ³⁵ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 335. Л. 54.
- ³⁶ ГАЧО. Ф. 248. Оп. 2. Д. 141. Л. 11; Д. 267. Л. 2.
- ³⁷ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 335. Л. 54.
- ³⁸ Там же. Л. 46.
- ³⁹ Там же. Д. 59. Л. 83.
- ⁴⁰ ГАЧО. Ф. 248. Оп. 2. Д. 141. Л. 5; Ф. 252. Оп. 1. Д. 420. Л. 2.
- ⁴¹ См.: В борьбе с контрреволюцией (1918—1919): Сб. документальных материалов. Омск, 1959. С. 90.
- ⁴² ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 335. Л. 132.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ См.: **Плотников И. Ф.** В белогвардейском тылу: Большевистское подполье и партизанское движение на Урале в период гражданской войны (1918—1919). Свердловск, 1978. С. 58.
- ⁴⁵ Там же. С. 59.
- ⁴⁶ Гражданская война на Южном Урале... С. 235—241.
- ⁴⁷ Там же. С. 261—262.
- ⁴⁸ ГАЧО. Ф. 248. Оп. 2. Д. 141. Л. 11.
- ⁴⁹ Там же.

УЧАСТИЕ КОМСОМОЛЬЦЕВ И МОЛОДЕЖИ УРАЛА В ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЕ ЗА ОСВОБОЖДЕНИЕ КРАЯ ОТ БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ И ИНТЕРВЕНТОВ

Иностранная военная интервенция и гражданская война были временем суровых испытаний для нового общественного строя, рожденного Великой Октябрьской социалистической революцией. В первый период войны центр тяжести борьбы с контрреволюцией сместился на восточные районы страны, в частности на Урал. Положение на Восточном фронте стало предметом обсуждения Пленума ЦК РКП(б) 29 июля 1918 г. В принятом постановлении перед партийными, советскими и военными органами ставились задачи по укреплению советских войск на Восточном фронте и повышению их боеспособности¹.

Особый интерес представляет деятельность партийных, советских, военных, общественных организаций по обеспечению защиты завоеваний Октября от белогвардейцев и интервентов. В результате активного исследования проблемы организации борьбы трудящихся с белогвардейцами и интервентами большой группой историков достигнуты важные результаты. На эту тему опубликовано большое количество монографий, брошюр, статей и докладов.

В данной статье, привлекая различные, в том числе новые документы и материалы, мы рассмотрим некоторые вопросы, требующие дальнейшего исследования, а именно: особенности военного строительства на Урале, формы участия союзной и несоюзной рабоче-крестьянской молодежи в борьбе с оккупантами, особенности проведения на Урале первой Всероссийской комсомольской мобилизации, определим общий вклад уральской молодежи в борьбу трудящихся против белогвардейцев и интервентов.

Трудящиеся Урала с первых дней мятежа мужественно сопротивлялись врагу. По решению обкома партии 29 мая был создан Революционный штаб Уральской области и Екатеринбурга для руководства всеми действиями по организации сил на борьбу с белочехами. В него вошли работники областного и городского Советов, военного комиссариата и штаба резерва Красной Армии. Революционным штабом была объявлена мобилизация «революционных сил во всех округах Уральской области»². 14 июня 1918 г. объявил мобилизацию в Красную Армию коммунистов Уралобком РКП(б)³. Областная партийная организация дала фронту 20 тыс. коммунистов⁴.

Решения ЦК и Уралобкома РКП(б) по мобилизации сил для

отпора врагу легли в основу работы уральских союзов молодежи. Формы участия членов социалистических союзов рабочей молодежи (ССРМ) и революционно настроенной трудящейся молодежи в разгроме интервентов и белогвардейцев были разнообразны. Одной из них являлись всеобщие мобилизации в Красную Армию, к которым приступили местные органы военного управления на Урале по согласованию с органами Советской власти. Одним из первых был объявлен призыв на военную службу рабочих и крестьян 1893—1897 гг. рождения согласно декрету Совета Народных Комиссаров от 11 июня 1918 г. Военные органы провели мобилизацию в 6 уездах Уфимской губернии, 5 Оренбургской и 4 Пермской губернии⁵. В августе была объявлена мобилизация на Восточный фронт рабочих и крестьян 1898 г. рождения⁶. Следовательно, в период интенсивного строительства Красной Армии в ее рядах оказалось значительное количество уральской молодежи. Всего за вторую половину 1918 г. было призвано в Красную Армию только в Пермской и Вятской губерниях 80 999 человек⁷.

Другой формой участия молодежи в борьбе с интервентами и белогвардейцами являлись добровольческие мобилизации на фронт. Данные мобилизации не были предусмотрены планами военных органов. Они были вызваны чрезвычайными обстоятельствами (мятеж чехословацкого корпуса и усиление контрреволюционных выступлений) и проводились с учетом конкретного положения на местах по решению партийных, советских, общественных организаций (профсоюзов, комитетов ССРМ).

Мобилизация была, по существу, добровольческой. При ее проведении не устанавливалась определенной нормы вовлечения в Красную Армию. Однако близость фронта, преданность большевистской партии, молодость членов организации породили и применение элементов обязательности. Причем обязательность вступления в Красную Армию в разных организациях воспринималась по-разному. В близких к фронту районах союзы молодежи сразу принимали решение об обязательном зачислении в боевые отряды, дружины всех. В первые дни мятежа в полном или почти полном составе ушли в Красную Армию члены Белорецкого, Верхнетуринского, Верхнеуфалейского, Златоустовского, Верх-Исетского, Чусовского и других союзов молодежи. А такие организации, как Златоустовская, Чусовская, мобилизацию провели за один день. Собрание Чусовской организации приняло следующую резолюцию: «Все члены Союза, могущие держать винтовки, вступают во 2-ю добровольческую роту, и вся организация в количестве 80 человек уходит на фронт»⁸. 5 июня были отправлены на фронт все члены Тюменской организации ССРМ⁹. Не случайно прифронтовые районы дали наибольшее количество мобилизованных, например, Тюменская — более 200 членов ССРМ, Алапаевская — 300¹⁰.

Иначе обстояло дело в сравнительно отдаленных от фронта районах, где в формируемые для отправки на фронт отряды вступали отдельные представители, группы членов социалистических союзов молодежи. Так, на борьбу с чехословаками в составе отдельной роты под руководством В. С. Федотова отправились в июне 1918 г. представители Мотовилихинского союза молодежи С. Варов, А. Тимофеев, В. Шлыков, Н. Миков и др.¹¹ Своих лучших членов для отправки на фронт выделили Лысьвенская, Кунгурская, Верхнесалдинская, Верхнесинячихинская и другие организации¹². Много членов ССРМ накануне чехословацкого мятежа находились в сформировавшихся полках Красной Армии, которые с начала интервенции вступили в решающую схватку с белогвардейцами.

В ряды защитников Советской власти вставала и несоюзная молодежь из рабочих и крестьян. Собрания трудящихся заканчивались, как правило, принятием резолюций, в которых выражалась готовность «всем как один» идти защищать родной Урал от врагов. В некоторых случаях даже принимались обращения к Советам о всеобщей мобилизации. Так, собрание рабочих доменного и мартеновского цехов Надеждинского завода 14 июня 1918 г. вынесло решение о немедленной отправке на фронт всех рабочих, начиная с 18-летнего возраста¹³. Подобные резолюции приняли рабочие Алапаевского, Верхнесинячихинского, Верхнетуринского, Нижнешайтанского, Катав-Ивановского, Богоявленского, Кунгурского заводов¹⁴. В некоторых заводах возрастной ценз подлежащих отправке на фронт снижался до 16 лет¹⁵. В составе боевых дружин и отрядов сражалась и крестьянская молодежь¹⁶.

В начальный период гражданской войны на Урале действовало огромное количество мелких подразделений: отряды, дружины, роты, команды. Обстановка не позволяла произвести быстрое переформирование мелких отрядов в более крупные, влить их в имеющиеся регулярные части. В начале июля 1918 г. численность подобных соединений на Северо-Урало-Сибирском фронте составляла 43%¹⁷.

Члены ССРМ, молодежь заводских поселков Урала большей частью вливалась в мелкие добровольческие отряды. В первые дни войны в составе красногвардейского отряда ушли на фронт около 30 членов ССРМ Михайловского завода¹⁸. Свыше 50% численности Миньярского отряда также составляла рабочая молодежь¹⁹. Еще большим был процент молодежи в Екатеринбургском отряде П. И. Жебенева: он состоял из юношей и девушек на $\frac{2}{3}$ ²⁰. Активно вступала рабочая молодежь Екатеринбурга в отряды П. Д. Хохрякова, предназначавшиеся для отправки в район Тюмени²¹, и Н. Г. Толмачева. В состав последнего вошли члены городского и областного комитетов ССРМ С. Белых, П. Завьялов,

Р. Я. Юровская и др.²² Отряд, комиссаром которого был И. М. Малышев, выехал на Златоустовский фронт. Его незаменимым помощником стал член Уральского областного комитета ССРМ С. Белых.

В составе рабочих отрядов отправились также на борьбу с белогвардейцами и интервентами члены ССРМ, несоюзная молодежь Алапаевска, Перми²³. Данные по Пермской организации ССРМ говорят о том, что только в один заводской отряд, сформированный 14 августа, вошли 145 членов союза.

В летний период 1918 г. в промышленных центрах Урала для борьбы с белогвардейцами организовывались отдельные союзно-молодежные боевые единицы — взводы, роты, команды. Наиболее характерным примером является подразделение союза молодежи в Сводном алапаевском отряде, военным комиссаром которого был молодой большевик С. Павлов. Командиром подразделения, ставшего затем взводом роты, стал В. С. Федотов²⁴.

Молодежной по составу была Белорецкая кавалерийская сотня, которой командовал Г. Д. Штырляев²⁵. В составе Сводного уральского отряда сотня совершила легендарный рейд по белогвардейским тылам и в сентябре 1918 г. вышла в распоряжение 3-й армии Восточного фронта в районе Кунгура.

Самостоятельные союзно-молодежные отряды и дружины были созданы в Верхнем Уфалее, Златоусте, Нижних Сергах, Осе, Чусовой²⁶. Три отряда из рабочей молодежи, членов ССРМ дали фронту Мотовилихинский завод²⁷.

Молодежные подразделения, выделенные из общего состава добровольцев, отличались мобильностью, крепкой дисциплиной, целеустремленностью. Велико было их положительное влияние на основную массу бойцов. Самостоятельные боевые единицы из членов ССРМ или несоюзной молодежи существовали только в начальный период гражданской войны. Это было связано, во-первых, с тем, что формировались добровольческие отряды на ходу, в основном по территориально-производственному принципу; во-вторых, не нарушали первоначального состава сформированных отрядов; в-третьих, подобные молодежные объединения в этот период оказывали важное политико-воспитательное, организующее влияние на основную массу красноармейцев, что было чрезвычайно важным для обороны Урала в начальный период войны.

С момента перехода к реорганизации добровольческих отрядов в части регулярного типа молодежные боевые единицы были расформированы, направлены на пополнение в подразделения регулярной Красной Армии. Так, в 3-й батальон 1-го Коммунистического полка (позднее Коммунистический полк Красных Орлов) был влит отряд Алапаевского союза молодежи. Накануне комиссар полка А. А. Юдин обстоятельно разъяснил политическую цель дан-

ного мероприятия. Он говорил, что это «увеличит рабочее ядро... политически организованной молодежью, что основная масса крестьянская будет внимательно следить за нами, и нужно, чтобы каждый из ребят не посрамил чести Алапаевского союза молодежи»²⁸. Впоследствии члены отряда стали ядром комсомольской организации полка, помогли коммунистам преодолеть вредные настроения партизанщины среди бойцов, сделать полк одним из самых дисциплинированных.

В состав одной из частей 3-й армии вошла молодежная рота Нижнесергинского завода²⁹. В течение лета один за другим боевые рабочие молодежные отряды вливались в части регулярной Красной Армии. Среди них были три отряда Мотовилихинского завода, Тюменский, Белорецкий и др.³⁰

В период комплектования армии Уральский окружной военный комиссариат сводил мелкие подразделения в полки с едиными штатами. Важной особенностью формирования армии было то, что нередко состав подразделений был по возрасту молодым. Так, основу 2-го горного полка составляли молодые рабочие Каслинского, Уфалейского, Полевского, Кыштымского, Сысертского и других заводов. В среднем красноармейцам было по 22 года³¹. Значительное количество молодежи имелось в 1-м Уральском стрелковом полку, 2-й особой Осинской роте и т. д.³²

Формирование добровольческих отрядов из комсомольцев и несоюзной молодежи Урала практиковалось и после перехода к комплектованию армии на основе всеобщей воинской повинности. Этому способствовало решение II областного съезда ССРМ о создании боевых дружин и отрядов для борьбы с белогвардейцами и интервентами. Целенаправленное наступление Красной Армии в ноябре 1918 г. продиктовало необходимость ускорения этой работы. Обком РКСМ³³ формировал отряды для немедленной отправки на фронт. «В этот момент ни городской, ни областной комитеты молодежи не могли точно учесть свои силы, — вспоминает ветеран Мотовилихинской организации РКСМ И. Яковлев, — так как молодежь уходила ежедневно с организующимися отрядами на фронт»³⁴.

Непосредственно областным комитетом РКСМ в декабре 1918 г. было сформировано для фронта два подразделения численностью более 100 человек³⁵. Одно из них было направлено в район Нижнего Тагила, где шли ожесточенные бои с белогвардейцами, другое — оставлено при Пермской губчека. В период эвакуации из Перми областной комитет РКП(б) привлек комсомольцев для сопровождения эшелонов. Эвакуационной комиссией, возглавлял которую член обкома РКСМ, было создано 4 группы по 8—12 человек каждая³⁶. В их задачу входило сопровождение эшелонов с семьями коммунистов, советских работников, делами областного

комитета РКСМ, имуществом учреждений и т. д. Проводив эшелон в Вятку, комсомольцы отправились на фронт.

Весной 1919 г. империалисты подготовили комбинированный поход против Советской власти всех белогвардейских армий. Ведущая роль в этом походе отводилась Колчаку, главным направлением был избран путь Пермь—Вятка—Вологда³⁷. Сформировав и вооружив с помощью западных держав 400-тысячную армию, Колчак в начале марта 1919 г. перешел в генеральное наступление по всему фронту и в течение короткого времени вновь захватил Сарапул, Ижевск, Уфу, Воткинск, создал угрозу ряду южноуральских городов. Восточный фронт вновь стал основным фронтом Советской республики.

Развернутая программа мобилизации всех сил республики Советов на разгром Колчака была намечена В. И. Лениным в «Тезисах ЦК РКП(б) в связи с положением Восточного фронта». Руководствуясь этой программой, Центральный Комитет партии, местные партийные и советские органы провели большую работу по мобилизации сил страны. Только весной 1919 г. на Восточный фронт отправилось около 15 тыс. коммунистов, не менее 60 тыс. членов профсоюзов, а всего с апреля по июнь в составе вновь формируемых частей и маршевых рот было направлено 272 300 человек³⁸.

В условиях ожесточенного сопротивления наступавшему противнику партийные организации прилагали огромные усилия, чтобы осуществлять руководство всеми организациями, мобилизовать все средства на отпор колчаковцам. Основываясь на решении губернских, городских партийных, советских и общественных организаций, Вятский военно-революционный комитет предложил советским организациям мобилизовать не менее 10% своих членов, а комсомольским — всю молодежь, желающую идти на фронт³⁹.

По призыву партии на помощь Восточному фронту выступил комсомол страны. 16 апреля 1919 г. ЦК РКСМ объявил первую Всероссийскую мобилизацию комсомольцев. Согласно постановлению ЦК РКСМ организации прифронтовой полосы, в том числе и Вятской губерний, должны были мобилизовать 20% всех членов организации, передав их в распоряжение местных партийных комитетов⁴⁰.

Постановление ЦК РКСМ встретило горячую поддержку молодежи страны. В Москве, Петрограде, Саратове, Витебске и других городах формировались добровольческие комсомольские отряды.

Вятская губернская комсомольская организация, руководствуясь указаниями военно-революционного комитета и ЦК РКСМ, приняла постановление об увеличении количества мобилизуемых комсомольцев до 50%. «Восточный фронт, — говорилось в обра-

щении губкома РКСМ к молодежи губернии, — стал самым опасным и важным. На хребтах Урала решается судьба трудящихся, их свободы и независимости. Все наши завоевания, фабрики и заводы, земли и леса, свобода и счастье молодежи будут отняты, если мы не сметем с лица земли Колчака. Наш лозунг: «Молодежь, на фронт, на борьбу против тиранов, победим или умрем!»⁴¹

В период наступления Колчака комсомольские органы наряду с партийными, советскими и военными прибегают и к всеобщей добровольческой мобилизации. Как и ранее, она была вызвана чрезвычайными обстоятельствами.

При приближении белогвардейцев к Ижевску на казарменное положение перешли все комсомольцы города. Городской комитет партии распорядился выдать 32 винтовки для вооружения членов РКСМ⁴². Таким образом, комсомольцы вместе с коммунистами, трудящимися с оружием в руках могли защищать город. Они мужественно дрались за родную землю. Но силы были неравные. Город был оставлен. Искключительный героизм проявили комсомольцы, сдерживающие противника перед Долгим мостом, прикрывающие отход советских войск. «В самые жаркие минуты на поле боя появились даже малолетние ребята, которых комитет ...не включил в свои ряды. Никого не спрашивая, они самостоятельно пристроились к боевым порядкам и вступили в бой»⁴³, — вспоминает Л. Соковиков — председатель Ижевского комитета РКСМ.

В апреле—мае организация союза молодежи Советского уезда направила на фронт 81 человека, Яранского — 58, Слободского — 39, Котельничского — 227, Орловского — 224, Нолинского — 15. В частях 3-й армии сражались почти все комсомольцы Глазовского уезда⁴⁴. Добровольно записались в Красную Армию 80% малмыжских комсомольцев. Почти все они сражались с белогвардейцами в составе 56-го образцового Костромского полка 21-й дивизии 2-й армии, вспоминает ветеран организации А. К. Кадыров⁴⁵. Рвалась на фронт и молодежь, которой еще не исполнилось 16 лет. Учитывая это, губком РКСМ вопрос о мобилизации 16-летних передал на рассмотрение военкомата.

«Правда», отмечая героизм комсомольцев прифронтовых районов, сообщала в начале мая, что на фронте сражается с белогвардейцами половина комсомольцев Вятской организации⁴⁶. Все-го, по далеко неполным данным, мобилизация, объявленная губкомом РКСМ, дала фронту около 1000 членов РКСМ⁴⁷.

В полном составе вошли в состав Красной Армии организации прифронтовых районов Пермской и Уфимской губерний⁴⁸. В начале мая были на фронте все комсомольцы Оренбуржья⁴⁹, несмотря на то, что ЦК РКСМ отменил мобилизацию в губернии, учи-

тивая, что в ней не закончено организационное оформление РКСМ.

Первая Всероссийская мобилизация, объявленная ЦК РКСМ, дала Восточному фронту 10 тыс. комсомольцев⁵⁰. Она показала зрелость комсомола страны, его готовность быть в первых рядах на самых важных фронтах борьбы за власть Советов вместе с коммунистами. Одновременно «мобилизация, — говорил на II съезде РКСМ секретарь О. Рывкин, — оказала огромное влияние на ход всего движения. Она укрепила его и усилила рост нашей организации»⁵¹.

Наряду с комсомольцами активно прибегали к всеобщей добровольческой мобилизации революционно настроенные рабочие, в том числе и молодежь. Более 1500 рабочих железнодорожных мастерских, в числе которых было много молодежи, вооружились и встали в марте 1919 г. на защиту Уфы⁵².

В апреле 1919 г. мобилизовал трудящихся на защиту города Оренбургский губком РКП(б). В городе в спешном порядке формировались рабочие полки. В значительной степени их комплектование проходило из рабочей молодежи. В полки вступило более 7 тыс. рабочих города и около 4 тыс. крестьян из уездов⁵³. В это время была, например, сформирована 3-я кавалерийская дивизия, отличившаяся в боях с колчаковцами. За героизм, проявленный в боях с противником, за взятие Белебея приказом Реввоенсовета республики от 9 июля 1919 г. 13-й и 14-й кавалерийские полки бригады И. Д. Каширина были награждены почетными революционными Красными знаменами⁵⁴.

Опасность, нависшая над городом, вызвала величайший подъем среди молодежи, в частности подростков. Они помогали рыть окопы, подносили патроны и пищу защитникам города. Наиболее отважные пробирались в тыл врага и доставляли оттуда сведения о противнике. Многие вместе со взрослыми боролись с оружием в руках. Во второй половине апреля — начале мая их число в полках настолько выросло, что это стало предметом обсуждения на одном из заседаний губкома партии⁵⁵.

Ушли добровольно на фронт рабочие, начиная с 18-летнего возраста, Белохолуницкого, Песковского, Климского и других заводов Вятской губернии⁵⁶. Проведение всеобщей добровольческой мобилизации среди молодежи в прифронтовой полосе помимо пополнения воинских частей имело огромное значение и для вывода людских ресурсов из-под удара врага, лишая его возможности использовать эти ресурсы в своих интересах в случае временной оккупации. Справедливый, прогрессивный характер войны со стороны армии победившего пролетариата неизбежно породил среди ее воинов массовый героизм.

Несмотря на преимущества в военной организации и техническом оснащении, белогвардейские войска с самого начала граж-

данской войны встретили активное сопротивление Красной Армии на всех участках фронта. Так, на Златоустовском участке фронта добровольческие отряды почти месяц обороняли ряд южноуральских городов, препятствуя объединению Челябинской и Волжской групп белочехов. Однако обстановка тогда складывалась в пользу врагов Советской власти. Положение усугублялось белогвардейскими мятежами, вспыхнувшими в тылу, куда необходимо было перебросить часть действующих на фронте сил. С одним из отрядов, направленных на ликвидацию эсеров-меньшевистского мятежа в Кусинский завод, отправился И. М. Малышев. Выполнив задание, отряд на поезде возвращался в Златоуст, когда был атакован кулацко-эсеровской бандой, в схватке вместе с И. М. Малышевым погиб Савва Белых.

В период тяжелых боев на Златоустовском участке фронта героически сражались и пали смертью храбрых при обороне родного города молодые рабочие Миасса: А. Д. Винокуров, П. У. Гарин, А. Л. Колонович, П. Т. Марков, Л. С. Печенкин, И. И. Силкин и др.⁵⁷ Мученическим пыткам подвергся А. Д. Винокуров, попавший в плен к белым. За принадлежность к Социалистическому союзу молодежи он был приговорен к смертной казни. За мужество, с которым он шел на смерть — вместо мольбы о пощаде герой бросал в лицо палачам проклятия, выкрикивал большевистские лозунги — белогвардейцы подвергли его жестоким истязаниям, а затем связали проволокой и резали по частям, пока он не умер. Подобной расправе подвергся и его товарищ по боевой дружине П. У. Гарин. 19-летний боец мужественно переносил боль и страдания. Озверевшие белогвардейцы стреляли в юношу, отрубили ему сначала плечо, а потом, так и не добившись ответов, — голову⁵⁸.

В упорных боях с белочехами на Тагильском направлении прославился взвод, сформированный из Алапаевской организации ССРМ. Его комиссаром был председатель Алапаевского союза молодежи А. Серебряков⁵⁹. В бою в районе оз. Таватуй и ст. Верх-Нейвинск взвод попал в окружение. Однако благодаря мужеству и героизму молодых бойцов белогвардейское кольцо было разорвано. Противнику нанесен значительный урон. Взвод вышел из окружения, забрав всех раненых⁶⁰. Даже враги вынуждены были признать большое мужество и упорство, с каким сражались алапаевцы под Таватуем⁶¹.

Молодых бойцов-добровольцев не пугали трудности борьбы, предстоящая гибель на поле брани. С исключительным мужеством, верой в победу шли они на смертный бой с белогвардейцами. «До последней капли крови бороться за освобождение угнетенных! — поклялись перед отправкой на фронт члены Тюменского союза молодежи. — Всех изменников расстреливать без суда! На

фронте быть до полной ликвидации контрреволюции!»⁶² В ожесточенном бою с белогвардейцами и интервентами на ст. Марьяновка почти все члены этой организации погибли, защищая завоевания Октября.

Чудеса героизма совершали даже малолетние подростки. Не было страха перед смертью, была ненависть к врагам революции, желание победить во имя светлого будущего. Подобные мысли владели умами юных героев, оставшихся на позициях у д. Омутинское (близ Ялуторовска) при общем отходе войск. Не желая отступать, два 14-летних мальчика до последнего патрона в пулемете обстреливали вражеские цепи. Разъяренные белогвардейцы зарубили смельчаков⁶³.

Массовый героизм воинов свидетельствовал о высоких морально-политических и боевых качествах молодого поколения рабочих Урала. О них на I Всероссийском съезде РКСМ уральский делегат говорил: «Урал красен кровью той молодежи, которая умирает за революцию. С наступлением чехословаков почти все члены наших союзов ушли на фронт, и жертвы насчитываются тысячами»⁶⁴.

Таким образом, трудовой Урал мужественно сопротивлялся натиску интервентов и белогвардейцев. Рядом с коммунистами, под их руководством храбро сражались молодые уралыцы — члены Российского Коммунистического Союза Молодежи. РКСМ шел в авангарде молодых бойцов за Советскую власть, но наряду с членами РКСМ в защите Советской власти на Урале принимали участие широкие слои рабочих и крестьянской молодежи.

Основными формами участия молодежи в борьбе с оккупантами были всеобщие и добровольческие мобилизации. Характерной особенностью военного строительства на Урале являлось формирование молодежных добровольческих отрядов на заводах, при союзах молодежи с последующим вхождением их в общезаводской рабочий отряд, а затем — в одну из частей Красной Армии. Такой путь организации рабочих боевых отрядов и их дальнейшее существование объяснялись близостью фронта, в силу чего партийные организации сами принимали решения о формах вооружения рабочих, исходя из местных условий. С переходом к реорганизации добровольческих отрядов в части регулярного типа молодежные боевые единицы были расформированы и направлены в части Красной Армии. Численное пополнение рядов Красной Армии стало актуальной задачей комсомольских организаций весной 1919 г., когда партия и правительство наметили развернутую программу мобилизации всех сил республики Советов на разгром Колчака. Первая Всероссийская мобилизация, объявленная ЦК РКСМ, показала зрелость комсомола Урала, его готовность сражаться за Советскую власть.

Героизм, проявленный комсомольской и несоюзной молодежью при обороне Урала, свидетельствовал о том, что они выдержали проверку временем, доказали на деле свою политическую зрелость и глубокое понимание опасности, нависшей над страной.

¹ См.: Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов, 1919—1922: В 3 т. М., 1960. Т. 1. С. 345.

² Гражданская война на Южном Урале: Сб. документов. Челябинск, 1962. С. 40.

³ См.: Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1967. Т. 1. С. 341.

⁴ См.: **Петров Ю. П.** Строительство политорганов, партийных и комсомольских организаций армии и флота (1918—1968). М., 1968. С. 20.

⁵ См.: Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968. С. 42.

⁶ См.: Из истории борьбы советского народа против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 г. Сб. статей. М., 1956. С. 425.

⁷ См.: Уральцы бьются здорово. С. 49.

⁸ ПАОУ. Ф. 95. Оп. 2. Д. Л—3. Л. 91; **Подузков Н. К** истории первых союзов молодежи на Урале // Боевая молодость. Свердловск, 1958. С. 23.

⁹ См.: Песни отцов допоем: Очерки истории Тюменского комсомола. Свердловск, 1968. С. 14.

¹⁰ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 471. Л. 9, 32, 36; Песни отцов допоем. С. 13.

¹¹ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 312. Л. 148; Год рождения 1918. Пермь, 1958. С. 26.

¹² ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1763. Л. 3; Ф. 1417. Оп. 1. Д. 2 б. Л. 1—2, 11; **Просветов К.** Уральский комсомол в борьбе за Октябрь: Очерки по истории развития организаций ВЛКСМ на Урале. Свердловск, 1928. С. 80.

¹³ См.: Профсоюзы СССР в создании Красной Армии (1918—1920 гг.): Документы. М., 1940. С. 62.

¹⁴ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1253. Л. 3; Д. 881. Л. 6; ГАСО. Ф. 1913. Оп. 1. Д. 24. Л. 43; ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 158 Л. 250; Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 17 авг.

¹⁵ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 1253. Л. 3; ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 239. Л. 33.

¹⁶ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 158. Л. 178; Известия Пермского губернского исполнительного комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. 14 сент.

¹⁷ См.: **Молодцыгин М. А.** Добровольческие мобилизации на Урале в годы гражданской войны // Вопросы истории Урала. Свердловск, 1970. Вып. 16, сб. 19. С. 141.

¹⁸ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 785. Л. 13—14.

¹⁹ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 342. Л. 2.

²⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 630. Л. 67.

²¹ См.: Большевики Екатеринбурга во главе масс: Борьба за победу революции и укрепление Советской власти (1894—1920 гг.). Свердловск, 1962. С. 290.

²² Сообщение о существовании летом 1918 г. самостоятельного боевого отряда, организованного Уральским областным комитетом ССРМ, имеющееся в литературе (см.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 128—129; **Бузунов В. Е.** Разгром иностранной военной интервенции и колчаковщины на Урале // Социалистическое строительство на Урале: Сб. статей. Свердловск, 1957. С. 11), несостоятельно. Воспоминания ветеранов комсомола, названных в числе участников отряда, свидетельствуют о том, что они сражались с врагом в различных боевых подразделениях. Так, в частности,

В. И. Еремин, член Уралобкома ССРМ, был оставлен на подпольной работе в Екатеринбурге (ПАСО. Ф. 200. Оп. 2. Д. 5 ю. Л. 1; От поколения к поколению. Свердловск, 1964. С. 108; В боях и походах. Свердловск, 1959. С. 282—288; **Медведев А.** По долинам и по взгорьям. Свердловск, 1964. С. 103).

²³ ПАСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 630. Л. 149; Ф. 41. Оп. 1. Д. 532. Л. 123.

²⁴ См.: **Федотов В.** Молодые алапаевцы в гражданской войне // Боевая молодость. Свердловск, 1958. С. 64—65; **Он же.** Поколение победителей // В боях и походах. С. 114.

²⁵ См.: **Плотников И. Ф.** Десять тысяч героев. М., 1967. С. 35.

²⁶ ПАСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 439. Л. 32; Ф. 4. Оп. 10. Д. 630. Л. 149, 278; Разгром колчаковщины на Урале. Свердловск, 1939. С. 99; Юный пролетарий Урала (Екатеринбург.) 1918. № 5.

²⁷ См.: Большевицкая смена (Пермь). 1934. 4 нояб.

²⁸ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 580. Л. 33.

²⁹ ПАСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 439. Л. 32.

³⁰ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 532. Л. 109; Большевицкая смена. 1934. 7 нояб.; Юный пролетарий Урала. 1918. № 5. С. 17.

³¹ ПАСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 439. Л. 7.

³² См.: Путь красноармейца: Журн. парторганизации 3-й армии. 1919. № 1. С. 16—17; ПАСО. Ф. 4. Оп. 10. Д. 630. Л. 278.

³³ После I Всероссийского съезда (29 октября — 4 ноября 1918 г.) социалистические союзы молодежи стали именоваться коммунистическими.

³⁴ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 594. Л. 137.

³⁵ См.: На смену (Пермь). 1922. 31 дек.; ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 594. Л. 88.

³⁶ ПАСО. Ф. 221. Оп. 2. Д. 594. Л. 30.

³⁷ См.: **Спирин Л. М.** Разгром армии Колчака. М., 1957. С. 9.

³⁸ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 302, 303, 305.

³⁹ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 301.

⁴⁰ См.: Славные традиции: Сб. документов, очерков, воспоминаний. М., 1960. С. 34.

⁴¹ За власть Советов: Сб. воспоминаний старых большевиков — участников Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в Вятской губернии. Киров, 1957. С. 248.

⁴² См.: Трудящиеся Удмуртии в борьбе с Колчаком: Сб. документов. Ижевск, 1959. С. 34—36.

⁴³ Юность славная, боевая. Ижевск, 1957. С. 31.

⁴⁴ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 304.

⁴⁵ См.: **Кадыров А. К.** Боевая молодость // Выросли мы в пламени, в пороховом дыму: Сб. воспоминаний первых комсомольцев. Киров, 1957. С. 155—156.

⁴⁶ См.: Правда. 1919. 10 мая.

⁴⁷ В исторической литературе число мобилизованных губкомом РКСМ комсомольцев определяется в 800 (см.: Разгром колчаковщины на Урале: Сб. статей. Свердловск, 1939. С. 105; **Самохина С. И.** Боевой помощник коммунистической партии в разгроме колчаковщины. М., 1958. С. 15). Однако данные периодической печати и воспоминания ветеранов комсомольской организации губернии дают нам основание считать эту цифру явно заниженной (см.: Зарево (Вятка). 1920. № 1; Выросли мы в пламени, в пороховом дыму. С. 35, 58).

⁴⁸ См.: Деревенский коммунар (Уфа), 1919. 15 мая; Коммунар (Пермь). 1919. № 61; **Саяпов Т. Ш.** Ленинский комсомол Башкирии. Уфа, 1967. С. 42—43.

⁴⁹ См.: **Футорянский Л. И.** Дела вечно живые: Комсомол и молодежь Оренбуржья в годы гражданской войны. Челябинск, 1968. С. 34.

⁵⁰ См.: **Лебедев К. М.** Революционные традиции комсомола. Л., 1963. С. 14.

⁵¹ Второй Всероссийский съезд РКСМ: Стеногр. отчет. М.; Л., 1924. С. 47.

- ⁵² См.: За власть Советов. Уфа, 1961. С. 308.
⁵³ См.: **Футорянский Л. И.** Дела вечно живые. С. 29.
⁵⁴ См.: Боевые подвиги частей Красной Армии: Сб. документов. М., 1957.
С. 12.
⁵⁵ См.: Юность поколений: Документы, материалы и воспоминания по истории Оренбургской областной организации ВЛКСМ (1917—1970 гг.). Челябинск, 1973. С. 42.
⁵⁶ ЦПА ИМЛ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 8. Л. 23.
⁵⁷ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 189. Л. 6, 7, 8, 34; Д. 343. Л. 44, 45; Д. 342.
Л. 177.
⁵⁸ ПАЧО. Ф. 596. Оп. 1. Д. 189. Л. 6.
⁵⁹ См.: В боях и походах. С. 117.
⁶⁰ См.: Красный набат: Орган политотдела Военного Совета 3-й армии. 1918.
9 нояб.
⁶¹ См.: Урал. рабочий (Екатеринбург). 1918. 1 окт.
⁶² Цитируется по: Песни отцов допоем. С. 14.
⁶³ См.: Документы по истории гражданской войны в СССР / Под ред. И. Минца, Е. Городецкого. М., 1941. Т. 1. С. 369—370.
⁶⁴ Цитируется по: Ленинский комсомол: Очерки по истории ВЛКСМ. М., 1958. С. 88.

А. А. ОКРУГИН
Уральский университет

ПАРТИЙНОЕ РУКОВОДСТВО СОЗДАНИЕМ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОРГАНОВ ПО БОРЬБЕ С КОНТРРЕВОЛЮЦИЕЙ НА УРАЛЕ (1918—1920)

Коммунистическая партия Советского Союза с честью выполнила исключительно трудную задачу первопроходца в строительстве государственного аппарата нового типа, сумела защитить Советскую власть от бесчисленных покушений ее врагов. Организация борьбы с контрреволюцией, создание специальных органов, способных противостоять явным и тайным проискам противников диктатуры пролетариата, неразрывно связаны с именем В. И. Ленина.

По истории ВЧК опубликовано значительное число материалов, освещающих руководство партии Всероссийской и местными чрезвычайными комиссиями. Первым специальным исследованием по проблеме стала монография А. С. Велидова¹, в которой исправлены ошибочные, упрощенные и субъективистские трактовки отдельных событий и положений. Партийное руководство чрезвычайными комиссиями Среднего и Западного Урала предметом специальных научных изысканий не было.

Правдивое освещение роли Коммунистической партии в организации отпора контрреволюции на Восточном фронте является

важнейшим достижением современной историографии². Однако требует дополнительного изучения вклад чекистов Среднего и Западного Урала в обеспечение победы над войсками Антанты, а также в создание первых особых отделов — органов советской военной контрразведки. Оно необходимо тем более, что Восточный фронт рассматривался ЦК РКП(б) как школа создания регулярной Красной Армии, проверки методов военного строительства и партийно-политической работы в войсках.

Сначала функции по охране революционного порядка на Урале, выявлению и пресечению враждебных вылазок выполняли военно-революционные комитеты, созданные по образцу Петроградского и нередко обращавшиеся к нему за помощью. Именно ВРК при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов способствовал первым местным органам защиты народных завоеваний на Урале (Невьянск, Нижний Тагил, Мотовилиха) в получении оружия для подавления мятежей³.

После победы Великого Октября местные партийные организации и Советы сразу включились в борьбу с различными проявлениями контрреволюции. Так, в ноябре—декабре 1917 г. большевистский Екатеринбургский Совет организовал отдел исполкома по борьбе с контрреволюцией, который был возглавлен посланцем ЦК РСДРП(б) П. Д. Хохряковым⁴.

Открытые вооруженные выступления, усилившаяся подрывная деятельность шпионов, бандитов и прочих преступных элементов обусловили необходимость создания в республике особого учреждения для решительного подавления внутренних и внешних врагов — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров. Она по праву считается первой исторической формой советских органов государственной безопасности.

Непосредственное подчинение комиссии Совнаркому обеспечивало ей большую оперативность в выполнении задачи защиты революционных завоеваний, одновременно гарантировало действенный контроль как со стороны правительства республики, так и со стороны правящей большевистской партии, видевшей в ВЧК руководящий орган борьбы с контрреволюцией на территории всей России.

В отдельных научных трудах в качестве первых местных чрезвычайных комиссий упоминаются ЧК Саратова, Нижнего Новгорода, Петрограда и Москвы. Например, отдел по борьбе с контрреволюцией исполкома Саратовского Совета был образован 25 февраля 1918 г., а официальное наименование чрезвычайной комиссии получил в апреле. Нижегородскую комиссию местный исполнительный комитет организовал 11 марта на базе политического отдела Военно-революционного штаба⁵. Решения о создании Пет-

проградской и Московской ЧК были приняты соответственно ВЧК и Моссоветом в первой декаде марта⁶.

Первой на Урале и также одной из первых в стране стала комиссия по борьбе с контрреволюцией, организованная исполкомом Екатеринбургского Совета в конце февраля 1918 г. во главе с М. И. Ефремовым, членом партии с дореволюционным стажем, опытным подпольщиком и боевиком⁸.

В Перми аналогичный орган возник 15 марта 1918 г. под названием Чрезвычайного комитета по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и саботажем. Спустя два месяца его переименовали в губчека⁹.

В течение 1918 г. при непосредственном участии местных комитетов РКП(б) начали работать чрезвычайные комиссии в Нижнем Тагиле, Невьянске, Камышлове, Мотовилихе, Соликамске и других городах Среднего и Западного Урала. Чека были созданы в Кунгурском, Осинском, Оханском, Усольском, Чердынском уездах. На территории Пермской губернии их было до 30¹⁰.

Образование этих звеньев чекистского аппарата I Всероссийская конференция ЧК определила одной из основных задач, а также постановила «...предложить Совнаркому передать охрану всей железнодорожной сети в надежные руки чрезвычайных комиссий»¹¹. 26 июля 1918 г. Советское правительство приняло отредактированное В. И. Лениным «Обращение СНК ко всем железнодорожникам», где говорилось о задачах чекистских органов на железнодорожном транспорте, а 7 августа приняло решение образовать при ВЧК «особый железнодорожный отдел»¹².

Организовать транспортные отделения ЧК и должным образом наладить их работу удалось при помощи местных партийных ячеек. Уже осенью 1918 г. уральские чекисты докладывали о задержании на железной дороге многочисленных «...спекулянтов, мешочников и других типов»¹³.

Следует отметить, что такая форма спекуляции, как мешочничество, возникшая еще во время первой мировой войны на почве продовольственного кризиса и вредившая всей хлебозаготовительной работе Советской власти, достигла к тому времени огромного размаха. По данным ЦСУ, в 1918—1919 гг. из 26 губерний было вывезено 143,8 млн пудов хлеба, из них продорганами — 77,8 млн, мешочниками — 66 млн пудов¹⁴.

Внутренние и внешние враги страны объединились в единый блок. В уральских городах и уездах начались волнения, вооруженные вылазки. Инспирировали их такие одиозные эсеровские лидеры, как Савинков, Авксентьев и действовавшие на Южном Урале и в Восточной Сибири казацки атаманы Дутов и Семенов, которые забрасывали свою агентуру и на Средний Урал. Опасным оказался Невьянский мятеж, всколыхнувший в июне 1918 г. кула-

чество Верх-Нейвинска и 4 волостей¹⁵. Почти одновременно началось восстание в Красноуфимском уезде Пермской губернии. В Екатеринбурге предприняли попытку открытого выступления бывшие офицеры царской армии из Николаевской военной академии генштаба. Группы белогвардейцев намеревались освободить семью экс-монарха Романова и свергнуть в городе Советскую власть¹⁶.

По Восточному фронту прокатилась серия предательских актов. Органы военного контроля не справлялись с задачами по предотвращению подобных преступлений. Некоторые губчека действовали в прифронтовой полосе разрозненно, а потому без должного эффекта. В целях пресечения враждебных проявлений в армии и укрепления тыла Совет Народных Комиссаров постановлением от 16 июля 1918 г. за подписью В. И. Ленина поручил члену Коллегии ВЧК М. Я. Лацису организовать чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте¹⁷.

В район ее действия вошли Пермская, Вятская и другие губернии. Поэтому комиссии непосредственно подчинялась Пермская (после освобождения территории от белочехов), а в оперативном плане и Вятская губчека¹⁸. Так, приказом № 9 чрезвычайная комиссия на Чехословацком фронте указывала ЧК прифронтовых городов на широкую агитацию священнослужителей против Советской власти. Приказ № 16 предлагал «имущество всех бежавших конфисковать для передачи бедноте и пострадавшим от контрреволюции»¹⁹.

Особое значение имел вопрос о чистоте рядов чрезвычайных комиссий, поэтому повышенное внимание в этом плане областная парторганизация уделяла сигналам с мест. Например, в августе — сентябре 1918 г. были вскрыты злоупотребления отдельных сотрудников Усольской уездной и Соликамской горчека, о чем председатель РК профсоюза работников водного транспорта А. Д. Кондряков сообщил в Пермь, а член исполкома Усольского Совета А. П. Горбунов — в Москву. Предгубчека П. И. Малков сразу направил заявление Кондрякова в Уральский обком РКП(б). 27 сентября А. Г. Белобородов, предварительно побывавший в Усолье, доложил на заседании Уралобкома, что возглавлявший местную «чрезвычайку» Н. Морозов действительно злоупотреблял спиртными напитками, совершил ряд других «предосудительных поступков». Обком постановил отозвать Морозова в Пермь и запретить ему «...занятие ответственных постов как в партии, так и в Советах». Одновременно было решено подготовить постановление в отношении пьянства, касающееся права местного населения контролировать деятельность советских работников. 21 октября комиссия из представителей уездной и городской фракции коммунистов, уездной ЧК, горисполкома, военкомата завершила проверку в Соликамске. Она отстранила от должности председателя горчека Верекина. 30 ноября Усольский уком исключил 4 бывших сотруд-

ников ЧК Соликамска, в том числе Веревкина, из рядов РКП(б) и одного сотрудника отозвал с этой работы²⁰.

В декабре 1918 г. следственная комиссия ревтрибунала сообщила Вятскому губисполкому о привлечении к ответственности коллегии губернской ЧК «... за вмешательство в компетенцию комиссариата юстиции, преступление по должности, способствование (невольное) побегу двух арестованных». Обвинение не было полностью доказано, и Уральский ОК и Вятский ГК РКП(б) воспрепятствовали решению «... о направлении этого дела в Верховный трибунал»²¹. Этот факт, как и вышеизложенные, наглядно показывает несостоятельность искаженного представления о чекистских органах, действовавших якобы бесконтрольно и творивших беззаконие.

Еще ранее Пермская ЧК доставила в Москву орудия пыток, применявшиеся белогвардейцами в Оханском уезде. Изготовленные под страхом расстрела местными кустарями кастеты, прутья, кинжалы использовались при допросах; нагайка из железной цепи с гирей и гвоздями наносила жертве около 10 ран сразу. Но даже в ответ на такие факты самоуправство не допускалось. «Это может лишний раз подтвердить то мягкосердечие, великодушие, какое проявляет пролетариат в борьбе против своих непримиримых врагов», — так заканчивал одно из сообщений в печати иногородний отдел ВЧК²².

Поэтому только голословными и клеветническими можно назвать рассуждения типа высказываний бывшего директора ЦРУ США А. Даллеса, пытавшегося приравнять ВЧК к террористическому, полицейскому учреждению, которое якобы ликвидировало людей лишь по подозрению в буржуазном происхождении²³. Для объективной оценки положения дел достаточно вспомнить жесточайшую критику В. И. Лениным проявлений «спецеедства», названных им «величайшей глупостью, несущей величайший вред коммунизму»²⁴.

Местные чрезвычайные комиссии, как и ВЧК, являлись неотъемлемой частью советского государственного аппарата. Руководство ими занимало важное место в работе уральских партийных организаций, последовательно выполнявших ленинские требования о главенстве Коммунистической партии во всех важных политических и организационных вопросах²⁵.

Примером тщательной проверки партийных, советских и чекистских органов Уральской области служит деятельность комиссии ЦК РКП(б) и Совета обороны в составе Ф. Э. Дзержинского и И. В. Сталина, созданная для расследования обстоятельств падения Перми²⁶.

В связи с захватом Екатеринбурга противником Екатеринбургская чрезвычайная комиссия вместе с другими учреждениями эва-

куировалась в Пермь, где оставалась областным органом, а после падения Уфы слилась с Пермской ЧК, распространяя влияние лишь на уезды Вятской и других губерний, не захваченные белогвардейцами. В Перми облеча, кроме выполнения прямых функций, активно участвовала в формировании красноармейских частей, в отправке их на фронт. Она же укомплектовала пароход «Левшино» командой из своего отряда и направила его для боевых действий по маршруту Оса—Оханск²⁷.

Эвакуировавшись из Перми в Вятку, Уральская облеча из-за отсутствия гарнизона несла охрану города, арестовала 23 бывших полицейских, 8 монархистов и значительное число прочих лиц, проникших в советские органы с контрреволюционными целями, уличенных в антисоветской агитации, подготовке заговоров. Брошенные «ценности из домов бежавших капиталистов» были конфискованы лишь после того, как чекисты вошли с предложением по этому поводу в местный Совет. Одновременно они пресекли спекуляцию кожей, скупавшейся для переправки белочехам, вели решительную борьбу с мешочничеством.

Уралобком РКП(б), докладывая в ЦК о поражении в районе Перми и необходимости партийного следствия по этому делу «...для радикальной партийной переоценки в общероссийском масштабе методов строительства Красной Армии», подчеркивал факты массовых измен и откровенного саботажа, характерных для ряда подразделений 3-й армии и говоривших о низком уровне контрразведывательной деятельности в войсках²⁸.

Было установлено, что за чекистскими органами в Вятке отсутствовал необходимый партконтроль, а их действия во многом были ошибочными²⁹. Объединенное заседание исполкомов областного и Вятского губернского Советов, представителей ВЧК и президиумов трех вышеназванных органов, а также совместное заседание Уральского областного комитета и Вятского губкома партии рассмотрели факты злоупотреблений, преступлений по должности сотрудников ЧК Вятки и приняли решение о слиянии последней с облеча во избежание дублирования в работе. Здесь же были обсуждены и утверждены 8 членов коллегии во главе со Швейкиным. 19 января объединенное заседание областного, вятских губернского и городского комитетов РКП(б), а также соответствующих исполкомов, в котором участвовали Ф. Э. Дзержинский и И. В. Сталин, постановило расформировать ряд органов областного масштаба и организовать военно-революционный комитет, в который представителем от ЧК вошел П. И. Малков³⁰. Это позволило в короткий срок значительно оздоровить оперативную обстановку и поднять боеспособность уездных чрезвычайных комиссий³¹.

РКП(б) в условиях постоянного дефицита кадров изыскивала

возможности укрепления чекистских коллективов. Весной 1919 г. Центральный Комитет обязал губкомы вернуть в ЧК лучших сотрудников, отозванных за последнее время на иные посты³². В октябре того же года циркулярным документом вновь разъяснялось, что борьба с контрреволюцией вынуждает отдавать «лучшую и большую часть своих сил». Однако «некоторые организации впадают в ошибку и мобилизуют тех товарищей...», работа которых непосредственно связана с обороной. ЦК предложил руководствоваться интересами дела «в совокупности» и не мобилизовать ряд ответственных должностных лиц, в том числе членов президиумов ЧК. На Урал была прислана также телеграмма Всечрезвычайкома, где говорилось: «Никто не имеет права мобилизовывать чекистов — комиссаров, членов коллегий, представителей без согласия ВЧК... ЧК являются боевым органом внутреннего фронта. Важные задачи, возложенные на ЧК партией, могут быть выполнены только при хороших работниках»³³. Уральские организации РКП(б) приняли соответствующие меры. Так, Пермский губком 27 октября 1919 г. постановил послать в губчека 23 коммуниста из оставшихся в его распоряжении.

В целях повышения политической и оперативной подготовки чекистов ВЧК открыла сначала трехнедельные, а затем двухмесячные курсы. ЦК РКП(б) требовал подбирать курсантов безукоризненной честности, преданных делу пролетарской революции, и дал разнарядку, согласно которой Екатеринбургский и Пермский губкомы обязывались выделять для обучения по 7 коммунистов³⁴. Выполняя это распоряжение, коллегия Уральской облчека командировала в Москву лучших сотрудников оперотделов. Идеино-политическому воспитанию чекистских кадров, а также повышению их профессионального мастерства уделялось внимание и на местах. Члены коллегий Уральской областной, губернских и уездных комиссий обязательно выписывали «Еженедельник ЧК» для руководства в повседневной работе. Ввиду особой сложности работы чекистов «и недостатка ответственных партийных сотрудников» облчека ввела ежедневные занятия «с 8 до 10 часов вечера»³⁵.

Важная роль отводилась лекционной пропаганде. Лекции по разнообразным темам читались в нескольких группах партийной Екатеринбургской губчека. Практиковалась подготовка рефератов. Лекции и собеседования проходили в особом отделе 3-й армии. На общем собрании коммунистов и сочувствующих 23 октября 1919 г. кроме оргвопросов были заслушаны сообщения о текущем моменте и проведении партийной недели, о том, «...как скорее усвоить и понять читаемые рефераты и беседы». Агитационно-просветительный отдел Пермского губкомиссариата по военным делам направил в 2 роты отряда ВЧК своего лектора, который выступил с докладами по таким вопросам, как отличие социалисти-

ческого общества от капиталистического, отличие Красной Армии от дворянской и буржуазной и др. В «Обзоре-бюллетене» Екатеринбургской ЧК отмечалось, что политработа в частях ВЧК в отличие от некоторых других военных формирований протекает удовлетворительно³⁶.

От чекистских парторганизаций как входящих в число передовых требовалась и соответствующая отдача. В ноябре 1919 г. один из райкомов Перми предписал ячейке губчека «планомерно углубить и расширить партийную работу», совместно с культпросветом организовать кружки по научно-политическим, специально-экономическим и иным вопросам, «наиболее подготовленных коммунистов привлечь немедленно к мероприятиям среди рабочих и красноармейских масс». Спустя короткое время ответственный организатор доложил заседанию райкома, на котором заслушивались представители 40 ячеек, следующее. В губчека 120 коммунистов и 96 беспартийных служащих. Есть культурно-просветительная комиссия, ведущая также работу при клубе 22-го батальона и 33-й бригады. Таким образом, ячейка «обслуживает до 1000 человек», к ней «отношение хорошее».

Несмотря на огромную загруженность, парторганы постоянно уделяли внимание жизни и деятельности чекистских коллективов. По неполным данным, Пермский губком партии только за вторую половину 1919 г. 37 раз рассматривал вопросы работы губчека, в том числе кадровые и организационные. В 8 случаях материалы обсуждения передавались в ЧК для окончательной доработки и принятия решения³⁷.

Ныне на Западе продолжают спекуляции по поводу чрезвычайных полномочий ВЧК в отношении контрреволюционеров, умышленно игнорируется их вынужденный характер. Вместе с тем вся работа ВЧК соответствовала преобразующей деятельности Советской власти и целиком подчинялась благородному делу защиты революционных завоеваний трудящихся, задачам строительства социализма. Наши органы госбезопасности «всегда были и есть плоть от плоти советского народа». В этом состоит их принципиальное отличие от спецслужб буржуазных государств³⁸. Изучение партийного руководства ВЧК и чекистскими аппаратами на местах остается для историков одной из самых актуальных задач, поскольку без качественной разработки ее нельзя глубоко уяснить источники побед Советской власти, роль и содержание огромной работы партии, В. И. Ленина как организаторов разгрома контрреволюции. Немалый интерес в этой связи представляет деятельность партийных организаций по созданию и укреплению чрезвычайных комиссий на Урале, которые были сформированы одними из первых в республике в условиях, нехарактерных для других регионов, и внесли свой вклад в обеспечение побед Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Опыт, накопленный КПСС по защите народных завоеваний, имеет непреходящее значение для практической деятельности КГБ СССР, других правоохранительных органов.

¹ См.: Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК (1917—1920). М., 1967.

² См.: Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л. и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969. С. 23.

³ См.: Адамов В. В., Беляев С. А., Быстрых Ф. П. и др. Борьба за победу Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1961. С. 359—361, 374.

⁴ Краткую библиографию см.: Захаров С. А. Матрос революции. Свердловск, 1979. С. 126.

⁵ См.: Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. С. 30, 51.

⁶ См.: Там же; МЧК: Из истории Московской чрезвычайной комиссии (1918—1921): Сб. документов. М., 1978. С. 4.

⁷ См.: Якуба О. М. Чрезвычайные органы советского социалистического государства // Учен. зап. Сverdл. юрид. ин-та. 1945. Т. 1. С. 12.

⁸ См.: Янтовский З. А. Первый выстрел генерального боя // Сердца, отданные революции. Свердловск, 1971. С. 127—150; ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 256. Л. 34; Ф. 221. Оп. 2. Д. 776.

⁹ См.: Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Документы и материалы. Пермь, 1966. С. 110—111.

¹⁰ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959. С. 45.

¹¹ Из истории Всероссийской чрезвычайной комиссии: Сб. документов (1917—1921). М., 1958. С. 137.

¹² См.: В. И. Ленин и ВЧК: Сб. док. (1917—1922). М., 1975. С. 99—102.

¹³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 670. Л. 13, 23.

¹⁴ См.: Восьмой съезд РКП(б): Протоколы. М., 1959. С. 49, 526.

¹⁵ См.: Кин Т. Г., Софронов Г. П., Феофанов П. Г. Первый Рабоче-Крестьянский: Боевой путь Первого Рабоче-Крестьянского полка (1918—1922). Свердловск, 1978. С. 5, 9—12; Документы по истории гражданской войны. М., 1940. Т. 1. С. 360—361; и др.

¹⁶ См.: Васьковский О. А., Молодцыгин М. А., Ниренбург Я. Л. и др. Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 122; Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 158; и др.

¹⁷ См.: Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 3. С. 37—38.

¹⁸ См.: Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. С. 62—63.

¹⁹ Красный террор: Еженедельник ЧК по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте. 1918. № 1. С. 2, 11.

²⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 22, 34; Д. 4. Л. 26; Д. 31. Л. 41—43.

²¹ Там же. Д. 4. Л. 81, 82; См. также: Якуба О. М. Чрезвычайные органы советского социалистического государства. С. 14, 15.

²² Красный террор. 1918. № 1. С. 30.

²³ См.: Даллес А. Искусство разведки. М., 1964. С. 88.

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 410.

²⁵ См.: Там же. Т. 41. С. 30—31, 404.

²⁶ См.: Феликс Эдмундович Дзержинский: Биография. М., 1983. С. 221—226 и др.

²⁷ См.: Якуба О. М. Чрезвычайные органы советского социалистического государства. С. 12.

- ²⁸ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 68—75.
²⁹ См.: Сталин И. В. Соч. М., 1947. Т. 4. С. 214—215.
³⁰ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 4. Л. 78—82, 84—87.
³¹ См.: Еженедельник ЧК. 1918. № 1. С. 18—20; Рябухин Е. И. В борьбе с контрреволюцией. Киров, 1959. С. 92—93.
³² См.: В. И. Ленин и ВЧК. С. 169—170.
³³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 868. Л. 9, 55; Д. 863. Л. 37.
³⁴ См.: Велидов А. С. Коммунистическая партия — организатор и руководитель ВЧК. С. 175—176.
³⁵ ПАСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 5. Л. 11, 12, 32, 33.
³⁶ ПАСО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 16. Л. 21, 23, 25, 27, 33, 36, 54; Ф. 76. Оп. 1. Д. 8. Л. 10; Ф. 4. Оп. 1. Д. 6. Л. 64; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 82. Л. 2.
³⁷ В это время в первом полку 33-й бригады, ячейка которого заслушивалась вместе с губчека, насчитывалось 120 членов партии. В уездном военкомате на 100 служащих приходилось 6 коммунистов и 5 сочувствующих (подсчитано автором: ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 861. Л. 38, 41, 42, 44, 46, 47; Д. 862, 863).
³⁸ См.: Чебриков В. М. Выступление на XXVII съезде партии // Правда. 1986. 1 марта; Военные контрразведчики: Особым отделам ВЧК—КГБ 60 лет. М., 1978. С. 5.

Н. И. МУЗАФАРОВА
 Уральский университет

ИЗ ИСТОРИИ ЦЕРКОВНОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ НА УРАЛЕ

Более семи десятилетий отделяют нас от героической победы социалистической революции и успешной защиты ее завоеваний в гражданской войне и от иностранной интервенции. В обращении ЦК КПСС к советскому народу по случаю юбилея Октябрьской революции говорилось, что в памяти людей будут жить революционеры, которые через все невзгоды и испытания отстояли Республику Советов от империалистов и белогвардейцев, принесли непоколебимую верность коммунистическим идеалам¹. Освещение некоторых страниц истории борьбы большевистских организаций Урала против церковной контрреволюции в первые годы Советской власти и составляет содержание данной статьи.

Церковная контрреволюция возникла в конце 1917 г. как часть общей контрреволюции, цель которой заключалась в том, чтобы свергнуть Советскую власть, восстановить свое привилегированное положение в экономической и политической области, сохраняя господство над умами миллионов верующих трудящихся.

В. И. Ленин показал реакционную роль церкви, ее связь с эксплуататорскими классами, воинствующим клерикализмом, разработал стратегию и тактику большевиков в религиозном вопросе. Он разоблачил союз православного духовенства с самодержавием, вскрыл антинародную роль христианских попов, веками прикрывавших фразами о любви к ближнему, заповедями Христа по-

литику эксплуататорских классов, примиряя угнетенных с господствующими².

Союз реакционного духовенства с эксплуататорскими классами обусловил большой размах церковной контрреволюции, специфически проявившийся в крае в годы гражданской войны. Урал отличался обилием различных вероисповеданий: православие, католицизм, протестантизм, самые разнообразные христианские секты, ислам, буддизм, шаманство, иудаизм, язычество. Служители всех культов старались укрепить религиозный фанатизм и внедрить в сознание масс мысль о послушании «сильным мира сего». Подавляющее большинство населения в дореволюционный период было подвержено влиянию религии, что объяснялось самой структурой общественно-политического устройства: вопросы семьи, брака, воспитания, образования, судопроизводства, тайной слежки за неблагонадежными людьми находились в ведении религиозных организаций. По данным переписи населения 1897 г., 99,97% взрослого населения России находилось под влиянием религии³. К 1917 г., как считают некоторые исследователи, под воздействием революционного движения эти показатели изменились и составили 90%⁴. Последняя цифра характеризует и состояние религиозности на Урале. Контрреволюционное духовенство рассчитывало на широкие слои верующих, стараясь поднять их на борьбу с Советской властью.

В связи с этим задача уральских партийных организаций заключалась в том, чтобы поднять народные массы на защиту молодой Республики, сосредоточить внимание на разоблачении и морально-политической изоляции реакционного духовенства, что должно было привести к разгрому церковной контрреволюции.

Проведение первых декретов Советской власти наталкивалось на сопротивление духовенства и подстрекаемой им зажиточной части крестьянства. В декабре 1917 г. пермский епископ Андроник, будучи в заговоре с контрреволюционными элементами, предлагал максимум усилий, чтобы воздействовать на религиозные чувства верующих и поднять их против рабоче-крестьянской власти. С амвонов церквей он предавал анафеме лиц, участвующих в конфискации церковных земель, угрожал крестьянам отлучением от церкви и страшной карой всемогущего⁵. Священнослужители по примеру епископа усиленно вели «обработку» православных, пытаясь сильнее всколыхнуть религиозные чувства и пугая «нашествием антихриста», наступлением конца света, считая величайшим святотатством посягательство на церковную собственность. Подобная пропаганда воздействовала на некоторых крестьян, что проявилось в их пассивности и оппозиционности в настроениях и действиях. Понять состояние этих людей было нетрудно: темнота, забитость, невежество служили благодатной почвой для

их религиозного одурманивания. Ленин указывал: «Самый глубокий источник религиозных предрассудков — это нищета и темнота, с этим злом и должны мы бороться»⁶.

В этих условиях противодействия духовенства парторганизации разъясняли трудящимся на митингах, собраниях, непосредственно на рабочих местах в трудовых коллективах политику партии и государства по коренному переустройству общественной жизни, создавали группы активистов для непосредственного участия в реализации тех или иных актов. Так, крестьяне Екатеринбургской губернии приняли активное участие в конфискации церковных, монастырских, помещичьих земель, как бы оправдывая идею национализации словами «земля божья»⁷. Аналогичные мероприятия проводились в Пермской и Оренбургской губерниях.

Труднее проходила работа, связанная с новым делопроизводством актов гражданского состояния, изъятием из ведения духовных консисторий дела образования и обучения детей и передачей их функций органам Наркомпроса. Старые стереотипы сказывались в настроениях крестьян, по привычке обращавшихся по семейно-бытовым вопросам к священнослужителям. К. Маркс отметил: «Традиции всех мертвых поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых»⁸.

Духовенство учитывало стойкость религиозных предрассудков и всячески спекулировало на этом, дабы организовать верующих на контрреволюционные мятежи. При срыве замыслов оно использовало более ухищренные методы. В Перми, например, в течение нескольких дней священники продолжали своеобразную «поповскую забастовку», прекратив службы в церквях, чем вызвали недовольство верующих Советской властью⁹. Подобные явления наблюдались и в других районах Урала.

Екатеринбургский епископ Григорий пошел еще дальше. Поддерживая связи с патриархом Тихоном, он следовал его антисоветскому курсу, давал распоряжения по епархии продолжать делопроизводство, вмененное царским правительством в обязанности церкви, не признавая декретов и постановлений Советской власти¹⁰.

На начальном этапе складывания церковной контрреволюции действия иерархов не были взаимосвязаны, пока до них не дошло послание патриарха, призывавшего не признавать Советскую власть, и с этого времени (конец 1917 г.) «вся церковная организация, — отмечается в одном из документов, — превращается в стройно работающий, регулируемый опытной рукой генеральный штаб святейшей контрреволюции, механизм, подготавливающий взрыв Советского рабоче-крестьянского правительства»¹¹.

Нельзя не отметить, что в стане духовенства имелись разногласия по поводу отношения к Советской власти. Некоторые пред-

ставители его низшего состава по своим взглядам были близки народным массам и лояльно относились к революционным преобразованиям. Партийные организации учитывали дифференциацию духовенства, процессы, происходившие в религиозном движении, и старались изолировать реакционных иерархов от широких слоев верующих, тем самым предупредить многие назревавшие мятежи.

Опубликование декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (23 янв. 1918 г.) активизировало деятельность церковной контрреволюции. Уральское духовенство, будучи послушным исполнителем указаний патриарха Тихона и Священного Синода, не ограничивалось ими, а проявляло свою инициативу в антисоветских действиях. Епископ Григорий, разъезжая по епархии, призывал паству к вооруженной защите «попираемых святынь»¹². Епископ Гермоген в Тобольске пытался организовать побег Николая Романова, находившегося там с дооктябрьского периода, для этого вступил в сговор с белогвардейскими офицерами, другими реакционными элементами. Гермоген устраивал крестные ходы, произносил антисоветские проповеди, далеко выходившие за рамки теологических концепций и содержащие призыв к свержению Советской власти¹³.

В целом можно сказать, что уральским и зауральским парт-организациям пришлось столкнуться с самым реакционным и опасным противником в лице местного духовенства (в чем позднее вынуждены были признаться сами представители высшего духовенства, находившиеся во главе руководства русской православной церкви). После официального заявления православной церкви о лояльном отношении к Советской власти часть уральского духовенства во главе с епископом Григорием оставалась на враждебной платформе и занимала крайне правое крыло в церковном течении в борьбе за патриарший престол¹⁴. Крайняя реакционность большинства духовенства объяснялась острой классовой борьбой, проходившей в крае, происшедшей дифференциацией различных политических сил, боевыми революционными традициями рабочего класса. Ссылка бывшего царя Николая Романова в Тобольск и последовавший затем перевод его в Екатеринбург подогревали политические амбиции монархистствующих элементов.

В контрреволюционном лагере удельный вес духовенства постепенно возрастал, что объяснялось следующими факторами: 1) церковь со своим огромным штатом священнослужителей и актива сохранялась как самостоятельная организация; 2) она явилась собирательным центром эксплуататорских элементов в силу своего легального положения и предоставленной ей свободы отправления всех обрядов и церемониалов; 3) приток белого офицерства усиливал реакционность, «воинственность» церкви, превращая ее в политическую силу; 4) империалистические круги и белоэмигра-

ция большие надежды возлагали на религиозные организации, через них налаживали связи с внутренней контрреволюцией.

В этих условиях партийные комитеты, концентрируя внимание на политических и хозяйственно-организационных задачах, проявляли бдительность к проискам врагов революции — церковникам. В практику вошло требование, позднее одобренное VIII съездом РКП(б) и гласящее: «Всякая попытка контрреволюционной пропаганды под видом религиозной проповеди должна пресекаться»¹⁵. Следует отметить, что до начала гражданской войны советские органы не привлекали к судебной ответственности лиц духовного звания, чтобы не дать повода для разнузданной клеветы о гонениях на церковь, духовенство и верующих. Реакционно настроенные священнослужители предупреждались, и их действия ограничивались административными методами.

В ходе гражданской войны церковная контрреволюция проявила себя в полной мере, открыто, с оружием в руках встав на сторону белогвардейской армии. В обстановке временных успехов и приближения к Екатеринбург белых епископ Григорий с клиром развернули многоплановую работу по сплочению реакционных сил. Они старались сплотить пастырей и паству под флагом защиты «святынь русского народа» — церкви, духовной культуры, народных традиций. Обвиняя Советскую власть в уничтожении храмов, попрании святынь, церковные иерархи зывали к религиозным чувствам верующих и призывали православный народ встать на защиту «матушки Руси» под эгидой «истинного христианского воинства». С этой целью священнослужителями широко распространялось послание Тихона от 18 января 1918 г., в котором говорилось о «тяжелом положении на русской земле: о гонениях... на истину Христову сатанинской властью», приведшей к тягостям, и др. В итоге содержался призыв к верующим объединиться, «взять меч и утвердить порядок по указанию божьей церкви»¹⁶.

В это же время епископы уральских епархий вели тактику устрашения по отношению к лояльно настроенным к Советской власти лицам, тем более священнослужителям. Сохранилось немало документов, свидетельствующих о расправе над рабочими, крестьянами, учителями, священниками, проявившими симпатии к новому советскому режиму. Так, по указанию Григория ряд священников отлучили от церкви и отправили в тюрьму, находившуюся при известном Далматовском монастыре. В тюрьме имелись камеры пыток, не уступавшие подвалам католической инквизиции. Даже многочисленные просьбы верующих одной из деревень Камышловского уезда отпустить «на поруки попа Соколова, учитывая слабое здоровье, усердие в богослужении, потребность в обучении детей (он был единственным учителем церковно-приходской школы. — Н. М.)» — не были приняты во внимание¹⁷.

Деятельность партийных организаций по привлечению трудящихся масс к защите революции в значительной мере дифференцировала слои духовенства. Росла та его часть, которая лояльно относилась к Советской власти, появилась и другая, открыто и решительно вставшая на сторону революционных сил народа. Так, священник Жидяев с. Кочебахтинское Рождественской волости (Екатеринбургский уезд) после неоднократных бесед с председателем РИКа отрекся от духовного сана и стал активным проводником политики партии. Вступив в партию, он стал организатором партячейки с. Рождественское, участвовал в комбедах, вел агитационную работу. Беднота тянулась к нему, вызывая ненависть со стороны кулацких элементов. При отступлении Красной Армии Жидяев был схвачен и замучен карателями¹⁸. Приведенный пример далеко не единичный, он свидетельствует о пробуждении сознания, чувства долга перед народом у представителей различных слоев общества.

Большая часть духовенства с нетерпением ждала прихода интервентов и белогвардейцев. Небезынтересно в связи с этим проследить и отношение Колчака к духовенству, его реакцию на декрет о свободе совести. С точки зрения духовенства стремление объединиться с белогвардейщиной объясняется социально-экономическими интересами — восстановить бывшие политические привилегии и частную собственность. В свою очередь белогвардейщина нуждалась в таком сильном идеологическом оружии, как религия. Служители культа понимали это и, невзирая на вероисповедные различия и даже имевшую место междоусобную вражду, встали на антисоветскую платформу. Как отмечает исследователь И. Д. Эйнгорн, в колчаковскую столицу — Омск потянулось духовенство, и к концу 1918 г. в городе собралось свыше 3,5 тыс. священнослужителей, готовых исполнить волю Колчака¹⁹.

Уральское духовенство собирало верные «святому делу» силы, оружие, вело идеологическую обработку населения. Символом святости и мученичества служил Николай II. Священнослужители предпринимали самые разнообразные средства для его освобождения. Монашки Тихвинского монастыря (Екатеринбург) ежедневно приносили корзину с продуктами, передавали записки, пытались подкупить охрану²⁰. Во многих церквях на проповедях священники явно пытались настроить верующих против Советов, вызвать их на провокационные действия. Таковы были выступления попа церкви Верх-Исетского завода²¹.

Приход к власти Колчака духовенством был встречен восторженно, устраивались пышные богослужения, во время которых непременно произносилось его имя и возносились хвалебные гимны. Епископ Григорий во время богослужения сравнил Колчака с «Моисеем, который вел свой народ в землю обетованную, рас-

сыпался перед белыми офицерами в благодарностях²². Аналогичные богослужения были проведены Иринархом в Тюмени, Гермогеном в Тобольске, Андреем в Уфе, Дионисием в Челябинске. Надо сказать, что Колчак и белогвардейцы не остались в долгу. В угоду духовенству было издано специальное постановление, в котором говорилось: «Большевистский декрет об отделении церкви от государства Правительство считает не имеющим силы и признает, что установление отношений между церковью и государством подлежит разрешению Всероссийского Учредительного собрания»²³. Более того, при колчаковском правительстве было учреждено Главное управление по делам вероисповедания во главе с профессором богословия П. А. Прокошевым, в обязанности которого входило агитационно-пропагандистской деятельностью «утишить разбушевавшееся море народных страстей»²⁴. Контрреволюционной деятельностью и непосредственно вооруженной борьбой занималось в армии Колчака военное духовенство, насчитывавшее около 2 тыс. человек. Возглавлял его протоиерей Русецкий, с большой похвалой отзывавшийся об антисоветских действиях церковников²⁵.

Исследуя позиции православной церкви в первые годы Советской власти, Р. Ю. Плаксин справедливо говорит о всемерной идеологической и материальной поддержке церковниками белогвардейских армий, показывает их службу «не за страх, а за совесть», которую они вели по воспитанию солдат белых армий «каждого в отдельности и всех вместе» в антисоветском духе (к чему призывал протоиерей Русецкий)²⁶.

Материалы о борьбе с контрреволюцией на Урале подтверждают изоционность реакционного духовенства в выборе средств, форм и методов борьбы с Советской властью. С приходом белогвардейщины духовенство воспрянуло духом, поспешило восстановить свои былые привилегии и расправиться с «негодными людьми». Сохранились документы, свидетельствующие о доносах священников на рабочих и крестьян, сочувствующих Советской власти, и беспощадной расправе с ними белогвардейцев. Многие священники до прихода белых составляли списки активистов, чтобы в удобный момент разделаться с ними. Поп Иосиф в Верхнем Тагиле возглавил антисоветский заговор, подготовил списки коммунистов и советских работников для расправы над ними²⁷. Поп Андрей из Архангельско-Гаврииловской церкви Темрюка выдал карательному отряду 54 революционера²⁸. В Воткинске священники благословили казнь 108 рабочих, сочувствовавших Советской власти. В Каслях дьякон Христофор стал одним из организаторов белого террора, в результате которого было замучено несколько сотен человек²⁹.

Одновременно духовенство восстанавливало свои права на

землю, промысловые угодья, вступая в распри с безземельными крестьянами. Нередко священнослужители пользовались помощью белогвардейцев в борьбе с крестьянами и в свою очередь сами создавали ополчения для поддержки колчаковщины. Центрами церковной контрреволюции являлись монастыри. Они были местом сбора реакционных сил, формирования особых отрядов и полков из священнослужителей, включая монашек, исполнявших обязанности сестер милосердия. Здесь проходили обучение «христолюбивые солдаты», был создан фонд материальной помощи белогвардейцам³⁰. К примеру, в Верхотурском монастыре создавались карательные отряды, при одном из которых состоял архимандрит Ксенофонт. Эти же священнослужители поддерживали связи с белоэмиграцией, в частности, с архиепископом Николаем Соловьем, присылавшим из Сан-Франциско крайне враждебные послания³¹.

В колчаковской армии имелись многочисленные военные формирования, состоявшие из священнослужителей разного ранга, различных вероисповеданий, которые личным участием в «священной освободительной борьбе», в дружинах «святого креста», «богородицы», полков «Иисуса», «Магомета», отрядах «зеленого знамени», «белого креста» и т. д. пытались вызвать религиозные чувства крестьян и вовлечь их в борьбу против власти «антихриста»³². Идейная подоплека этой борьбы излагалась в многочисленных брошюрах, прокламациях и листовках, в которых остроумно обыгрывалась заповедь «не убий» утверждениями, что не всякая война — зло и не всякое убийство — грех, тем более, если они направлены против богоотступников-коммунистов³³.

Таким образом, «святая» контрреволюция обнажила всю свою классовую и хищническую сущность, столкнувшись лицом к лицу, с оружием в руках с народными массами. Действовавшие в районе Перми, Кургана, Вятки полки «Иисуса Христа» наводили ужас на местное население и были прозваны «батальонами смерти»³⁴. Так, на жизненных примерах трудящиеся получали уроки политического и антирелигиозного воспитания.

Небезынтересно отметить, что священнослужители ранее враждующих конфессий объединились на антисоветской платформе и выразили единодушно верноподданнические чувства белогвардейцам. Уральские раввины горячо высказались на съезде еврейского духовенства (1918) за предание анафеме евреев-большевиков и выразили готовность бороться против Советской власти³⁵. Приветствие и пожелание великих свершений выразили Колчаку старообрядцы Пермской епархии на своем съезде, состоявшемся в начале 1919 г. в Очерском уезде. В своих высказываниях они призывали к «победе над безбожными насильниками», «очищению святыни русской от коммунистической мерзости»³⁶. На такое приветствие Колчак ответил: «Глубоко тронут представителями епар-

химального съезда старообрядцев Пермской епархии. Жду от деятелей его активной и положительной работы по борьбе с большевизмом и его влиянием в русском быту, одним из хранителей чистоты которого искони было старообрядчество»³⁷. Из сказанного следует, что классовые интересы, стремление к сохранению частной собственности для духовенства были выше других, об этом метко сказал атеист ленинской школы Б. Кандидов: «Поп, мулла, жсендз, раввин — миром помазаны одним»³⁸.

В условиях напряженной классовой борьбы партийные организации возглавили народные массы на общую борьбу против контрреволюции, в том числе церковной. Уместно отметить, что гуманная политика Советского государства предусмотрела деликатное отношение к религиозным чувствам верующих. Оно пошло на такой шаг, как освобождение от военной повинности граждан в связи с их религиозными убеждениями³⁹. В основном это относилось к последователям ранее гонимых или терпимых сект (духоборы, молокане, меннониты, нетовцы и др.), которым предоставлялась возможность в полной мере ощутить свободу совести. Учитывалось и то обстоятельство, что культурный уровень верующих был очень низким и они находились в плену религиозно-канонических установок. Так что принятые документы, освобождающие их от военной обязанности по религиозным мотивам, были продуманной мерой, фактически не наносящей ущерба делу революции, ибо они предусматривали адекватную форму — направление верующих на трудовой фронт. Правда, через год правительство пошло на ограничение действия этого постановления в связи с участвовавшими случаями спекуляции по этому поводу⁴⁰.

Умелая организаторская работа партийных комитетов, сочетавшаяся с жестокой действительностью белогвардейской оккупации — расправой с передовыми рабочими, крестьянами, почувствовавшими себя хозяевами страны, дала возможность создать крупные силы народного ополчения для революционной защиты молодой республики. Открытое столкновение с церковной контрреволюцией не только не усилило религиозный фанатизм, а, напротив, у большинства рабочих и крестьян вызвало возмущение, отрицательное отношение к священнослужителям и религии. Е. М. Ярославский, анализируя отношение масс к религиозной контрреволюции, писал, что уральские и сибирские крестьяне и рабочие беспощадно расправлялись с захваченными в плен с оружием в руках священниками⁴¹.

С наступлением частей Красной Армии колчаковское правительство предпринимало отчаянные усилия к вербовке людей, отпускало огромные средства для идеологической обработки населения, ориентируясь в основном на верующих. В апреле 1919 г. оно издало приказ о приведении всех войск, офицеров и солдат, мо-

«Билизованных добровольцев к присяге, в которой говорилось: «Да поможет мне господь бог всемогущий честно выполнить мои обязанности...»⁴²

В статье «Вера и отечество», отдельных брошюрах, листовках богословы излагали апокалипсические идеи, обвиняли В. И. Ленина, большевиков в людских бедствиях и уничтожении высокой нравственности, культуры. В брошюрах И. Большакова и А. Сидонского содержался призыв: «И не введи нас в искушение», отождествляемый с неприятием партийной программы, ее «преступных лозунгов», а также обращение к противодействию нашествия «антихриста», когда люди «будут предавать и возненавидят друг друга», «что предаст брат брата на смерть, и отец — сына, и дети восстанут на родителей своих и умертвят их»⁴³.

Попытки церковных иерархов использовать широкий арсенал средств и методов борьбы, создать «союз сабли и креста, генеральского мундира и архиерейской мантии, евангелия и пулемета»⁴⁴ не увенчались успехом. Большевицкая пропаганда и агитация, убедительная, доступная, правдивая, организующая работу парторганизаций по сплочению масс на борьбу с белогвардейщиной, привели не только к изоляции «духовных наставников народа», но и к разгрому церковной контрреволюции. П. А. Красиков, изучая события тех лет, отмечал: «Открытое, хотя бы и массовое участие в контрреволюции священников, монахов с высшей иерархией во главе не могло само по себе увлечь никого, кроме кулаков и самой ничтожной массы трудящихся»⁴⁵.

Уральские коммунисты сумели поставить ясные, четкие задачи, организовать массы на защиту революционных завоеваний и помогли Красной Армии нанести колчаковцам решающий удар. В агонии колчаковские агенты вновь пытались воззвать к религиозным чувствам верующих, распространяя слухи о якобы запрещении Советской властью отправления служб в церквях. Поэтому по мере освобождения районов от белогвардейской оккупации широко распространялись такие документы, как приказ Екатеринбургского ревкома от 20.08.1919 г., в § 11 которого опровергались клеветнические слухи и утверждалось, что «Советская власть предоставляет право каждому гражданину верить во что он хочет и свободно отправлять религиозные обряды. Она лишь категорически воспрещает духовенству вмешиваться в политическую жизнь страны»⁴⁶. Такие разъяснения имели важное значение для пресечения возможных эксцессов на религиозной почве.

Поражение церковной контрреволюции с окончанием гражданской войны не означало ее полного краха. Борьба реакционного духовенства против мероприятий Советской власти продолжалась в трудные периоды для молодой республики, но уже с изменившейся тактикой — скрытая борьба и подрывная деятельность.

Уральские партийные организации сумели предупредить новый взрыв церковной контрреволюции, который она готовила во время голода 1921—1922 гг. В отличие от центральных губерний на Урале не произошло кровавых столкновений. Церковь сама вступила в период глубочайшего кризиса и вынуждена была сменить свой агрессивный курс. Тем не менее антисоветские выступления продолжались и в 30-е гг.

Итак, церковная контрреволюция, проявившаяся в общем антисоветском потоке гражданской войны, потерпела поражение, будучи направленной против коренных интересов рабочих и крестьянских масс. Только резкая смена тактики и курса на лояльное отношение к Советской власти позволила церкви сохранить свое влияние на верующих, а следовательно, функционировать в новых условиях.

Работа партийных организаций, направленная на разоблачение реакционных действий духовенства и разгром церковной контрреволюции, положила начало развитию массового атеизма, торжеству материалистического мировоззрения, господству марксистско-ленинской идеологии.

¹ См.: Правда, 1987. 14 марта.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 277.

³ См.: Дулуман Е. К., Лобовик Е. А., Танчер В. К. Современный верующий. М., 1970. С. 30.

⁴ См.: Кадсон И. Э. О положении русской православной церкви в последние годы существования царизма // Атеизм, религия, современность. Л., 1973. С. 66; Коновалов Б. Н. К массовому атеизму. М., 1974. С. 38.

⁵ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442. Л. 91.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 186.

⁷ См.: Вольный Урал (Екатеринбург). 1918. 5 янв.

⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 8. С. 119.

⁹ См.: Упрочение Советской власти в Пермской губернии: Сб. документов. Пермь, 1966. С. 384—385.

¹⁰ ГАСО. Ф. 6. Оп. 4. Д. 657. Л. 18—20.

¹¹ Обвинительное заключение по делу граждан: Белавина Василия Ивановича, Феноменова Никандра Григорьевича, Стадницкого Арсения Григорьевича и Гурьева Петра Викторовича по ст. 6 и 119 Уголовного кодекса. М., 1923. С. 9—10.

¹² ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 235. Л. 20—21, 91.

¹³ См.: Борьба за власть Советов в Тобольской (Тюменской) губернии, 1917—1920: Сб. документов. Свердловск, 1967. С. 169—174.

¹⁴ См.: Второй Московский съезд староцерковников, признающих Высший Временный Церковный Совет. М., 1927. С. 7.

¹⁵ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд. М., 1970. Т. 2. С. 83.

¹⁶ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442. Л. 89.

¹⁷ Там же. Д. 842. Л. 25.

¹⁸ Там же. Д. 1217. Л. 132.

¹⁹ См.: Наука и религия. 1987. № 2. С. 23.

²⁰ См.: Урал. рабочий (Екатеринбург). 1918. 23 апр.

- ²¹ См.: Там же.
- ²² См.: Там же. 1923. 29 янв.
- ²³ Собрание узаконений и распоряжений Временного областного правительства Урала (Екатеринбург). 1918. 27 авг. Ст. 1.
- ²⁴ Шпицберг И. Церковь в годы гражданской войны. С. 256 // Арх. Все-союзного объединения книжной торговли, Ф. ГАИЗ.
- ²⁵ См.: Тубанов С. Церковь на службе колчаковщины // Урал. рабочий. 1939. 30 июня.
- ²⁶ См.: Плaksin P. Ю. Тихоновщина и ее крах. Л., 1987. С. 108, 137—138.
- ²⁷ См.: Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. Свердловск, 1940.
- С. 43, 46.
- ²⁸ См.: Дягилев Д. Церковники и сектанты на службе контрреволюции. Челябинск, 1939. С. 5—6.
- ²⁹ См.: Онуфриев И. Гражданская война на Урале. Свердловск, 1925. С. 28.
- ³⁰ См.: Тубанов С. Церковь на службе врагов народа. С. 46.
- ³¹ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 884. Л. 116—117; Ф. 4. Оп. 2. Д. 136. Л. 83—86.
- ³² См.: Ансвесул В. К. Церковь и гражданская война на Урале. Свердловск, 1937. С. 18—21.
- ³³ См.: Шпицберг И. Церковь в годы гражданской войны. С. 115.
- ³⁴ ЦПА ИМЛ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 745. Л. 1—3.
- ³⁵ См.: Сибирский старообрядец (Омск). 1919. 15 июня. № 13.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442. Л. 127.
- ³⁸ Кандидов Б. Голод 1921 года и церковь. М.; Л., 1932. С. 74.
- ³⁹ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. № 17. Ст. 192.
- ⁴⁰ См.: Там же. 1920. № 73. Ст. 336.
- ⁴¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 89. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.
- ⁴² ГАСО. Ф. 1196. Оп. 1. Д. 43. Л. 156.
- ⁴³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 442. Л. 87, 109.
- ⁴⁴ См.: Красиков П. А. На церковном фронте (1918—1923 гг.). М., 1923.
- С. 190.
- ⁴⁵ См.: Красиков П. А. Избранные атеистические произведения. М., 1970.
- С. 24.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

А. Я. КИТАЕВ

Тюменский инженерно-строительный институт

Т. Л. ПАНТЮХИНА

Курганский машиностроительный институт

Н. Н. ПОПОВ

Уральский университет

БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О РОЛИ БОЛЬШЕВИСТСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ МОБИЛИЗАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ МАСС в 1917—1918 гг.

Еще в период складывания в России марксистской партии нового типа В. И. Ленин указывал на необходимость «неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные

и блестящие мундиры она ни нарядилась»¹. В соответствии с этим указанием вождя КПСС всегда уделяла большое внимание борьбе с буржуазной идеологией. И сейчас эта борьба является программным требованием ленинской партии², важным направлением ее идеологической деятельности.

В данной статье ставится задача на основе привлечения широкого, в основном уральского, фактического материала критически проанализировать и показать научную несостоятельность утверждений современных буржуазных историков, пытающихся фальсифицировать авангардную роль большевистских организаций в мобилизации трудящихся масс на свержение власти буржуазии в 1917 г. Не претендуя на исчерпывающее раскрытие проблемы, авторы рассматривают главным образом англо-американскую и западногерманскую буржуазную литературу.

Наличие у рабочего класса марксистско-ленинской партии является одной из важнейших закономерностей победы социалистической революции. «Воспитывая рабочую партию, — писал В. И. Ленин, — марксизм воспитывает авангард пролетариата, способный взять власть и вести весь народ к социализму... быть учителем, руководителем всех трудящихся и эксплуатируемых в деле строительства всей общественной жизни без буржуазии и против буржуазии»³.

Извращение роли большевистской партии как организующей и руководящей силы в революционной борьбе масс — одна из основных целей современной буржуазной историографии. Многие западные историки, в частности А. Мурхэд, Т. фон Лауэ, Э. Карр, М. Перри⁴ и другие, совершенно не хотят замечать активной деятельности большевиков в массах в период между двумя буржуазно-демократическими революциями, утверждая, что большевистская партия, как и другие, не играла существенной роли в подготовке и свержении самодержавия в феврале 1917 г. Они игнорируют тот факт, что только за годы первой мировой войны местные большевистские организации России издали свыше 700 листовок тиражом около 2 млн экз.⁵ Намеренно упускается из виду, что к началу 1917 г. в армии функционировало 150 большевистских ячеек, групп и кружков⁶.

Одним из главных тезисов буржуазной историографии российских революций долгое время оставался тезис о стихийном характере Февраля. Именно исходя из этого буржуазные авторы трактовали участие народных масс в свержении царизма, давали оценку роли большевиков, их партии на буржуазно-демократическом этапе революции. «Незначительная роль, которую играли большевики в феврале 1917 г., не должна удивлять нас», — писал Д. Катков⁷. Буржуазные авторы по-разному характеризуют Февральскую революцию: как «стихийную», «спонтанную», «лишенную руковод-

ства», но в одном они единодушны — в отрицании роли большевистской партии в свержении самодержавия, в стремлении оторвать ее от масс.

Сегодня, правда, некоторые буржуазные историки начинают признавать факт активного участия и руководства большевиков восстанием в феврале 1917 г., а при характеристике Февральской революции постепенно отходят от тезиса «стихийность». Так, американский историк Хасегава отвергает положение о «тотальной стихийности», признает роль революционных организаций. «Было бы ошибкой, — пишет он, — характеризовать Февральскую революцию... как самую стихийную революцию всех времен...» Отвергая тезис о «стихийности» Февраля, Хасегава отмечает, что невозможно игнорировать или преуменьшать деятельность 3 тыс. преданных своему делу революционеров по «взрывчатой ситуации» февраля 1917 г. Однако, несмотря на признание подобных моментов, тенденция к преуменьшению влияния большевиков в рабочей среде у автора совершенно очевидна. По его мнению, в период Февральской революции «не существовало главного штаба, от которого исходили все директивы. Не было контроля за всем ходом событий»⁸.

Таким образом, несмотря на определенные сдвиги в понимании и характеристике роли большевистской партии в Февральской революции, буржуазная историография и сегодня неспособна правильно и объективно подойти к этой проблеме. Признание «стихийности» Февраля по-прежнему остается ее характерной чертой. Писания буржуазных историков, базирующиеся на кадетско-меньшевистских положениях, нельзя считать полностью ушедшими из западной буржуазной литературы. Так, составители сборника документов по истории русской революции по-прежнему отстаивают тезис: «Великий взрыв» Февраля 1917 г. «явился неожиданным для всех, в том числе для Ленина и большевиков»⁹.

Продолжая отлучать большевиков от Февральской революции, западная советоведческая наука черпает свои фальсификаторские концепции из теоретического наследия врагов ленинизма.

Буржуазные историки М. Флоринский, Э. Карр, Р. Даниэлс¹⁰ и другие на разные лады варьируют положение о том, что Февральская революция явилась «неожиданным событием как для либералов, так и для революционных лидеров России», «стихийной вспышкой возмущения, вызванного лишениями... войны». Истоки подобных буржуазных фальсификаций можно обнаружить в меньшевистско-эсеровских и кадетских писаниях о февральских событиях 1917 г.¹¹ Их суть сводилась к абсолютизации революционной стихии, которая будто бы сама проложила дорогу к победе, независимо от тех или иных партий. «Ни одна партия, — утверждал Н. Суханов, — не готовилась к великому перевороту. Все

мечтали, раздумывали, предчувствовали»¹². «Руководящая рука несомненно была, — теоретизировал П. Милюков, — только она исходила, очевидно, не от организованных левых политических партий»¹³.

Подобную мысль можно найти и в книге профессора Вермонтского университета Р. Даниэлса, назвавшего Февральскую революцию «неожиданным событием, удивившим врагов режима в такой же степени, как и самого императора»¹⁴.

Марксистская историография не отрицает элементов стихийности в Февральской революции. В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что в ней, как и во всякой подлинно народной революции, были сильны элементы стихийности. «Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не бывает и быть не может»¹⁵. В. И. Ленин особенно высоко ценил такое развитие событий, когда массы, обученные ходом борьбы, активизированные агитационно-пропагандистской работой партии, сами и в этом смысле стихийно — творят революцию.

Вместе с тем, говоря о противоречиях между стихийностью и сознательностью, В. И. Ленин отмечал не только их противоположность, но и известное единство. Стихийные выступления, подчеркивал он, являются признаком глубины движения, его размаха и широты, которые создают необходимые условия для успешной деятельности прогрессивных сил. В работе «Что делать?» В. И. Ленин высказал мысль о том, что «стихийный элемент представляет из себя, в сущности, не что иное, как зачаточную форму сознательности»¹⁶. Последовательной выразительницей коренных потребностей пролетарского движения выступает коммунистическая партия. Олицетворяя сознательную сторону революционного процесса, она призвана организовать стихийно возрастающую революционную активность рабочего класса и его союзников, придать ему планомерность и сознательность, указать ему ближайшие и перспективные цели борьбы.

Советские историки, опираясь на ленинскую концепцию Февральской революции, не склонны преувеличивать элементы стихийности в революции. Их исследования подробно раскрывают социально-экономические и политические предпосылки ее, анализируют роль и политику классов и партий накануне и в период революции¹⁷. Но даже самое незначительное преувеличение элемента стихийности в революционных событиях дает основание буржуазным историкам неправильно истолковывать факты, отрицать роль большевистской партии в Февральской революции¹⁸. Поэтому именно ленинская оценка стихийности и сознательности в революционном движении является оружием советских историков в борьбе с современными буржуазными идеологами.

Если буржуазные историки под стихийностью подразумевают

анархические бунтарские действия масс, полностью лишённые политической организованности и сознательности, то в понимании советской исторической науки стихийность движения «есть признак его глубины в массах, прочности его корней, его неустрашимости»¹⁹. Идеологи буржуазии словами «неожиданная», «стихийная», безусловно, пытаются «опровергнуть стратегический курс большевистской партии на вторую буржуазно-демократическую революцию». Но большевистская партия не могла быть «удивлена» Февральской революцией, как это пытаются доказать буржуазные историки. Напротив, большевики подошли к революции в полной боевой готовности. Буквально накануне революции, 11 февраля, Русское бюро ЦК сообщило в ЦК РСДРП: «Организационные дела у нас неплохие. Теперь успешно организуем Юг, Поволжье, Урал»²⁰.

Если Февральская революция представляется буржуазным фальсификаторам явлением стихийным, то большевизм — «аномалией»²¹. В свое время П. Милюков назвал большевизм «специфическим русским продуктом... невозможным... нигде, кроме России»²². Подобные заявления в трудах буржуазных авторов имеют своей целью показать, что революция не имела объективных предпосылок, а лишь была «переворотом, совершенным гарнизоном»²³.

Буржуазные историки, отмечая, что Февральская революция «в течение нескольких дней распространилась по всей России с удивительной легкостью и быстротой»²⁴, тем не менее не хотят признавать, что революционные события в провинции, в частности, на Урале, развивались как часть целого революционного процесса, а общие закономерности проявлялись в конкретных формах, связанных в данном случае с особенностями этих районов.

В. И. Ленин в своих «Письмах издалека» отмечал, почему Февральская революция победила так скоро: «...В силу чрезвычайно оригинальной исторической ситуации слились вместе... совершенно разнородные классовые интересы... Именно: заговор англо-французских империалистов, толкавших Милюкова и Гучкова с К^о к захвату власти в интересах продолжения войны... А с другой стороны, глубокое пролетарское и массовое народное... движение революционного характера за хлеб, за мир, за настоящую свободу»²⁵.

Характеризуя состояние русской провинции одним словом «разложение», буржуазные историки из лагеря кадетов, а затем и современные буржуазные авторы²⁶ пытаются в конечном итоге подвести читателя к выводу: «местные большевики были отрезаны от Петрограда и Москвы» и не руководили массами в Февральской революции. Но уже 3 марта 1917 г. в Уфе по инициативе А. Д. Цюрупы состоялось массовое собрание железнодорожников и солдат, на котором было решено создать Совет рабочих и сол-

датских депутатов. Первое свое заседание Уфимский Совет рабочих и солдатских депутатов провел 5 марта²⁷. В Перми 4 марта организовался Совет рабочих и солдатских депутатов²⁸. Как отмечал руководитель екатеринбургских большевиков И. М. Малышев, «рабочие организации на проходивших сегодня (4 марта 1917 г. — Авт.) в городе митингах высказались за немедленное создание Совета рабочих депутатов»²⁹. Таким образом, факты свидетельствуют, что провинции чутко реагировали на события, происходящие в столице. Здесь также происходило размежевание классовых сил.

Западные историки, в частности Т. фон Лауэ, Д. Катков, Р. Дэниэлс³⁰, игнорируют активную революционную деятельность большевиков в массах в период подготовки и проведения Великой Октябрьской революции, особенно в провинции, в том числе и на Урале. Постараемся на конкретных примерах показать ошибочность этого тезиса буржуазных историков. Так, они заявляют о якобы отсутствовавшей связи центральных партийных организаций с местными партийными органами в период между Февралем и Октябрем. «На Урале в Екатеринбурге, — пишет английский историк Р. Петибридж, — члены партии были ограничены в сведениях... так как они были оторваны от петроградских большевиков»³¹. Партийные документы, в частности «Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями», свидетельствуют о том, что у партии существовали тесные связи с местными партийными комитетами, несмотря на территориальную удаленность Урала от Петрограда и Москвы. К началу 1917 г. связи Бюро ЦК «при всей бедности средствами, работниками и при необычайной трудности военного времени охватывали наиболее значительные промышленные центры». К ним относился и Урал³². Из письма Я. М. Свердлова, посланного на Лысьвенский завод 26 мая 1917 г., видно, что он уделял пристальное внимание Южному Уралу, Перми и Екатеринбургу. «Сфера нашего влияния, — писал Свердлов, — по России расширяется... Сообщайте подробно о работе во всех местах Урала»³³.

Провинция не слепо следовала за Петроградским Советом, который в первые дни революции шел впереди, но позднее скатился на оппортунистические позиции. Передовые Советы Урала, руководимые большевиками, расходились с Петроградским Советом в вопросах об отношении к войне, Временному правительству и др. Как сообщала «Правда» 27 апреля 1917 г., на Апрельской Всероссийской конференции РСДРП(б) «в прениях выяснилось, что на местах Советы стоят гораздо крепче, чем в центрах, сфера деятельности их значительно шире, чем та, которая представлена ими в столицах». На собрании Екатеринбургского Совета рабочих и солдатских депутатов при обсуждении вопроса о вхождении четы-

рех социалистов в состав Временного правительства отмечалось, что Совет «находит ошибочным решение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов о вхождении его членов в состав правительства»³⁴. Даже сами меньшевики признавали Урал «крепостью большевизма». «Получалось такое впечатление, — отмечали они на Первой Уральской конференции социал-демократов (меньшевиков), — что весь Урал является почвой, где особенно развивается большевизм»³⁵. Накопив большой опыт борьбы и руководства массами, большевики превратились в единственную силу, которая руководила революционным движением, направляла его и в период Февральской буржуазно-демократической революции, и в период борьбы за социалистическую революцию.

Некоторые буржуазные историки, реально оценивая ход исторических событий, критикуют своих собратьев по перу за отставание стихийного характера Февраля. Так, английский историк П. Дьюкс считает, что неожиданность Февральской революции преувеличена точно так же, как и плановость Октябрьской. По его мнению, для В. И. Ленина Февраль не был неожиданностью, так как он всецело был поглощен Октябрем³⁶. Но следует отметить, что сознание необходимости по тем или иным причинам пересмотреть интерпретацию как истории Февраля, так и деятельности большевистской партии в ней, не стало всеобщим в советоведении.

Буржуазные историки продолжают по-прежнему «отлучать» партию большевиков от Февральской революции. Причина этого кроется в том, что Февральская буржуазно-демократическая революция заняла важное место в движении России к социализму. Она продемонстрировала зрелость российского рабочего класса, его гегемонию в революции, его умение руководить борьбой масс, укрепила авторитет партии. Последующее закрепление связей партии с рабочим классом и беднейшим крестьянством, трудящимися всех национальностей стало важнейшим условием победы Великой Октябрьской социалистической революции, и с этим не могли смириться идеологи буржуазии.

Буржуазная историография, касающаяся истории Октября, при всем многообразии концепций в целом представляет собой инструмент идеологического арсенала империализма и противостоит советской исторической науке. Смена теорий, усложнение и академизация аргументов, расширение круга исследовательских работ и проблем и т. д. происходят в рамках непризнания закономерности Октябрьской революции.

С этой целью апологеты буржуазии идут на всевозможные инсинуации. Т. фон Лауэ, например, пишет о большевиках как о «манипуляторах», но не выразителях воли народа, как о деятелях, которые «беззастенчиво эксплуатировали невежество масс»³⁷. На

самом деле это утверждение целиком и полностью применимо к эсеровской партии, лидеры которой, находясь у власти, не сдержали своих обещаний; данных народу, фактически отказались от реализации своей программы, в частности в аграрном вопросе. Демагогией и обманом они добились увеличения численности членов партии социалистов-революционеров почти до 1 млн человек к лету 1917 г.³⁸ Однако осенью в ней произошел раскол, начался быстрый отток разочаровавшихся в эсеровских баснях трудящихся из ее отрядов. «И рабочие, и солдаты бегут от этой партии (эсеров. — Авт.), как от чумы», — писал 31 октября 1917 г. «Уральский рабочий». Численность большевистских организаций, наоборот, имела устойчивую тенденцию к росту.

Английский историк М. Перри стремится принизить значение ленинского теоретического наследия для судьбы революции. Он считает, что «большевистская революция была результатом специфических решений, принятых незаурядными личностями на основе ленинского в высшей степени противоречивого анализа революционной ситуации, существовавшей в России в 1917 г.»³⁹ Но если ленинский анализ был противоречивым, то почему совершенная на его основе революция победила относительно легко? На этот правомерный вопрос буржуазный фальсификатор ответа дать не может.

Вслед за М. Перри американский советолог Ч. Дьювэл утверждает, что победа большевиков в октябре 1917 г. объясняется не силой ленинских идей, а действиями отдельных личностей, среди которых он выделяет Я. М. Свердлова и его организаторские способности. Возглавляемый им Секретариат ЦК партии, по мнению Ч. Дьювэла, и «создал условия для большевистского переворота»⁴⁰. Это утверждение в корне расходится с марксистской трактовкой роли личности в истории и не учитывает того, что ЦК партии большевиков и его Секретариат опирались на широкую сеть местных партийных организаций и пользовались поддержкой основной части рабочих и солдат. Известно, что накануне Октября ленинский ЦК вел регулярную переписку с 500 организациями РСДРП(б) 75 губерний страны⁴¹. О влиянии большевиков в массах говорит тот факт, что на выборах в Учредительное собрание в ноябре 1917 г. большевистская партия получила свыше половины голосов в Северо-Западном и Центрально-Промышленном районах, на Северном и Западном фронтах, в тыловых гарнизонах страны, на Балтийском флоте и Среднем Урале, в других важных регионах⁴².

Канадский историк Дж. Кип объясняет победу большевистской партии в октябре 1917 г. тем, что на ход событий значительное влияние «оказали ошибки противников большевиков»⁴³. Аналогичный вывод поддерживает и Д. Джонс. В статье об офицерах

русской армии в Октябрьской революции он пишет, что «большевистский успех был не более чем естественным результатом политики, которая проводилась Временным правительством и особенно Керенским с Февраля»⁴⁴. Однако оба буржуазных историка умалчивают, что эсеро-меньшевистские лидеры и возглавлявшееся ими правительство проводили антинародную политику, которая привела страну к экономической катастрофе. Преодолеть ее мог только переход власти к Советам. Это хорошо понимали трудящиеся массы. Так, в резолюции II Екатеринбургского окружного съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, опубликованной 18 октября 1917 г. в «Уральском рабочем», говорилось, что «только немедленный переход власти в руки ставших революционными Советов и осуществление указанной выше минимальной программы революционных мер может вывести страну и революцию из переживаемого ими военного и экономического кризиса...»

Многие буржуазные авторы намеренно преувеличивают роль армии в Октябрьской революции, стремясь тем самым приписать ей заговорщический характер. Например, профессор Вермонтского университета (США) Р. Дэниэлс пишет: «Недовольные армейские части оказались главной силой, находившейся в распоряжении большевиков, когда пришло время для захвата власти»⁴⁵. Это утверждение, направленное на принижение ведущей роли в революции рабочего класса и его вооруженных отрядов, в корне противоречит марксистскому положению о решающем значении народных масс в истории.

Но точка зрения Р. Дэниэлса не является новой. Л. Троцкий вскоре после Октябрьской революции в одной из книг отрицал руководящую роль пролетариата в исторических свершениях 1917 г., извращая истину, утверждал, что крестьянской армии «война отвела решающую роль в событиях революции»⁴⁶. Такого же мнения придерживались фактически и лидеры эсеровской партии. В изданных в 1918 г. сборниках «Большевики у власти» и «Год русской революции» они настойчиво проводили мысль, что «Октябрьская революция — это стихийный бунт, который несет с собой политический, экономический и культурный распад страны»⁴⁷. Вот в чьи писания уходят корнями основные теоретические положения современных буржуазных фальсификаторов истории и политики КПСС.

Апологеты буржуазии стремятся всячески исказить позицию марксистов-ленинцев по вопросу об армии, очернить героическую историю борьбы большевиков за солдатские массы в дооктябрьский период⁴⁸. Так, английские историки У. Рутерфорд и Д. Эриксон вслед за А. Керенским⁴⁹ продолжают повторять давно разоблаченное В. И. Лениным⁵⁰ утверждение, будто большевики в 1917 г. «разрушали» русскую армию. Р. Дэниэлс принижает уровень по-

литической сознательности армейских низов, заявляя, что солдаты тыловых гарнизонов оказались восприимчивыми к большевистским лозунгам только потому, что не хотели ехать на фронт⁵¹. Ту же цель преследует У. Рутерфорд, который много пишет о дезертирстве (кстати, к нему как пассивному средству борьбы против войны большевики относились негативно) и противопоставляет революционным солдатам Петрограда некоторые фронтовые части, находившиеся под влиянием эсеров и меньшевиков⁵².

Но эти измышления советологов безосновательны. В действительности дошедшая до солдат через все препятствия правда ленинских идей оказалась сильнее сказок соглашателей об особом мужицком рае, и к октябрю—ноябрю 1917 г., как определил В. И. Ленин, армия стала наполовину большевистской⁵³.

Преувеличение роли армии в Октябрьской революции характерно и для профессора университета в Вирджинии (США) Т. Хеммонда, который считает поддержку солдатами и матросами ленинской партии большевиков в решающий момент «главной причиной победы большевиков». Продолжая «доказывать» узкий, заговорщический характер Великого Октября, он пишет: «За исключением некоторых рабочих отрядов, организованных в отряды Красной гвардии, массы в Петрограде едва ли знали о происшедшем, в то время как массы в других частях страны знали еще меньше»⁵⁴. Но в «некоторых рабочих отрядах Петрограда, то есть в Красной гвардии, накануне Октября насчитывалось свыше 20 тыс. человек, а во время вооруженного восстания их количество возросло вдвое»⁵⁵. Значение революционных событий в Петрограде быстро осознали на местах. Именно поэтому в Пермской губернии, например, 56 Советов, т. е. 56,7% от их общего числа, уже в октябре взяли власть в свои руки⁵⁶.

Эти сведения, а также данные по всей стране⁵⁷ не оставляют камня на камне от измышлений О. Анвайлера, который пишет: «Обзор исторических фактов тем не менее обнаруживает, что присвоение власти было желаемо и осуществлялось только некоторыми Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Большинство Советов и массы, представляемые ими, приветствовали свержение Временного правительства, но они отвергали правление, осуществляемое только большевиками»⁵⁸. Здесь западно-германский советолог противоречит самому себе, поскольку за свержение власти буржуазии в 1917 г. из всех общероссийских партий последовательно и до конца выступала одна партия — ленинская партия большевиков. О. Анвайлер пытается также приписать большевикам авторитаризм и одновременно поддержать отвергнутую трудящимися России в 1917 г. идею формирования так называемого «однородного социалистического правительства», создание которого означало бы фактически ликвидацию Советской власти.

Близка мнению О. Анвайлера точка зрения преподавателя Манчестерского университета (Англия) Д. Бредли. Он утверждает: «В некоторых губернских городах местные большевистские лидеры не смогли понять переворота, совершенного Лениным, и продолжали делить власть с эсерами и меньшевиками»⁵⁹. И в качестве примера приводит сведения о событиях в Екатеринбурге, где большевистский Совет уже 26 октября взял власть в свои руки. Однако 31 октября (а не 8 ноября по новому стилю, как пишет Д. Бредли), когда обстановка в городе резко осложнилась, большевики пошли на заключение временного соглашения с другими партиями по вопросу о власти. Но вовсе не потому, что не поняли суть событий в столице. О причинах этого решения председатель Уральского областного комитета РСДРП(б) Н. Н. Крестинский писал 23 ноября 1917 г. в «Уральском рабочем»: «Три недели тому назад под давлением выступления широких кругов мелкобуржуазной обывательской массы, не будучи вполне уверенны в том, что вся солдатская масса поддержит в этот момент Совет против главных виновников обывательского возбуждения — почтово-телеграфных служащих и поддерживавших их эсеров, мы согласились на предложение эсеров организовать в Екатеринбурге «революционный комитет». В него вместе с большевиками вошли представители правых эсеров, меньшевиков, бундовцев и др.

Создание коалиционного комитета было ошибкой екатеринбургских большевиков, ибо это ослабляло позиции Совета. Однако ошибка была исправлена не после «вмешательства Петрограда», как пишет Д. Бредли⁶⁰, а самостоятельно, без давления извне. Принимая решение согласиться на создание «революционного комитета», большевистская организация сразу поставила себе цель — ликвидировать его в короткий срок и не передавать ему никакой фактической власти⁶¹. Добиваясь выполнения этой задачи, большевики сумели занять руководящие позиции в президиуме комитета. Одновременно они развернули на заводах и в казармах широкую разъяснительную работу, направленную на укрепление в городе Советской власти. Под давлением революционных масс коалиционный комитет вынужден был заявить о своей ликвидации⁶².

Приведенные факты показывают, что значительная часть основных положений работ современных буржуазных историков носит ненаучный характер и направлена главным образом на отрицание значения Великого Октября и приемлемости его уроков в современных условиях. Д. Кип прямо заявляет об этом в одной из работ об Октябрьской революции: «То, с чем мы имеем дело, — пишет он, — не является частью конкретного опыта, который позднее революционеры использовали применительно к их ситуации, а является историческим мифом, который может стать препятст-

вием, если будет взят в качестве руководства для осуществления реалистической политической деятельности»⁶³. В этом высказывании отчетливо виден агностицизм Д. Кипа, стоящего за охрану классовых интересов буржуазии, которая в страхе перед революционными потрясениями пытается не замечать, что основные закономерности Великого Октября уже подтверждены ходом мировой истории и революциями в других странах.

Для «доказательства» своих антинаучных утверждений западные советологи идут иногда на подтасовку, искажение фактов. О. Анвайлер, например, признает, что к Октябрю «влияние офицеров в Советах было в значительной мере преодолено», однако стремится преувеличить влияние офицеров в солдатских Советах после Февральской революции и указывает, что в Екатеринбурге из 27 членов исполкома местного Совета 10 были офицерами⁶⁴. В действительности, как писали «Известия Совета солдатских депутатов» Екатеринбурга 22 марта 1917 г., в его исполком входило 5 офицеров и 2 военных чиновника, остальные были солдатами. К тому же председателем Совета был избран большевик-прапорщик 108-го пехотного полка П. М. Быков.

Другой фальсификатор — Р. Петибридж старается показать, что большевистски настроенные солдаты при возвращении с фронта домой в деревню оказывались в изоляции, и «влияние большевистской пропаганды на их умы ослабевало»⁶⁵. С целью доказать это он процитировал три строки из письма в Секретариат ЦК РСДРП(б) А. В. Луначарскому солдата Ф. В. Папуловского, приехавшего с фронта в Камышловский уезд Пермской губернии⁶⁶. Однако английский советолог не заметил, что, как писал солдат, он всеми силами боролся за популяризацию в массах крестьян большевистских изданий и, в частности, выяснил, что эсеры сознательно уничтожали их.

Из многочисленных документов видно, что возвращавшиеся в деревню солдаты не изолировались, а наоборот, активно вели среди крестьян большевистскую агитацию, что способствовало падению влияния эсеров. Об этом сообщал, например, в письме в ЦК РСДРП(б) крестьянин Уржумского уезда Вятской губернии Роженцев. «Эсеры обманывают деревню только до тех пор, — писал он, — пока мало солдат в деревне, а как солдаты по домам, так и эсеры должны прятаться по норам»⁶⁷. Большевистски настроенные бывшие солдаты создавали и нередко возглавляли сельские Советы, земельные комитеты, сплачивали вокруг себя деревенскую бедноту и среднее крестьянство в борьбе с кулачеством, организовывали в селах партийные ячейки. Последнее обстоятельство было подчеркнуто на III Уральской областной конференции РСДРП(б) в начале января 1918 г.⁶⁸

В. И. Ленин высоко оценил роль демобилизованных солдат в установлении и упрочении Советской власти в деревне. В марте

1918 г. он заявил, что «советские организации... только теперь, когда вернулись с фронта солдаты, дошли до последнего деревенского захолустья»⁶⁹.

Обращает на себя внимание узость источниковой базы западных советологов. Так, работа профессора университета г. Норвич (Англия) В. Мосса о революционных событиях в Саратове в октябрь—ноябре 1917 г. строится на материалах всего двух газет буржуазного толка. Неудивительно, что автор статьи стремится принизить значение Октябрьской революции, особенно на местах⁷⁰.

Недостаток фактических данных для построения своих измышлений заставляет буржуазных историков идти на использование явно недостоверных источников. Это характерно, например, для книги Д. Кипа «Русская революция», объявленной на Западе «триумфом исследования»⁷¹. Пытаясь обвинить членов боевых дружин в «навязывании своей воли большевистским руководителям в Уфе, которые были склонны благоволить компромиссу с умеренными социалистами»⁷², он опирается на тенденциозную статью Б. Эльцина, опубликованную в 1922 г.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что в изучении многих проблем истории трех российских революций, и особенно руководящей роли большевистской партии в борьбе трудящихся за свое освобождение, современные буржуазные историки значительно отстают от советской историко-партийной литературы. Это утверждение еще более справедливо по отношению к проблемам истории революционных событий на местах, что признается и на Западе. Так, американский историк Р. Сноу считает, что советская наука представляет «...гораздо большую ценность, чем западные исследования... в освещении роли местных большевиков в революции. Западные историки просто игнорируют то, что происходило в губерниях»⁷³.

Отсутствие подлинно научной концепции исторического процесса, стремление интерпретировать факты истории в удобном буржуазии духе, узость источниковой базы и другие причины не позволяют советологам объективно, на должном научном уровне освещать историю трех революций в России, заставляя извращенно трактовать многие проблемы.

Анализ даже некоторых концепций в советологической литературе по проблеме роли партии и масс в трех революциях показывает, что под давлением ряда факторов советологи вынуждены отступать и маневрировать, изобретая новые тактические ходы. Но делая те или иные «уступки» в признании объективного хода истории, большинство буржуазных историков стремятся сохранить главное в своей интерпретации содержания и значения трех российских революций. В конечном счете речь по-прежнему идет о непризнании руководящей роли большевистской партии в трех

революциях в России. В современной буржуазной историографии заметен поворот от кадетской к меньшевистско-эсеровской оценке роли большевистской партии в революции. Писания меньшевиков и эсеров не сданы в архив, они служат источниковой базой для буржуазных историков.

Использование буржуазными авторами произведений В. И. Ленина, работ советских историков, которые, как указывает П. Дьюкс, начинают представлять «реальную ценность»⁷⁴ для западных историков, иными словами, расширение источниковой базы их публикаций не означает, что в буржуазной историографии трех революций в России происходит радикальная переоценка взглядов. Пересмотр старых взглядов касается в основном так называемой академической историографии. Что же касается массовой, антисоветской, антикоммунистической пропаганды, для которой ученые-советологи разрабатывают руководящие концепции, то она, по существу, осталась не затронутой новыми веяниями и несет на себе печать старых фальсификаций⁷⁵.

Многие современные буржуазные историки по-прежнему искажают роль большевистской партии в руководстве трудящимися массами в трех российских революциях. Но что бы ни писали советологи, им не удастся отвлечь массы угнетенных от марксизма-ленинизма, от исторического опыта большевистской партии. Анализ буржуазной историографии является одной из главных задач советской исторической науки, поэтому советским историкам следует продолжать углубленное и всестороннее изучение роли большевистской партии в руководстве массами в революционной борьбе, давая отпор любым попыткам исказить ее содержание.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 269.

² См.: Программа Коммунистической партии Советского Союза: Новая редакция. М., 1986. С. 54—57.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26.

⁴ См.: Moorhead A. Russian revolution N. Y., 1958. P. 7; Laue T. H. von. Why Lenin? Why Stalin?: A reappraisal of the Russian revolution, 1903—1930. Philadelphia: N. Y., 1964. P. 115; Carr E. H. The Bolshevik revolution 1917—1923. 3. ed. L., 1969. Vol. 1. P. 84; Perrie M. The October revolution // The Soviet Union. L., 1978. P. 36.

⁵ См.: Дажина И. М. Большевистские листовки в России периода первой мировой войны и Февральской революции. М., 1981. С. 162.

⁶ См.: Партия и армия. 2-е изд., доп. М., 1980. С. 34.

⁷ Katkov D. Russia 1917: The February revolution. N. Y., 1967. P. 253.

⁸ Hasegawa J. The February revolution: Petrograd, 1917. L., 1981. P. 579—580.

⁹ The Russian revolution and the Soviet State, 1917—1921: Documents / Sel. and ed. by McCauley, L., 1975. P. 1, 21.

¹⁰ См.: Flor nsky M. The end of the Russian Empire. N. Y., 1961. P. 222—223; Carr E. H. Op. cit. P. 81; etc.

¹¹ См.: Суханов Н. Записки о революции. Пг., 1919. Кн. 1. С. 23; Чернов В.

Рождение революционной России (февраль—январь). Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934. С. 215; **Милюков П.** История второй русской революции. София, 1921. Т. 1. С. 40—41.

¹² **Суханов Н.** Записки о революции. С. 16.

¹³ **Милюков П.** История второй русской революции. Т. 1. С. 41.

¹⁴ **Daniels R.** The Russian revolution. New Jersey, 1972. P. 8.

¹⁵ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 38. С. 393.

¹⁶ Там же. Т. 6. С. 29—30.

¹⁷ См.: История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1966. Т. 2;

Миц И. И. История Великого Октября. М., 1967. Т. 1; Партия и большевики в Февральской революции 1917 года. М., 1971; и др.

¹⁸ См.: Рец. на кн.: **Бурджалова Э. Н.** Вторая русская революция. М., 1967 // Критика.

¹⁹ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.

²⁰ Вopr. истории КПСС. 1965. № 9. С. 81.

²¹ См.: **Abrahamovitch R.** The Soviet revolution, 1917—1937. N. Y., 1962 (pref.).

²² **Милюков П.** Россия на переломе: Большевицкий период русской революции. Париж, 1927. Т. 1. С. 38.

²³ Перм. жизнь. 1917. 9 дек.

²⁴ **Grey I.** The first fifty years of Soviet Russia, 1917—1967. L., 1967. P. 89.

²⁵ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч. Т. 31. С. 16—17.

²⁶ См.: **Pethybridge R.** The spread of the Russian revolution: Essays on 1917. L., 1972. P. 192, 204.

²⁷ См.: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 67.

²⁸ См.: Борьба за победу Великой Октябрьской социалистической революции в Пермской губернии: Документы и материалы. Пермь, 1957. С. 91.

²⁹ Урал. жизнь (Екатеринбург). 1917. 5 марта.

³⁰ См.: **Laue T. H. von.** Op. cit. P. 127; **Katkov D.** Op. cit. P. 253; **Daniels R.** Red. October: The bolshevik revolution of 1917. L., 1974. P. 215.

³¹ **Pethybridge R.** Op. cit. P. 204.

³² См.: **Шляпников А.** Наша партия в февральские дни // Правда. 1922. 12 марта.

³³ ПАСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 57. Л. 41.

³⁴ Урал. жизнь. 1917. 17 мая.

³⁵ Перм. жизнь. 1917. 15 июля.

³⁶ См.: **Dukes P.** October and the world: Perspectives on the Russian revolution. L., 1979. P. 89.

³⁷ **Laue T. H. von.** Op. cit. P. 127.

³⁸ См.: **Спирин Л. М.** Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М., 1977. С. 301—303.

³⁹ **Perrie M.** Op. cit. P. 39.

⁴⁰ **Duval Ch.** The Bolshevik secretariat and Yakov Sverdlov: February to October 1917 // Slavonic and East European Review, 1972. Vol. 51. Nr. 122. P. 57.

⁴¹ См.: **Ерыкалов Е. Ф., Камешков Б. Н.** Ленинский ЦК — штаб Великого Октября. Л., 1977. С. 267.

⁴² См.: **Знаменский О. Н.** Всероссийское учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 273—274, 277.

⁴³ **Keep J.** The Bolshevik revolution: Prototype or mythe? // The anatomy of communist takeovers / Ed. by J. J. Hammond. New Haven; L., 1975. P. 51.

⁴⁴ **Jones D. R.** The officers and the October revolution // Soviet Studies. 1976. Vol. 28. Nr. 2. P. 211.

⁴⁵ **Daniels R.** Russia. New Jersey, 1964. P. 77.

⁴⁶ **Троцкий Л. Д.** Октябрьская революция. М., 1918. С. 12.

⁴⁷ **Городецкий Е. Н.** Советская историография Великого Октября, 1917 — середина 30-х годов: Очерки. М., 1918. С. 161.

⁴⁸ См.: Борьба большевиков за армию в трех революциях. М., 1969; Военно-

боевая работа партии большевиков, 1903—1917. М., 1973; Голуб П. А. Большевики и армия в трех революциях. М., 1977; и др.

⁴⁹ См.: Essays in honour of E. H. Carr/Ed. by C. Abramsky, ass. by B. J. Williams. L., 1974. P. 204.

⁵⁰ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 255—257; Т. 36. С. 115.

⁵¹ См.: Daniels R. Russia. P. 77.

⁵² См.: Rutherford W. The Ally. The Russian army in world war 1. L., 1977. P. 240, 248.

⁵³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. Т. 40. С. 9.

⁵⁴ Hammond Th. T. The history of communist takeovers // The anatomy of communist takeovers. P. 2.

⁵⁵ Минц И. И. История Великого Октября. М., 1978. Т. 2. С. 857.

⁵⁶ Подсчитано по: Победа Октябрьской социалистической революции на Урале. Свердловск, 1967. С. 537—546.

⁵⁷ До 20 ноября 1917 г. Советская власть победила в 48 губерниях, а к 18 января 1918 г. — еще в 31. Только в 12 из 79 городов переход власти в руки Советов совершился вооруженным путем (см.: Минц И. И. История Великого Октября. Т. 3. С. 637, 638).

⁵⁸ Anweiler O. The Soviets: The Russian workers, peasants and soldiers councils, 1905—1921. N. Y., 1972. P. 206.

⁵⁹ Bradley J. F. N. Civil war in Russia, 1917—1920. L.; Sydney, 1975. P. 34.

⁶⁰ См.: Ibid.

⁶¹ ЦПА ИМЛ. Ф. 72. Оп. 3. Д. 949. Л. 1 (воспоминания Н. Н. Крестинского).

⁶² См.: Попов Н. Н. Борьба большевиков Урала за солдатские массы в трех революциях. Саратов, 1982. С. 141—142.

⁶³ Keep J. Op. cit. P. 46.

⁶⁴ Anweiler O. Op. cit. P. 115.

⁶⁵ См.: Pethybridge R. W. The Bolsheviks and the technical disorder, 1917—1918 // Slavonic and East European Review. 1974. Vol. 49. Nr. 116. P. 423.

⁶⁶ См.: Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 — февраль 1918): Сб. документов. М., 1957. Т. 2. С. 454.

⁶⁷ Очерки истории Кировской организации КПСС. Киров, 1965. С. 444.

⁶⁸ См.: Урал. рабочий (Екатеринбург). 1918. 11 янв.

⁶⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 85—86.

⁷⁰ См.: Mosse W. E. Revolution in Saratow (October—november 1917) // Slavonic and East European Review. 1971. Vol. 49. Nr. 117. P. 586.

⁷¹ Asher A. The Russian revolution in retrospect // Problems of communism, 1977. Vol. 26. Nr. 5. P. 101.

⁷² Keep J. The Russian revolution: A study in mass mobilization. L., 1976. P. 286.

⁷³ Snow R. E. The Bolsheviks in Siberia, 1917—1918. Cranbury (New Jersey), 1977. P. 15.

⁷⁴ Dukes P. Op. cit. P. 181.

⁷⁵ См.: Иоффе Г. З. Великий Октябрь: Трансформация советологических концепций и ее классово-политическая суть // Вопр. истории КПСС. 1985. № 6. С. 81—86.

ИСТОРИОГРАФИЯ ПАРТИЙНОГО РУКОВОДСТВА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ СОВЕТОВ УРАЛА ПО ПРОВЕДЕНИЮ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ МОБИЛИЗАЦИЙ В КРАСНУЮ АРМИЮ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Современная историческая литература, в которой исследуется военный опыт Коммунистической партии в годы интервенции и гражданской войны, обширна. Методологической и теоретической базой изучения этой исключительно важной проблемы являются произведения В. И. Ленина. В них сформулированы основные принципы строительства Советских Вооруженных Сил, обоснована руководящая роль Коммунистической партии в области военного строительства, подчеркнута особое значение советского государственного аппарата в проведении призывов в Красную Армию. В трудах В. И. Ленина рассматриваются также вопросы, относящиеся непосредственно к военному строительству на востоке страны, и в частности на Урале.

Опираясь на ленинское идейное наследие, историки разработали различные стороны многоплановой темы «Партия и Красная Армия». В обобщающих работах по истории гражданской войны, написанных на союзном материале, таких авторитетных историков, как Ю. П. Петров, Л. М. Спирин, Г. В. Кузьмин, Ю. И. Кораблев, С. М. Кляцкин, П. А. Голуб и др., убедительно показан процесс создания Вооруженных Сил Советской республики, руководство Коммунистической партии во главе с В. И. Лениным этим процессом, подчеркнута зависимость темпов и результатов военного строительства от соотношения классовых сил и политических партий на том или ином этапе интервенции и гражданской войны. В отмеченной литературе содержатся некоторые факты, отражающие партийное руководство военно-мобилизационной деятельностью Советов на Урале в добровольческий период создания Красной Армии.

В исследованиях уральских историков О. А. Васьковского, М. А. Молодцыгина, В. С. Скрובה, П. И. Рощевского, З. А. Аминова, И. С. Капцуговича, В. В. Дубленных более конкретно, чем в союзной литературе, проанализированы события лета 1918 г. на Урале, борьба большевистских организаций края за мобилизацию всех сил и средств для отпора интервентам и белогвардейцам, роль советских организаций в защите завоеваний Октября¹.

В представленной статье автор, используя главным образом современную историческую литературу, сделал попытку подвести

некоторые итоги исследования военно-мобилизационной деятельности уральской партийной организации, участия Советов, возглавляемых большевиками, в строительстве добровольческих частей Красной Армии в начальный период гражданской войны. В работе отмечены также нерешенные, слаборазработанные вопросы, спорные моменты в изучении темы.

Как известно, начавшийся в мае 1918 г. белочешский мятеж поставил Советскую республику в тяжелое положение, потребовавшее большого напряжения сил для защиты пролетарской революции. Советские историки убедительно доказали, что организатором, вдохновителем отпора контрреволюции выступил ЦК РКП(б) во главе с В. И. Лениным. Исследователи обратили внимание на то, что В. И. Ленин был первым, кто предостерег партию и трудящихся от недооценки опасности мятежа белочехов, кто указал на прямую связь его с международным империализмом, вынашивавшим план уничтожения Советской власти. ЦК РКП(б), В. И. Ленин, оценивая военно-политическую обстановку в стране, пришли к выводу, что летом 1918 г. Восточный фронт стал главным фронтом республики, что вопрос о судьбе социалистической революции решался в это время на Волге и Урале. Исходя из этой оценки, партия мобилизовала лучшие силы на Восточный фронт. Исследователи показывают огромную работу Центрального Комитета, сделанную в этом направлении. Особое внимание уделяется роли В. И. Ленина в организации разгрома контрреволюции на востоке страны. Он, отмечают историки, следил за ходом мобилизаций, давал указания о переброске на Восточный фронт частей и соединений с других фронтов, принимал меры по обеспечению красноармейцев оружием, снаряжением, обмундированием, продовольствием.

ЦК РКП(б), правительство требовали от местных партийных и советских органов срочной мобилизации всех сил для разгрома белочешских мятежников. С этой целью, как подчеркивается в литературе, 29 мая 1918 г. Уральскому областному Совету была послана телеграмма председателя ВЦИК Я. М. Свердлова. В этот же день в Уфу прибыла комиссия Высшей военной инспекции Красной Армии во главе с народным комиссаром военных дел Н. И. Подвойским. Комиссия, отмечают исследователи, была направлена ЦК РКП(б) для оказания помощи партийным и советским органам Урала по формированию частей Красной Армии и организации отпора мятежникам.

Выполняя указания Центрального Комитета партии и правительства, опираясь на их помощь, коммунисты края возглавили борьбу трудящихся с контрреволюцией. 29 мая 1918 г. в Екатеринбурге по инициативе Уралобкома партии был создан Революционный штаб Уральской области, куда вошли ответственные работни-

жи областного и Екатеринбургского Советов, областного военного комиссариата и штаба резерва Красной Армии. Штаб, подчеркивают авторы монографии «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале» объявил мобилизацию «революционных сил во всех округах Уральской области, каковая должна быть проведена через местные Советы»². Партийные организации обратились к коммунистам, общественным организациям, рабочим и трудящимся крестьянам с воззваниями, в которых разъяснялась классовая сущность происходивших событий, содержался призыв встать на защиту Советской власти. Уфимские историки на этот счет приводят яркие документы. В обращении объединенного заседания Уфимского губернского и городского комитетов РКП(б) и коммунистических фракций исполкомов губернского и городского Советов, принятом 10 июня 1918 г., говорилось: «Товарищам рабочих и крестьянскую бедноту, всех, кому дорога революция, кому она не звук пустой, не звонкая фраза... мы зовем: «К ору-жью!...»³

Строительство Красной Армии, которая взяла на себя задачу отпора чехословацким мятежникам и белогвардейцам, началось, как известно, с создания добровольческих отрядов. Это был единственно реальный путь организации сколько-нибудь боеспособных частей в условиях развала старой армии и всех органов военного управления. К 1 июня 1918 г., по данным Л. М. Спирина, на Урале в рядах добровольческой Красной Армии насчитывалось 19 209 человек⁴. Коммунисты были застрельщиками добровольческих мобилизаций. В советской исторической литературе большое внимание уделяется партийным мобилизациям, их решающей роли в укреплении Красной Армии. Одним из первых исследователей, основательно изучившим эту проблему, был Ю. П. Петров. Его работы, изданные в 50—60-е гг., ценны не только общим методологическим подходом к разработке темы, но и интереснейшим фактическим материалом, свидетельствующим об авангардной роли большевиков, в том числе уральских, в борьбе с белочехами.

Интересные факты о пополнении Красной Армии коммунистами в период обороны Урала сообщают О. А. Васьковский, З. А. Аминев, М. А. Молодцыгин, В. С. Скробов, авторы ряда коллективных работ по истории партийных организаций края. Особенно ценны для нашей темы материалы, которые отражают мобилизацию коммунистов, работавших в советском аппарате. Например, М. А. Молодцыгин и авторы «Очерков истории коммунистических организаций Урала» сообщают, что в образцовый коммунистический батальон им. И. М. Малышева, созданный в июле 1918 г. Уральским областным комитетом РКП(б), вступили почти все руководящие партийные и советские работники Екате-ринбурга⁵. О том, что среди мобилизованных коммунистов было

много советских работников, пишет и З. А. Аминев. В Уфимской губернии, указывает он, во 2-ю армию влился весь актив руководящих работников губернских и уездных партийных и советских организаций⁶.

В мобилизации добровольцев, которую проводили главным образом партийные органы, приняли участие и другие организации системы диктатуры пролетариата, в том числе и Советы. В современной литературе значительно подробнее, чем раньше, рассказывается о том, как местные органы власти под руководством коммунистов поднимали трудящихся Урала на борьбу с контрреволюцией. Советы, пишут историки, объявляли военное положение в тех местностях, которые оказывались под угрозой захвата противником, вели усиленную агитационно-пропагандистскую работу среди населения, создавали отряды для борьбы с интервентами и белогвардейцами. Это видно, в частности, на примере башкирских органов власти. Наиболее подробные сведения об их военно-мобилизационной деятельности сообщает З. А. Аминев. Он рассказывает о мерах по разгрому врага, принятых VI Уфимским губернским съездом Советов (1—5 июля, 1918), о том, что Уфимский губревком в июле 1918 г. совместно со штабом 2-й армии развернул большую работу по набору добровольцев в Бирском и Мензелинском уездах Уфимской губернии, а также в некоторых уездах Пермской и Казанской губерний. С целью информации о событиях в Уфимской губернии, пишет далее З. А. Аминев, установления связи с соседними губерниями, мобилизации рабочих в армию члены губревкома Т. С. Кривов, П. И. Зенцов, А. П. Кучкин, С. Т. Галкин, В. В. Архангельский побывали в Сарапуле, Перми, Ижевске, Казани, Елабуге⁷.

Не менее напряженную работу вели и уездные Советы. З. А. Аминев это показывает на примере Белебеевского уезда. В Белебее 5 июня 1918 г. было созвано экстренное заседание уездного Совета, на котором для оперативного руководства мобилизацией была создана Чрезвычайная комиссия из трех человек во главе с председателем уездного Совнаркома коммунистом П. Н. Ключевым. В уезде было введено военное положение, укреплялись существующие отряды боевых дружин, успешно проводились мобилизации в ряды Красной Армии⁸. Как это видно из литературы, большую агитационную и организаторскую работу по формированию и укреплению отрядов и частей Красной Армии вели председатель Уфимского губкома РКП(б) и губревкома Б. Н. Нимвицкий, председатель Бирского укома партии и ревкома И. С. Чернядьев, члены агитационно-вербовочного отдела Уфимского губревкома П. З. Кузнецов, В. М. Алексакин, П. И. Деткин и др.

Предметом особой заботы партии и Советов являлось увели-

чение численности рабочих в Красной Армии. В литературе содержится интереснейший фактический материал, отражающий выдающуюся роль Советов в мобилизации пролетарских сил на борьбу с интервентами и внутренней контрреволюцией. Из исследования Г. И. Гужвенко, например, видно, что 28 мая 1918 г. Миньярский исполком Совета рабочих депутатов обратился с призывом к рабочим и населению встать на защиту диктатуры пролетариата. На митинге был образован рабочий отряд из 300 человек. Совет рабочих депутатов постановил временно закрыть завод и заняться усиленной военной подготовкой всех рабочих от 18 до 40 лет, способных носить оружие⁹. Миньярский отряд, говорится в многоотомной «Истории гражданской войны СССР», выступил на защиту Златоуста¹⁰. О напряженной, разносторонней деятельности партийных организаций и Советов рабочих депутатов по созданию частей Красной Армии в добровольческий период можно судить и по работе Верх-Исетского Совета Екатеринбурга. «Совет и партийный комитет завода, — пишут авторы «Очерков истории Свердловска», — даже ночью не знали покоя. Нужно было достать продовольствие, обмундирование, отыскать инструкторов из числа верных Советской власти военных специалистов»¹¹.

Видную роль сыграли Советы и в добровольческой мобилизации крестьянской бедноты. М. А. Молодцыгин приводит один из примеров формирования сельской дружины, описанный в «Уральском рабочем» за 13 июня 1918 г.: «В ночь на 28 мая в село Останинское Глинской волости пришла телеграмма Екатеринбургского уездного военного комиссара о высылке в Екатеринбург отряда в связи с мятежом белочехов. Сразу же собрался сельский Совет. Коммунисты и бывшие фронтовики решили: надо посылать. Наутро на общем собрании граждан провели запись добровольцев. А вечером отряд убыл в Екатеринбург»¹². По предложению большевиков, рассказывается в книге «Гражданская война и иностранная интервенция на Урале», объявили себя мобилизованными все делегаты открывшегося 28 мая 1918 г. Шадринского уездного съезда Советов. Они приняли обращение к рабочим и беднейшим крестьянам уезда с призывом взяться за оружие и сразу после съезда разъехались на места, чтобы начать вербовку добровольцев в Красную Армию. Уездный комитет партии, руководимый А. А. Ждановым, направил в помощь деревенским активистам опытных организаторов и агитаторов¹³. В этой же книге говорится, что при содействии члена Камышловского уездного исполкома Н. Н. Брюханова в Кочневской волости было сформировано 3 отряда. Один из них включал примерно 400 коммунистов и беспартийных бедняков. Командовал отрядом один из активных его организаторов, казначей Кочневского волостного исполкома Л. Ф. Некрасов¹⁴.

Исследователи, в частности П. П. Бажов, О. А. Васьковский, М. А. Молодцыгин, обратили внимание на особенно высокую политическую активность беднейшего крестьянства тех волостей, которые, находясь вблизи пролетарских центров и крепких партийных организаций, испытывали сильное их влияние. Историки относят это к Шадринскому и Камышловскому уездам и считают не случайным появление именно в этих уездах многих активных добровольческих отрядов бедноты. В Камышловском уезде, например, подчеркивает М. А. Молодцыгин, из действовавших в июне более чем 50 вооруженных дружин большинство были крестьянскими¹⁵.

Определенную агитационно-пропагандистскую и организаторскую работу Советы проводили по привлечению в Красную Армию трудовых казаков. А. П. Ермолин, специально исследовавший деятельность оренбургских большевиков по созданию красноказачьих отрядов, отмечает что на заседании Оренбургского губисполкома 3 июня 1918 г. было принято решение призвать трудовое крестьянство и казачество к активной борьбе против контрреволюции, объявить мобилизацию всех, кому дороги завоевания революции. Для претворения в жизнь этого постановления, пишет А. П. Ермолин, в станицы выехали члены губисполкома. При Оренбургском губисполкоме был создан штаб, занимавшийся формированием казачьих частей¹⁶. Из других материалов, опубликованных историком, видно, что в начале июня 1918 г. по инициативе Верхнеуральского комитета партии уездный съезд Советов принял постановление: немедленно заняться подготовкой обороны города и уезда, закончить формирование отрядов и полков Красной Армии¹⁷.

Некоторые историки обратили внимание на то, что в период добровольческих мобилизаций обстановка вынуждала местные Советы в ряде случаев прибегать к проведению обязательной мобилизации. Ю. И. Кораблев, М. А. Молодцыгин сообщают, что пленум исполкома Уральского областного Совета еще 22 мая 1918 г. принял постановление произвести частичную мобилизацию рабочих и беднейших крестьян нескольких призывных возрастов. Эти же авторы подчеркивают, что всеобщая добровольческая мобилизация, объявленная партийными и советскими органами Урала после начала белочешского мятежа, имела элементы обязательности: в ряде уездов Уфимской и Вятской губерний местные Советы устанавливали норму представления добровольцев — от каждой волости по 10—25 человек¹⁸. М. А. Молодцыгин отмечает, что Уральский окружной военный комиссариат уже в начале июня, в момент обострения боевой обстановки, прибегал по согласованию с органами Советской власти к принудительной мобилизации. Так, 3 июня окружной комиссар С. А. Анучин телеграфировал в

Невьянск, что «по решению Совета можно произвести мобилизацию одного—двух годов, однако без ущерба для производства»¹⁹. Исследователи справедливо пришли к выводу, что подобная практика приобрела довольно большое распространение и что добровольческая мобилизация явилась своего рода переходной формой к комплектованию Советских Вооруженных Сил на основе всеобщей воинской повинности²⁰. Ю. И. Кораблев и М. А. Молодцыгин не без основания полагают, что первые опыты местных Советов по проведению обязательных мобилизаций в добровольческий период послужили основой для выработки центральными органами решений, указаний, инструкций по проведению призывов²¹.

Анализ литературы показывает, что историки добились существенных успехов в изучении проблемы добровольческих мобилизаций в Красную Армию на Урале в начальный период гражданской войны. Они верно показали патриотический подъем передовой части трудящихся, подчеркнули решающую роль коммунистов в укреплении Красной Армии, повышении ее боевой мощи, правильно увидели в мобилизации коммунистов на фронт одно из проявлений руководящей роли партии на местах в вопросах военного строительства, выявили роль Советов в проведении добровольческих призывов. Вместе с тем исследователи, недостаточно отобрав и осмыслив материал, упрощенно подошли к освещению ряда вопросов темы. В частности, они утверждают, что пример коммунистов, отправлявшихся на фронт, нашел широкую поддержку трудящихся масс, что уже в первые дни белочешского мятежа, как пишет З. А. Аминев, «огромное большинство рабочих и трудящихся крестьян было полно решимости по первому зову Советской власти встать на ее защиту»²². Такой вывод делается без учета той неблагоприятной расстановки классовых сил, которая сложилась на Урале в начальный период гражданской войны. В литературе недостаточно учитывается, что добровольческая мобилизация, которая была проявлением высшей сознательности трудящихся масс, коснулась главным образом рабочих и передовой части крестьянства.

Не все благополучно со статистикой исследований. Некритический подход некоторых историков к источникам привел к тому, что цифровой материал, приведенный в литературе, чрезвычайно разноречив. Встречаются различные, существенно отличающиеся друг от друга цифры, касающиеся численности мобилизованных коммунистов. На это уже обратил внимание В. В. Дубленных в историографической статье, где он подводит итоги изучения истории партийных мобилизаций на Урале. Исследователь не только установил разночтения в литературе, но и попытался уточнить некоторые факты, имеющие отношение к мобилизации коммунистов. В. В. Дубленных прав, указывая на необходимость более тщательного анализа источников, комплексного изучения пробле-

мы²³. Такой подход к делу, на наш взгляд, дает возможность получить правдивое представление о масштабах добровольческих мобилизаций на Урале вообще и партийных в частности.

¹ См.: Коммунисты Урала в годы гражданской войны. Свердловск, 1959; **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии (1917—1919 гг.). Уфа, 1966; **Роцевский П. И.** Гражданская война в Зауралье. Свердловск, 1966; **Васьковский О. А.** Проблематика истории гражданской войны на Урале в современной исторической литературе // Вопросы историографии гражданской войны на Урале. Свердловск, 1967; **Молодцыгин М. А.** Выросли мы в пламени // Уральцы бьются здорово. Свердловск, 1968; Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. Свердловск, 1969; **Капцугович И. С.** Прикамье в огне гражданской войны. Пермь, 1969; **Скробов В. С.** Проблемы военной деятельности Коммунистической партии на Урале (1917—1920 гг.). Свердловск, 1971; и др.

² Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 72.

³ Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа, 1973. С. 200.

⁴ См.: **Спирин Л. М.** Участие трудящихся Урала в строительстве Красной Армии (1918 г.) // Из истории борьбы советского народа против иностранной интервенции и внутренней контрреволюции в 1918 году. М., 1956. С. 402.

⁵ См.: **Молодцыгин М. А.** Выросли мы в пламени. С. 34; Очерки истории коммунистических организаций Урала. Свердловск, 1971. С. 341.

⁶ См.: **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии... С. 284.

⁷ См.: Там же. С. 287.

⁸ См.: Там же. С. 257.

⁹ См.: **Гужвенко Г. И.** Башкирия в борьбе за Октябрь. Уфа, 1941. С. 64.

¹⁰ См.: История гражданской войны в СССР. М., 1957. Т. 3. С. 192.

¹¹ Очерки истории Свердловска. Свердловск, 1973. С. 169.

¹² Уральцы бьются здорово. С. 35.

¹³ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 77.

¹⁴ См.: Уральцы бьются здорово. С. 78—79.

¹⁵ См.: Там же. С. 36.

¹⁶ См.: **Ермолин А. П.** Борьба оренбургских большевиков за создание первых красноказахских отрядов // Жизненная сила ленинских идей. М., 1970. С. 132.

¹⁷ См.: Там же. С. 135.

¹⁸ См.: **Кораблев Ю. И., Молодцыгин М. А.** Военно-организаторская деятельность местных Советов в 1917—1918 гг. // Проблемы государственного строительства в первые годы Советской власти. Л., 1973. С. 219.

¹⁹ Уральцы бьются здорово. С. 42.

²⁰ См.: Гражданская война и иностранная интервенция на Урале. С. 82.

²¹ См.: **Кораблев Ю. А., Молодцыгин М. А.** Военно-организаторская деятельность местных Советов в 1917—1918 гг. С. 220.

²² **Аминев З. А.** Октябрьская социалистическая революция и гражданская война в Башкирии... С. 260.

²³ См.: **Дубленных В. В.** Некоторые итоги изучения истории партийных мобилизаций в Красную Армию на Урале в 1918 г. // Боевая и военная деятельность большевистских организаций Урала (1905—1920). Свердловск, 1983. С. 129—130.

СОВРЕМЕННАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОЛИ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ В РЕВОЛЮЦИОННОЙ БОРЬБЕ ТРУДЯЩИХСЯ УРАЛА И СИБИРИ В БЕЛОГВАРДЕЙСКОМ ТЫЛУ (1918—1919)

Исторический опыт Коммунистической партии в организации революционной борьбы трудящихся в тылу интервентов и белогвардейцев имеет непреходящее значение. В современных условиях активизации революционно-освободительной борьбы народов против реакционных режимов оно приобретает особую актуальность. Масштабная по размаху, глубине и силе своего воздействия борьба трудящихся в тылу восточной контрреволюции не могла не найти отражение в современной американской и английской буржуазной историографии иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР. Распространенные в ней трактовки причин, характера и движущих сил революционного сопротивления в тылу антинародных режимов на востоке России, в частности в Сибири, критически рассмотрены в работах С. Ф. Фоминых¹, Г. Е. Рейхберга и А. П. Шурыгина². Важным результатом этих работ следует признать выявление и критический анализ ряда буржуазных версий роли большевистских организаций в руководстве подпольной борьбой и партизанским движением в тылу сибирской контрреволюции.

Вместе с тем не получили должного освещения общие историографические схемы советологов относительно процесса становления и утверждения партийного руководства революционной борьбой масс в тылу врага. Также не определены местоположение и функции версий в контексте основополагающих концепций буржуазной историографии деятельности Коммунистической партии в период гражданской войны. Очевидно, решение этих проблем предполагает специальное историко-партийное исследование. В рамках данной статьи автор предпринял попытку краткого рассмотрения некоторых аспектов вышеназванных проблем.

Советскими исследователями установлено в качестве историографического факта широкое и устойчивое распространение в современной западной буржуазной литературе концепции, согласно которой в период интервенции и гражданской войны в СССР происходило якобы установление «диктатуры партии», «тоталитарного режима»³. Деятельность Коммунистической партии, рассматриваемая буржуазными идеологами сквозь призму этого ложного

стереотипа, предстает отраженной в превратном свете. Посредством интерпретаций, соответствующих концепции «диктатуры партии», советологи пытаются дать искаженное освещение борьбы трудящихся в тылу восточной контрреволюции.

Большинство буржуазных историков среди причин, обусловивших начало революционного движения в белогвардейском тылу на востоке страны, главные видят в жестокостях колчаковцев⁴, а также в стремлении крестьянского населения «защитить свою жизнь и свою собственность»⁵. Буржуазные авторы стремятся приписать революционному движению, в частности партизанскому, стихийность и отсутствие политического характера. Они пытаются представить, что состояние «полнейшего хаоса», царившее в сельских местностях «колчакии», и деятельность «красных» и «зеленых»... убивающих и грабящих без разбора⁶, стали возможны потому, что «белые никогда не вступали в борьбу со своими крестьянскими мятежниками, которым было позволено организовываться в партизанские и полувоенные отряды»⁷.

Содержание данных трактовок свидетельствует о том, что буржуазные историки находятся в добровольном плену методологически порочного подхода, основанного на отрицании классового характера гражданской войны. Методологическая ограниченность носит классово-обусловленный характер и способствует сокрытию главного — того, что злоупотребления, репрессии и жестокости белогвардейских властей являлись следствием их политических целей. Классовая политика этих режимов, реакционная, антинародная по своей сути, объективно не могла быть справедливой по отношению к трудящимся, не могла не сопровождаться жестокостями. Поэтому борьба трудящихся в тылу контрреволюции в конечном счете была не инстинктивной реакцией масс на репрессии белогвардейцев, а являлась борьбой против попыток реставрации буржуазно-помещичьего строя, за восстановление Советской власти. В свете изложенного нетрудно заметить подмену буржуазными авторами причины следствием, что предопределяет искаженное объяснение революционной борьбы трудящихся в тылу врага.

Неверное исходное положение обуславливает ошибочное определение буржуазными историками начала борьбы и ее характера. Они пытаются отнестись к началу ко времени установления колчаковской диктатуры и наделить этот процесс стихийным характером. Типично в этом отношении утверждение американского историка К. Смита. «Самопроизвольный рост партизанской деятельности... — пишет он, — проявился главным образом после установления власти Колчака»⁸. Указанные выводы соотносятся с буржуазными трактовками роли Коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся в тылу восточной контрреволюции.

Партийное руководство борьбой трудящихся масс в белогвардейском тылу на востоке страны признано многими американскими и английскими историками. Особенно высоко они оценивают систему организации руководства большевистской партии подпольной работой и партизанским движением. Дж. Эриксон отмечает, что борьба трудящихся организовывалась и направлялась Урал-Сибирским бюро ЦК РКП(б), «важным военно-политическим центром»⁹. Р. Сервис подчеркивает, что его состав «назначался из Москвы»¹⁰, т. е. Центральным Комитетом партии. Буржуазные авторы указывают также, что деятельность партии распространялась на организацию и руководство как подпольем, так и партизанским движением. «...Когда территория должна была быть оставлена и города сданы белым, — пишет У. Чемберлин, — здесь всегда находилась группа коммунистов, чтобы остаться для ведения подпольной работы и пропаганды, чтобы воспользоваться проявлением недовольства среди рабочих и крестьян»¹¹. «Партизанское движение, — отмечает Дж. Уайт, — не только следовало тщательно разработанным планам, вырабатывавшимся на периодических конференциях, но и руководствовалось из политических и военных стратегических центров, из которых направлялась вся деятельность»¹² партии в этой области. Советологи признают, что в белогвардейском тылу существовало «мощное, хорошо организованное коммунистическое движение»¹³, «тщательно подготовленная организация единомышленников»¹⁴, подобной которой «не имел ни один из белых режимов»¹⁵.

Однако буржуазная историография связывает начало деятельности партии за линией Восточного фронта с установлением диктатуры Колчака. Тем самым буржуазные историки умалчивают о становлении большевистского подполья и развертывании партизанского движения летом—осенью 1918 г. К. Мэннинг, например, вообще заявляет о том, что большевики, оказавшиеся с лета 1918 г. в тылу восточной контрреволюции, «находились не в таком положении, чтобы слишком серьезно угрожать конструктивной работе»¹⁶ белогвардейских правительств. Данная точка зрения вступает в противоречие с конкретным историческим материалом.

К осени 1918 г. интервенты и белогвардейцы оккупировали восточную часть территории Советской России. Местные организации Коммунистической партии в этих районах были разгромлены. Однако враги оказались не в состоянии уничтожить их до конца, предотвратить влияние коммунистов на массы трудящихся. «Меняя формы работы, уходя в подполье, они сохранили главное и решающее — сочувствие и поддержку пролетарских слоев населения»¹⁷. Уже в первые месяцы гражданской войны Коммунистическая партия приступила к целенаправленной деятельности по

организации большевистского подполья на Урале и в Сибири. Ее возглавлял Центральный Комитет партии. Секретарь ЦК РКП(б) Я. М. Свердлов осуществлял практическое руководство работой коммунистов в тылу восточной контрреволюции. Начало процессу собирания партийных сил и организационному оформлению большевистского подполья было положено в июле 1918 г. созданием в Тюмени Организационного бюро РКП(б) Сибири. Члены Оргбюро совместно с активными коммунистами-подпольщиками провели большую работу, в результате которой стало возможно проведение 18—22 августа (1—5 сентября) 1918 г. в Томске 1-й Сибирской (Западно-Сибирской) подпольной партийной конференции¹⁸. Это свидетельствовало о происходившей перегруппировке сохранившихся партийных сил. Конференция стала возможной благодаря налаживающейся деятельности подпольных партийных организаций, а также работе, проделанной талантливыми и опытными коммунистами-руководителями. Созыв ее отразил стремление коммунистов консолидировать свои ряды, выработать четкую программу борьбы трудящихся с контрреволюцией. Проведение подпольной конференции явилось свидетельством прочности позиций и растущего влияния Коммунистической партии в пролетарских массах.

Сразу после свержения Советской власти на Урале и в Сибири белочехи и белогвардейцы ощутили активное сопротивление трудящихся наступлению контрреволюции, результаты деятельности большевистских организаций. Приказом командующего группой чехословацких войск Р. Гайды от 25 июля 1918 г. на участке железной дороги Барабинск-Красноярск вводилось военное положение, к востоку от Красноярска — осадное. Гайда отмечал в приказе: «...У себя за спиной чувствую не только я, но и вверенные мне войска работу большевиков»¹⁹. Летом 1918 г. коммунисты налаживали сеть революционного подполья в городах, на предприятиях. По свидетельству А. Н. Зыкова, являвшегося членом подпольного Челябинского городского комитета партии, руководителем подпольной организации в железнодорожных мастерских города, уже к концу августа 1918 г. подпольные ячейки работали во всех цехах, организуя рабочих в десятки внутри каждого цеха и по месту жительства²⁰.

В первые месяцы власти белогвардейцев деятельность уральских и сибирских коммунистов развивалась в различных формах и направлениях. Большевики умело решали задачи использования профсоюзов, активизации забастовочной борьбы пролетариата²¹. Примером тому является забастовка железнодорожников, проходившая 7—22 октября 1918 г. на протяжении Транссибирской магистрали от Челябинска и Тюмени до Верхнеудинска²². Забастовочная борьба охватила тогда многие районы восточной

территории. По неполным данным только в Сибири с июня по август 1918 г. прошло 16 массовых забастовок. В 8 случаях рабочие выставляли политические требования, другие 8 забастовок, начинавшиеся как экономические, по ходу их проведения все более принимали политическую окраску²³. Массовые выступления рабочего класса создавали серьезную угрозу режимам восточной контрреволюции. Так, Сибирское правительство было вынуждено специально рассмотреть вопрос о положении, сложившемся в результате проводимой 9—10 июля 1918 г. политической забастовки шахтеров Анжерки и Судженки²⁴. В этом районе и в полосе железной дороги белогвардейцы ввели военное положение²⁵.

Еще большую угрозу для правительств контрреволюции летом и осенью 1918 г. представляла вооруженная борьба трудящихся. Важной формой этой борьбы явилось партизанское движение, основы которого закладывались в летние месяцы 1918 г. На Южном Урале, например, из числа некоторых советских вооруженных формирований, оказавшихся в июне 1918 г. на партизанском положении, было создано воинское соединение — Сводный Уральский отряд. Легендарный полторатысячекилометровый рейд уральских партизан, завершившийся выходом в расположение 3-й армии Восточного фронта 10 тыс. красных бойцов, оказал разрушающее воздействие на глубокий тыл врага²⁶. В Сибири летом 1918 г. подпольные большевистские организации Барнаула, Анжеро-Судженска, Новониколаевска и Томска создали несколько партизанских отрядов, преимущественно из рабочих²⁷.

Значительная роль в развитии массового партизанского движения принадлежала сельскому большевистскому подполью, которое начало складываться к осени 1918 г. Диапазон его деятельности в селах Урала и Сибири был широк. Так, образовавшаяся летом 1918 г. в Куяганской волости Бийского уезда и руководимая коммунистами Бийска большевистски настроенная группа подпольщиков в основном вела агитационно-пропагандистскую, разъяснительную работу среди трудового крестьянства, а в последующем участвовала в создании подпольной типографии в с. Александровка²⁸. В селах Курганского уезда Тобольской губернии уже в декабре 1918 г. насчитывалось до 250 членов подпольных организаций и групп, созданных и руководимых курганским городским подпольным большевистским комитетом. Сельские подпольщики этого уезда осуществили ряд диверсионных актов на железной дороге²⁹. Подпольная большевистская группа, действовавшая в селах Ново-Михайловском и Седельниково Тарского уезда Тобольской губернии, занималась агитационной, организационной и военно-технической подготовкой вооруженной борьбы трудящегося крестьянства этой местности с белогвардейскими властями³⁰.

Создание организаций и групп революционного подполья и образование небольших партизанских отрядов в сельских местностях Сибири летом 1918 г., как правило, предшествовало крестьянским вооруженным восстаниям, прокатившимся в районах края в конце лета и осенью 1918 г. Только 7 крупных крестьянских восстаний охватили более 70 волостей 7 уездов Сибири, в них приняли участие свыше 35 тыс. человек³¹. Восстания вспыхнули в сибирской деревне во многом под влиянием большевиков и руководимых ими подпольных организаций. Несмотря на то, что восстания были жестоко подавлены контрреволюцией, они придали борьбе трудящихся новое качество. В районах их возникновения начинало развиваться массовое партизанское движение.

Борьба трудящихся Урала и Сибири, равернувшаяся под руководством Коммунистической партии в тылу контрреволюции летом — осенью 1918 г., являлась составной частью гражданской войны, была борьбой против антинародных режимов, за восстановление Советской власти. Эта борьба была исторической реальностью, масштабность и характер которой на себе испытали интервенты и белогвардейцы. Однако эта историческая реальность советологами замалчивается либо априорно отрицается.

Буржуазные историки пытаются утверждать, что подъем партизанского движения зимой 1918 — весной 1919 г. был вызван исключительно жесткими мерами, «при помощи которых он (Колчак. — А. К.) пытался контролировать»³² население. Сибирское крестьянство, указывают Дж. Уайт и Дж. Светтенхейм, «не имевшее склонности к утонченным философским идеям...» и не выказывавшее «желание браться за оружие и сражаться за теоретические цели»³³, «в отчаянии присоединилось к большевикам»³⁴. Буржуазные авторы, в частности К. Мэннинг, К. Смит, пишут, что «крестьяне собирались в отряды для защиты самих себя от белых реквизиционных отрядов, но, между тем, имея слабое политическое сознание, они сравнительно легко попадали под влияние большевиков»³⁵, которое в конце концов стало преобладающим³⁶. Последнее суждение некоторые советологи (У. Чемберлин, Г. Стифенсон, А. Улам) оспаривают, считая, что партизанское движение «как целое, вероятно, не может быть охарактеризовано как коммунистическое»³⁷, так как «только небольшое число партизанских отрядов находилось под руководством большевиков»³⁸, а наряду с ними действовали «независимые, частично анархистские крестьянские отряды, сражавшиеся иногда вместе с большевистскими отрядами, иногда против них»³⁹. Данные суждения призваны убедить читателя в непричастности Коммунистической партии к подъему партизанского движения, в некоем взятии партией этого движения «под свой контроль»⁴⁰ после «проникновения» в него и «захвата» его руководства⁴¹. Таким образом, очевидно стремление

буржуазных авторов обосновать вывод об установлении большевистской «диктатуры» в партизанском движении на востоке страны.

Критический анализ методологических основ рассматриваемых версий выявляет их научную несостоятельность, антиисторизм. Западные историки, отрицая классовый характер гражданской войны, игнорируют социально-политические факторы, определявшие развитие партизанского движения, объективную необходимость и возможность осуществления руководящей роли Коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся масс в белогвардейском тылу. Это предопределяет сугубо идеалистический, субъективистский характер содержания буржуазных трактовок. Буржуазные авторы идеализируют стихийность, выпячивая «спонтанный» характер партизанской борьбы, неосознанность участниками ее политической направленности. К тому же они оперируют характеристикой «стихийность» безотносительно к этапам и периодам партизанского движения. В конечном счете элементы стихийности абсолютизируются.

Историки-марксисты видят в элементах стихийности партизанского движения не только недостаточный уровень политического сознания у части трудящихся, главным образом крестьянства, но, руководствуясь ленинским положением о том, что стихийность «представляет из себя, в сущности, не что иное, как **зачаточную форму сознательности**»⁴², считают, что элементы стихийности — это проявление изначальных форм самоорганизации трудящихся масс, получающих наибольшее распространение на первых этапах революционной борьбы. В. И. Ленин отмечал, что не может быть такой революции, «когда бы массы поднялись **сразу и вполне организованно**»⁴³. «Капитализм, — писал В. И. Ленин, — не может рухнуть иначе, как чрез посредство революции, поднимающей в ходе борьбы незатронутые раньше массы. Стихийные взрывы при нарастании революции неизбежны. Ни одной революции без этого не было и быть не может»⁴⁴. К взрывам, содержащим элементы стихийности, можно отнести крестьянские восстания, происходившие в Сибири осенью 1918 г. Элементы стихийности наблюдались в период нарастания партизанского движения зимой 1918/19 г., имели место в период массовой партизанской войны, развернувшейся с осени 1919 г. Однако они не определяли политический характер партизанского движения в целом. Во все возрастающей степени оно обретало большевистское идейно-политическое руководство, получало со временем все большее организационное оформление.

Представляется ненаучной постановка буржуазными авторами вопроса о низком уровне политического сознания сибирского крестьянства, ибо они рассматривают крестьянство как социально однородную массу населения, не учитывая этапы и периоды в разви-

тии политического сознания отдельных слоев населения села, а также влияние на этот процесс объективных и субъективных факторов. Уровень политического сознания трудящегося крестьянства не являлся неизменной величиной, как это предстает в трактовках буржуазных историков. Динамика глубинных социально-экономических процессов, определяемых содержанием и условиями развития социалистической революции, обостренной классовой борьбой, принявшей форму гражданской войны, реализовывалась в росте политического сознания трудящихся масс крестьянства, в том числе его средних слоев.

Вместе с тем формирование политического сознания у трудящихся было обусловлено не только объективными, но и субъективными факторами, среди которых решающим явилось влияние Коммунистической партии. Это воздействие не ограничивалось руководством организаций большевистского подполья или некоторых коммунистов деятельностью партизанских центров и отдельных отрядов, которое буржуазные авторы искаженно трактуют как «навязывание» большевиками своей «воли» партизанскому движению. Воздействие партии на сознание крестьянских масс, включая и середняцкие слои, было гораздо шире и глубже. Оно определялось всем содержанием политики партии, в частности решением аграрного вопроса. На сознание трудящегося крестьянства восточных районов, занятых интервентами и белогвардейцами, огромное влияние оказывали победы Красной Армии, которые трудящиеся справедливо относили на счет успешной политики ленинской партии. Активное воздействие на сознание трудящегося крестьянства также оказывала деятельность большевистского подполья, руководство коммунистами партизанской борьбы.

Вопросы руководства партизанским движением находились в поле зрения ЦК РКП(б)⁴⁵ и лично В. И. Ленина, внимательно анализировавшего имеющиеся у него данные о действиях партизан⁴⁶. С целью усиления организованности партизанского движения Сибирское бюро ЦК РКП(б) направляло во вражеский тыл специальных представителей⁴⁷.

Действовавшие в белогвардейском тылу большевики Урала и Сибири в своей работе исходили из указаний центральных партийных органов, а также из обстановки, сложившейся на востоке страны. 1-я Сибирская подпольная конференция РКП(б) приняла решение о подготовке вооруженных восстаний рабочих и крестьян⁴⁸. 2-я Сибирская подпольная конференция большевиков признала основной задачей подготовку восстания для восстановления Советской власти в Сибири и объединения ее с Советской Россией⁴⁹. Коммунисты должны были взять «на себя руководство всеми восстаниями рабочего класса и крестьянства, даже стихийно возникавшими в Сибири»⁵⁰. Повстанческое движение рабочих и кре-

ствия, развивавшееся под большевистским влиянием, было главной формой классовой борьбы революционных масс трудящихся в тылу восточной контрреволюции во второй половине 1918 г. и начале 1919 г. Несмотря на поражения вооруженные восстания пролетариата⁵¹ и трудящегося крестьянства имели большое значение. Они вызывали все новые волны революционного натиска трудящихся масс, оказывали непосредственное воздействие на развитие партизанского движения.

С конца 1918 г. в условиях нарастания партизанского движения возрастала его роль в общем потоке революционной борьбы. Это нашло отражение в тактическом курсе подпольных партийных организаций. Состоявшаяся в марте 1919 г. в Омске 3-я Сибирская подпольная конференция РКП(б) признала главной формой революционной борьбы организованные вооруженные восстания рабочих, крестьян и солдат. Вместе с тем, учитывая нарастание партизанского движения, конференция подчеркнула важность организации партизанской войны⁵². Линия большевиков на овладение и руководство партизанским движением была конкретизирована в документах конференции постановкой ряда задач. Одна из них заключается в том, что «группа партизанских отрядов, распространив свое влияние на обширный район, должна приступить к организации в этих местах Советской власти впредь до реорганизации ее на правильных, Совнаркомом утвержденных основаниях»⁵³. Образование в Сибири советско-партизанских районов, крупнейшие из которых формировались во второй половине 1919 г.⁵⁴, свидетельствовало об успешном решении этой задачи, о последовательном осуществлении большевистским подпольем решений 3-й Сибирской подпольной конференции РКП(б). В свете изложенного представляются несостоятельными попытки большинства буржуазных историков приписать большевикам «непричастность» к возникновению партизанского движения, «проникновение» в уже сформировавшееся движение и «захват» его руководства. Организационное и идейно-политическое оформление партизанского движения с самого начала проходило под определяющим воздействием Коммунистической партии.

Партизанское движение представляло собой сложное явление. В Сибири, в отличие от Урала, в составе действовавших партизанских отрядов численно преобладали трудящиеся крестьяне. В силу этого даже в тех отрядах, в которых была значительной рабочая прослойка, наблюдались проявления неорганизованности и недисциплинированности. В партизанском движении в Сибири существовали также некоторые отряды, подверженные анархизму. К ним прежде всего относились отряды И. П. Новоселова, П. К. Лубкова и Г. Ф. Рогова, действовавшие в Томской и Алтайской губерниях⁵⁵. Коммунисты вели настойчивую борьбу с кулацко-эсеровско-анар-

хистскими элементами в партизанском движении⁵⁶, утверждая в нем организованность, сознательную дисциплину⁵⁷ и социалистические идеалы в классовой борьбе трудящихся⁵⁸. Логика классовой борьбы заставляла партизанские массы признавать необходимость дисциплины, принимать организационное и идейное руководство Коммунистической партии.

Наличие отдельных анархистских отрядов, проявления мелко-буржуазной революционности отнюдь не определяли политический характер партизанской борьбы. Она носила характер решительного классового сражения рабочих и трудящихся крестьян за установление Советской власти. «Наилучшая форма управления народом есть власть Советов крестьянских и рабочих депутатов...»⁵⁹ — отмечалось в приказе Главного Военно-революционного штаба степно-алтайских партизан от 14 сентября 1919 г. Борьба за Советы являлась стержнем партизанского движения. Возникновение и развитие партизанского движения под лозунгом «Вся власть Советам!» свидетельствовало об определяющем идейно-политическом влиянии на него Коммунистической партии.

Критическое рассмотрение трактовок, определяемых концепцией «диктатуры партии», позволяет сделать вывод о научной несостоятельности попыток интерпретации роли Коммунистической партии в организации борьбы трудящихся в тылу восточной контрреволюции с позиций названной концепции, не имеющей ничего общего с реальным историческим явлением. Широкое распространение в буржуазной историографии антикоммунистических стереотипов обуславливает настоятельную необходимость активизации критико-историографических исследований, дальнейшую разработку конкретных проблем историко-партийной науки.

¹ См.: **Фоминих С. Ф.** Партизанское движение в Сибири (1918—1920 гг.) в освещении современных англо-американских буржуазных историков // Тр. Том. ун-та, 1969. Т. 214; **Он же.** Сибирское крестьянство в период Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны в освещении современных буржуазных историков // Проблемы истории советской сибирской деревни. Новосибирск, 1974.

² См.: **Рейхберг Г. Е., Шурыгин А. П.** Буржуазная историография Октября и гражданской войны в Сибири. Новосибирск, 1981.

³ См.: Критика основных концепций современной буржуазной историографии трех российских революций. М., 1983. С. 276; **Шишкина И. М.** Партия и рабочий класс в социалистическом обществе. Л., 1986. С. 212; Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1987. С. 243.

⁴ См.: **Bradley J. F. N.** Civil War in Russia, 1917—1920. L., 1975. P. 103; **Kennan G.** Russia and the West under Lenin and Stalin. Boston: Toronto, 1961. P. 114; **Lockett R.** The White Generals. L., 1971; **White J. A.** The Siberian Intervention. Princeton, 1950. P. 119.

⁵ **Manning G.** The Siberian Fiasco. N. Y., 1952. P. 137; **Swettenheim J.** Allied

- Intervention in Russia and Part Played by Canada. L., 1967. P. 138; **Footman D.** Civil War in Russia. L., 1961. P. 219.
- ⁶ **Ulam A.** Expansion and Coexistence: The History of Soviet Foreign Policy, 1917—1967. N. Y., 1971. P. 101.
- ⁷ **Bradley J. F. N.** Civil War in Russia... P. 165.
- ⁸ **Smith C. F.** Vladivostok under Red and White Rule Seattle, 1975. P. XII.
- ⁹ **Erikson J.** The Soviet High Command: A Military-Political History, 1918—1941. L., 1962. P. 64.
- ¹⁰ **Servic R.** The Bolshevik Party in Revolution, 1917—1923. L., 1979. P. 104.
- ¹¹ **Chamberlin W. H.** The Russian Revolution, 1917—1921. N. Y., 1935. Vol. 2. P. 34.
- ¹² **White J. A.** The Siberian Intervention. P. 279.
- ¹³ **Kennan G.** Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 114.
- ¹⁴ **Chamberlin W. H.** The Russian Revolution... Vol. 2. P. 34.
- ¹⁵ Ibidem.
- ¹⁶ **Manning C.** The Siberian Fiasko. P. 52.
- ¹⁷ История Коммунистической партии Советского Союза. М., 1968. Т. 3, кн. 2. С. 136.
- ¹⁸ См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983. С. 540.
- ¹⁹ Борьба за власть Советов в Томской губернии (1917—1919 гг.): Сб. документов. Томск, 1957. С. 338.
- ²⁰ См.: В боях и походах: Воспоминания участников гражданской войны на Урале (1918—1919). Свердловск, 1959. С. 352.
- ²¹ См.: Рабочий класс в Октябрьской революции и на защите ее завоеваний, 1917—1920 гг. М., 1984. С. 297—300; История профсоюзов Урала, 1905—1984 гг. М., 1984. С. 73—76.
- ²² См.: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1982. С. 94.
- ²³ См.: **Кадейкин В. А.** Сибирь непокоренная. Кемерово, 1968. С. 198.
- ²⁴ См.: Рабочий класс Сибири в период строительства социализма. С. 92.
- ²⁵ См.: Из истории гражданской войны в СССР: Сб. документов и материалов, 1918—1922. М., 1960. Т. 1. С. 440.
- ²⁶ Подробнее см.: **Плотников И. Ф.** Десять тысяч героев. М., 1967; Он же. Героическая эпопея Уральской партизанской армии Блюхера. Уфа, 1986.
- ²⁷ См.: Гражданская война в СССР. М., 1980. Т. 1. С. 318; **Павлов Я. С.** В. И. Ленин и партизанское движение. Минск, 1975. С. 160.
- ²⁸ ЦПА ИМЛ. Ф. 71. Оп. 15. Д. 449. Л. 4—6, 10.
- ²⁹ См.: **Плотников И. Ф.** Из истории большевистского подполья Зауралья в период гражданской войны // Проблемы истории революционного движения и борьбы за власть Советов в Сибири (1905—1920 гг.). Томск, 1982. С. 213—214.
- ³⁰ См.: За власть Советов: Сб. документов. Новосибирск, 1947. С. 153—154.
- ³¹ См.: **Гущин Н. Я., Журов Ю. В., Боженко Л. И.** Союз рабочего класса и крестьянства Сибири в период построения социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1978. С. 117.
- ³² **White J. A.** The Siberian Intervention. P. 119.
- ³³ Ibidem.
- ³⁴ **Swettenheim J.** Allied Intervention in Russia and Part Played by Canada. P. 138.
- ³⁵ **Manning C.** The Siberian Fiasko. P. 137.
- ³⁶ См.: **Smith C. F.** Vladivostok under Red and White Rule. P. XII.
- ³⁷ **Chamberlin W. H.** The Russian Revolution. Vol. 2. P. 198.
- ³⁸ **Stephenson G.** Russia from 1812 to 1945. N. Y., 1970. P. 324.
- ³⁹ **Ulam A.** Expansion and Coexistence. P. 101.
- ⁴⁰ **Kennan G.** Russia and the West under Lenin and Stalin. P. 115.
- ⁴¹ См.: **White J. A.** The Siberian Intervention. P. 275—276.

⁴² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 29—30.

⁴³ Там же. Т. 38. С. 393.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ См.: Аникеев В. В. Деятельность ЦК РКП(б) в 1918—1919 годах: Хроника событий. М., 1976. С. 91; Переписка Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями: Сб. документов. М., 1970. С. 171—172, 283—284; 1971. Т. 6. С. 247—248; 1972. Т. 7. С. 405.

⁴⁶ См.: Владимир Ильич Ленин: Биография, 1870—1924. 7-е изд. М., 1985. Т. 2. С. 98; Спиринов Л. М. Классы и партии в гражданской войне в России (1917—1920 гг.). М., 1968. С. 370; Павлов Я. С. В. И. Ленин и партизанское движение. Минск, С. 113.

⁴⁷ См.: Партия в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.): Документы и материалы. М., 1962. С. 352; Сибирское бюро ЦК РКП(б), 1918—1920 гг.: Сб. документов. Новосибирск, 1978. Ч. 1. С. 30—31, 192—194.

⁴⁸ См.: Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.): Документы и материалы. 2-е изд. Новосибирск, 1959. С. 49.

⁴⁹ См.: Там же. С. 64.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Зимой 1918/19 гг. и весной 1919 г. в Омске, на ст. Иланская, в Канске, Томске, Бодайбо, Енисейске, Кольчугино, Туринске, Тюмени происходили вооруженные восстания рабочих, поддержанные частью солдат. См.: Стишов М. И. Большевицкое подполье и партизанское движение в Сибири в годы гражданской войны, 1918—1920 гг. М., 1962. С. 129.

⁵² См.: Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). С. 78.

⁵³ Там же. С. 92.

⁵⁴ См.: Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917—1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 55.

⁵⁵ См.: История Сибири. Л., 1968. Т. 4. С. 116; Ларьков Н. С. Из истории идейно-политической борьбы в антиколчаковском партизанском движении в Сибири // Из истории интервенции и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке. Новосибирск, 1985. С. 139.

⁵⁶ См.: Плотников М. Е. О партизанском отряде Рогова и сущности «роговщины» // Новокузнецк в прошлом и настоящем. 1971. С. 66—81; Кадейкин В. А. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархистских тенденций в партизанском движении // Проблемы истории Октябрьской революции и гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 308—329; Шишкин В. И. Из истории борьбы Коммунистической партии и Советской власти против анархизма в Западной Сибири в 1919—1920 гг. // Классовая борьба в сибирской деревне в период построения социализма. Новосибирск, 1978. С. 3—38.

⁵⁷ См.: Маздрин И. П. Грозные годы. Барнаул, 1959. С. 81; Жигалин Я. П. Партизанские отряды занимали города. Барнаул, 1965. С. 95—96, 117—119.

⁵⁸ См.: Документы героической борьбы: Сб. документов. Красноярск, 1959. С. 357—358; Партизанское движение в Западной Сибири (1918—1920 гг.). С. 229.

⁵⁹ Там же. С. 219.

О
Бу
Урал
Д
работ
ской
Н
по во
револ
Ба
ций У
Красн
колчак
Бо
та на
Пл
чению
действиям
Абр
подльно
Зап
женной
Окр
чрезвы
Муз
Кит
фия о
близ
Терр
стью С
Красну
Кит
гическо
белогва

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Бузуверова Н. В. Ревкомы — органы мобилизации масс на защиту Урала в начальный период гражданской войны	6
Дмитриев Н. И., Дмитриева Т. В. К вопросу о привлечении рабочих и рабочих Урала к защите социалистического Отечества в годы гражданской войны	12
Никитин В. Н. Деятельность территориальных организаций РКП(б) по вовлечению уральского крестьянства в борьбу с вооруженной контрреволюцией	24
Баженова Е. Ю., Плотников И. Ф. Деятельность партийных организаций Урала по вовлечению трудящихся национальных меньшинств в ряды Красной Армии и оказанию помощи фронту после освобождения края от колчаковцев	32
Бодрова Э. Э. Начало строительства 2-й и 3-й армий Восточного фронта на Урале (по материалам воспоминаний)	39
Плотников И. Ф. Деятельность коммунистов Среднего Урала по вовлечению трудящихся в вооруженную борьбу с интервентами и белогвардейцами в их тылу	51
Абрамовский А. П. О некоторых вопросах тактики Челябинской подпольной большевистской организации в период колчаковщины	70
Запольская В. М. Участие комсомольцев и молодежи Урала в вооруженной борьбе за освобождение края от белогвардейцев и интервентов	85
Округин А. А. Партийное руководство созданием и деятельностью чрезвычайных органов по борьбе с контрреволюцией на Урале (1918—1920)	97
Музафарова Н. И. Из истории церковной контрреволюции на Урале	106
Китаев А. Я., Пантюхина Т. Л., Попов Н. Н. Буржуазная историография о роли большевистских организаций в революционной мобилизации трудящихся масс в 1917—1918 гг.	117
Тертышный А. Т. Историография партийного руководства деятельностью Советов Урала по проведению добровольческих мобилизаций в Красную Армию на первом этапе гражданской войны	133
Китаев А. Я. Современная буржуазная историография роли Коммунистической партии в революционной борьбе трудящихся Урала и Сибири в белогвардейском тылу (1918—1919)	141

1 р. 50 к.